МЛАДОРУСЬ

КНИГА 2

ПРАГА 1922

Digitized by the Internet Archive
in 2010 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

http://www.archive.org/details/mladorusserialpe02andr

МЛАДОРУСЬ

Періодическій Литературно-
Художественный Сборникъ

КНИГА ВТОРАЯ

ПРАГА
„СЛАВЯНСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО"
1922.

Въ типографіи „Грюнхутъ“, Praha-Smichov, Přemyslova 16.

ТРІЕДИНЫЙ СИМВОЛЪ.

Россія, нищая Россія,
Мнѣ избы сѣрыя твои,
Твои мнѣ пѣсни вѣтровыя,
Какъ слезы первыя любви.
А. Блокъ.

И теперь, и впредь мы будемъ настойчиво говорить все о томъ же, о чемъ теперь нельзя не говорить, — мы будемъ говорить о Россіи, о Ея судьбѣ, объ обязанности каждаго изъ насъ положить всѣ силы ума и воли на дѣло Ея возрожденія.

Кругомъ царитъ хаосъ мыслей и чувствъ; и здѣсь, за рубежомъ, и тамъ, въ Россіи, люди бродятъ, какъ заблудившіяся дѣти, въ лѣсу противорѣчій.

Никто не знаетъ, какія теперь нужны слова, чтобы заставить всѣхъ повѣрить въ ихъ правоту. Слова потеряли свою цѣнность. Они стали дурно пахнуть.

Кто сейчасъ можетъ намѣтить путь спасенія? Немногіе. Но они молчатъ. Не пришло ихъ время. Они ждутъ...

Они ждутъ — ибо еще не созрѣла ихъ вѣра. Но и вѣра безъ дѣлъ мертва.

Колеблется почва столѣтій, вѣтеръ эпохи яростно треплетъ знамена всѣхъ цвѣтовъ съ устарѣвшими лозунгами.

Безсильными старушками по распутьямъ времени бредутъ политическія вѣрованія и утопіи. И величайшее заблужденіе было бы думать, что только у этихъ старушекъ правда и справедливость, и что для того, чтобы выявить „свое лицо“ — необходимо, во что бы то ни стало, примкнуть къ какой либо изъ нихъ и плестись въ хвостѣ...

Безнадежная отсталость, небывалый въ мірѣ абсурдъ! Тысячи лѣтъ взывали къ прогрессу и въ заключеніе построили міровой звѣринецъ. Пѣли о сверхчеловѣчествѣ, а кончили людоѣдствомъ...

*

Но иныя наступаютъ времена, иные сроки несетъ жизнь для новыхъ дѣлъ, и по новой азбукѣ событій теперь должны учиться тѣ, кто думаетъ быть полезнымъ въ творчествѣ своей страны.

Русскій народъ слишкомъ великій народъ, слишкомъ велики и драгоцѣнны его страданія, чтобы можно было самонадѣянно говорить отъ его имени. На это надо имѣть право, а право это дается только народомъ. Покуда же народъ обезличенъ и униженъ, этого права никто не имѣетъ ни здѣсь, ни тамъ.

И надо особенно осторожно говорить о русскомъ народѣ.

Надо научиться цѣнить слово, ибо слово есть уже дѣло...

Намъ, русской молодой интеллигенціи, прошедшей великій искусъ, поборовшей много препятствій и еще сохранившей вѣру въ лучшее будущее, необходимо теперь же надъ этимъ поглубже задуматься и начать готовиться, чтобы быть достойными сынами своего великаго отечества.

Но прежде, чѣмъ удостоиться этого, надо немедля приступить къ работѣ, къ работѣ по засыпанію пропасти, зіяющей между интеллигенціей и народомъ. Пропасть эта велика и вѣка непониманія, отчужденности и недовѣрія, сдѣлали ее непреодолимой. Не дешевыми эффектами ее превозмочь! Одинокъ сейчасъ народъ, одинока его интеллигенція. Для того же, чтобы найти мостъ между этими двумя страждущими и взыскующими родными половинами, необходима прежде всего простота, пламенная вѣра и искренность.

Не нужно много говорить, — жизнь за нѣсколько послѣднихъ лѣтъ научила тому, чему не научатъ никакіе толстые томы съ туманными идеалами. И тотъ, кто до сихъ поръ ничему не научился, тотъ можетъ свободно подвести свой итогъ, — онъ просто лишній.

Но тотъ, кто хорошо понимаетъ языкъ событій, кто разгадываетъ символы дней, тотъ да готовится мудро, осторожно и безкорыстно, вникая во все и, строго провѣряя себя, безъ пощады къ старымъ и новымъ ошибкамъ, не внося поспѣшности, близорукой и лично-злобной запальчивости въ дѣло великаго служенія своему народу.

Въ нашемъ воображеніи есть только одинъ неугасимый огненный столбъ, — это Россія.

Тысячи тропинокъ ведутъ къ одной широкой дорогѣ — въ Россію.

Мы твердо вѣримъ, что пронесутся смерчи насилія, смѣнятъ личины партіи, но останется все тотъ же Народъ, все та же Россія.

И вотъ тогда то намъ и придется встрѣтиться лицомъ къ лицу съ народомъ и заговорить о новой созидательной работѣ, о жертвѣ

безкорыстной во имя правды. Работы же будетъ много. Нуженъ будетъ всякій честный труженикъ. И потому надо теперь все освѣтить свѣтомъ совѣсти, переоцѣнить и принять. Спросятъ: „Что-же положить въ основу для этого пріятія?“ Основа есть. Въ Россіи, несмотря на весь непостижимый ужасъ голода и насилія, происходитъ Божіе таинство. У русскаго народа отняли все, что только можно было отнять, но не могутъ отнять у него Бога. Богъ остался въ душѣ русскаго народа и съ Богомъ остался русскій народъ и въ этомъ залогъ его воскресенья. Это хорошо знаютъ и учитываютъ тѣ, что стремятся вырвать съ корнемъ вѣру въ Бога. Но какъ жалки, какъ ничтожны попытки человѣческаго передъ непостижимымъ Божескимъ!

Каждое мгновеніе въ народной душѣ убиваютъ Бога, но съ каждымъ новымъ мгновеніемъ Онъ грознѣе встаетъ передъ хулителями Его. Религіозное сознаніе растетъ, проходитъ огненной стрѣлой черезъ всю душу народа. Тамъ, въ душѣ его, уже кристаллизуется правда жизни. Въ Россіи у народа есть Богъ... Бога должны сохранить и мы... Это нашъ первый шагъ къ объединенію съ народомъ. Ибо, если интеллигенція будетъ въ своей душѣ имѣть Бога, то она скоро найдетъ общій языкъ съ народомъ.

Второе, — мы должны научиться любить и лелѣять образъ этой Новой, въ мукахъ рождающейся, Россіи. Полюбивъ же этотъ образъ, мы полюбимъ и все русское, что ни есть въ нашей многообразной природѣ и въ неизсякаемой сокровищницѣ нашей исторіи.

Третье, — въ изгнаньи сберечь свою живую душу, накопить опытъ и знанія, взять что ни есть лучшаго у народовъ, и приготовить все это въ дорожныя сумы. Мы мыслимъ, что надо разъ и навсегда покончить споръ и клевету другъ на друга, которыми къ великому прискорбію занимается многомилліонная русская эмиграція. Надо всѣми силами и средствами, имѣющимися у русской эмиграціи, заставить иноземцевъ съ уваженіемъ относиться къ русскому имени. Нельзя изъ за отсталости, эгоизма и политической дряхлости унижать русское имя, роняя его достоинство въ чужихъ глазахъ! Къ этому насъ обязываетъ память нашихъ величайшихъ людей и геніевъ! Вѣдь рано или поздно русскій народъ спроситъ:

„Что же вы дѣлали тогда, когда я погибалъ?!“

Мы хотимъ только одного, чтобы не мѣшали намъ готовиться... Мы хотимъ, чтобы къ намъ не спѣшили приклеивать ярлыковъ какой бы то ни было партійности или группировки, — все что еще нужно бакалейщикамъ нашего времени. И если мы говоримъ, что пора готовиться въ путь, то это не значитъ, что надо итти поклониться исполнителямъ велѣній Звѣря. Нѣтъ!

Россія ждетъ, но ждетъ своего освобожденія. Это будетъ, ибо таковъ законъ Бога. Съ угнетателями же народа у насъ нѣтъ общей дороги.

Мы бы хотѣли одного, чтобы молодая русская интеллигенція услышала нашъ призывъ и тѣсными рядами, пусть медленно, но рука объ руку, обмѣниваясь взглядами и мыслями, нашла бы здѣсь на чужбинѣ общій языкъ. Все свѣтлое и вѣрящее въ Россію мы зовемъ работать вмѣстѣ. Сѣйте всюду сѣмена вѣры, они дадутъ въ нужный часъ всходы...

Покуда же есть время и силы, мы русское былое, настоящее и грядущее сплетемъ въ тріединый символъ:

Россія! Россія! Россія!..

Да будетъ этотъ символъ мѣриломъ въ переоцѣнкѣ цѣнностей.

В. Ильинскій.

ЭТО ПѢЛИ ГОРЯЩІЯ ЗВѢЗДЫ.

Каждый мигъ, вѣчно, всѣ, неизмѣнно,
въ мистическомъ танцѣ свѣтовъ,
кружимся всею вселенной.
Въ блистающихъ сферахъ видѣній
мы, грѣшные, свѣтимъ
красой.
Вкругъ нашихъ головъ
ореолами
золотое сіянье волосъ,
напряженныхъ, какъ въ вихрѣ полета
звенящее лассо.

Лицамъ нашимъ, горящимъ въ экстазѣ,
вѣютъ прохладой столѣтья,
и мы, утомленныя счастьемъ полета,
въ скорбныхъ восторгахъ сіянья уставъ,
съ крикомъ, летящимъ въ бездонности,
радуясь, падаемъ, мы — танцовщицы,
и будто въ разсыпанныхъ розахъ, въ крови
умираемъ.

Тотчасъ же смѣнятъ насъ сестры,
бѣлыя-бѣлыя,
и въ пѣснѣ, что въ сумракъ вѣковъ улетаетъ,
въ новыхъ волнахъ взмывающихъ,
въ новыхъ и новыхъ просторахъ, идутъ —
въ звѣздной пыли и въ туманностяхъ —
предтечи сіяющихъ таинствъ!

Отакаръ Бржезина.

Перев. съ чешскаго С. Савиновъ.

VANITAS.

(Вѣнокъ сонетовъ).

Посвящаю Вячеславу Иванову.

I

Изгнанникомъ молюсь подъ сводами костела.
Здѣсь ближе небеса и сердце горячей,
и мертвую латынь заученныхъ рѣчей
животворитъ огонь священнаго глагола.
Чуть вѣетъ холодомъ отъ каменнаго пола,
изъ оконъ стрѣльчатыхъ — снопы косыхъ лучей.
Распятье и ковчегъ, высокихъ рядъ свѣчей,
Мадонна въ золотѣ надъ кружевомъ престола.

Сквозь дымы ладана — печаль и красота;
вѣка, вѣка молитвъ и битвъ ожесточенныхъ,
тѣнь инквизиціи, тріумфы искушенныхъ
въ міродержавіи намѣстниковъ Христа,
хламиды королей колѣнопреклоненныхъ...
Великолѣпій бредъ и мудрости тщета.

II

Великолѣпій бредъ и мудрости тщета,
слѣпого Хроноса забвенныя обиды;
въ пучинѣ времени — ты, призракъ Атлантиды,
далекихъ зорь и славъ и подвиговъ мечта!
Кругомъ — развалины, обломковъ нищета;
погребены въ пескахъ сады Семирамиды,
Сфинксъ неразгаданный, сѣдыя пирамиды,
Египетъ, Вавилонъ, пустынныя мѣста.

Эллады дивный строй, столпотворенье Рима,
ограбленный Царьградъ, Россія . . . Мимо, мимо!
Все умерло. Давно-ль? Навѣкъ. О, суета!
За мигомъ въ бездны мигъ течетъ неумолимо,
цѣлуютъ смерти тлѣнъ любовниковъ уста,
на всемъ, надъ всѣми тѣнь могильнаго креста.

III

На всемъ, надъ всѣми тѣнь могильнаго креста.
Ютится кладбище у самой двери храма;
вдоль изгороди — врядъ, уныло, строго, прямо —
надгробныя плиты, и каждая плита
истертой надписью прощальной заклята:
„Покойно спи, мой сынъ“, „Христосъ Воскресе, мама!“
А подлѣ вырыта могильщиками яма,
въ обитель сирую разверстыя врата.

Кого-то ждетъ она? И сердце уколола
тоска щемящая. Вѣдь, можетъ быть — какъ знать?
здѣсь велѣно и мнѣ когда нибудь лежать
и слушать перезвонъ воскреснаго костела.
Ужасно все забыть, страшнѣе вспоминать;
въ землѣ, въ чужой землѣ и холодно и голо.

IV

Въ землѣ, въ чужой землѣ и холодно и голо.
Скорблю, не вѣдаю, и манитъ міръ иной,
и жаль всего, всего, всего, что было мной,
что сердце и въ гробу, истлѣвъ, не побороло.
О, пытка страстная послѣдняго раскола,
послѣднее звено мятежности земной,
и путь невѣдомый нездѣшней стороной,
поля блаженныя таинственнаго дола!

Иль это тоже бредъ? И тамъ въ небытіи
Харону дряхлому не заплачу обола,
и духъ разсѣется, какъ вѣянье Эола,
и Стиксъ не всколыхнетъ нагруженной ладьи?
Иль смертнымъ нѣтъ надеждъ, и лгали сны мои,
и прихоть человѣкъ пустого произвола?

V

Иль прихоть человѣкъ пустого произвола?
Нѣтъ, Господи! Твоимъ дыханьемъ зажжена
душа нетлѣнная, — отыди, Сатана!
Любовь утишитъ боль смертельнаго укола.
Въ слезахъ склоняюсь я до каменнаго пола,
цѣлую солнца лучъ, упавшій изъ окна,
я вѣрю призракамъ завѣщаннаго сна,
улыбкѣ Твоего святого ореола,

Марія-Богомать иконнаго холста!
Какъ свѣтится лицо Безгрѣшной примиренно,
какъ нѣжны уголки божественнаго рта . . .
Любуюсь, трепещу, взываю умиленно,
люблю въ Тебѣ любовь, о, Женщина - Мадонна,
и все, что смертными зовется красота.

VI

И все, что смертными зовется красота,
не отсвѣты-ль моей отчизны безтѣлесной,
гдѣ клиру ангеловъ внимаетъ міръ небесный,
и радугами сферъ безбрежность залита,
гдѣ дышитъ вѣчностью и Богомъ высота,
и въ таинствахъ любви, соборной и чудесной,
увиты ризами Невѣсты Неневѣстной,
сіяютъ алтари воскресшаго Христа!

Но мигъ, единый мигъ... Все меркнетъ — умиленье
и слезы ужъ не тѣ... Мнѣ жутко, вновь пуста
твердыня пышная церковнаго смиренья,
въ грѣхахъ пріявшее позоръ грѣхопаденья,
тысячелѣтнихъ грезъ, томленій и поста
тщеславье бѣдное и вѣры слѣпота.

VII

Тщеславье бѣдное и вѣры слѣпота.
Монахи въ рубищахъ; порфиры и тіары;
алмазныхъ розсыпей и золота пожары,
и плоти распятой святая нагота.
Не ты ли, вѣчный? Римъ! Надежнѣе щита
не могъ воздвигнуть Петръ, богозаступникъ ярый.
А ты, Флоренція, — о, мраморныя чары! —
и городъ Венецьянъ, волшебная чета.

Piazzetta. Старый Маркъ. Вотъ приплыла гондола.
Выходитъ дожъ, — каймой собольей опушенъ
волнистый плащъ, и цѣпь на бархатѣ камзола.
А въ храмѣ золотомъ замоленныхъ иконъ
мерцанья древнія уводятъ думы въ сонъ,
въ сіяющую даль немыслимаго Дола.

VIII

Въ сіяющую даль немыслимаго Дола
и въ женственную плоть влюбленные творцы,
не вы ли создали и храмы и дворцы,
земныя прелести небеснаго Престола!
Тоскана, Умбрія, Венеція... Всѣ школы,
всѣхъ богоизбранныхъ и кисти и рѣзцы
вѣнчали Божествомъ искусства образцы:
свой медъ на алтари сносили Божьи пчелы.

Украшенъ Твой чертогъ покровомъ дорогимъ,
виссономъ, пурпуромъ, парчей пышноузорной,
гремятъ колокола, плыветъ кадильный дымъ.
Но этотъ даръ Тебѣ угоденъ ли соборный,
благословенъ ли міръ святыни рукотворной?
Что знаемъ, Господи! Въ вѣкахъ Твоихъ горимъ.

IX

Что знаемъ, Господи! Въ вѣкахъ Твоихъ горимъ
надеждами, грѣхомъ, сомнѣньями, гордыней,
и неразгаданной отвѣка и донынѣ
двуликой красоты кумиръ животворимъ.
Что свято, что соблазнъ? Огонь неугасимъ,
вознесся фиміамъ колдующей богинѣ,
и скорбью о Твоемъ многострадальномъ Сынѣ
просвѣтлена любовь къ роскошествамъ земнымъ.

Титанъ Буонаротъ! Въ часовнѣ Ватикана —
языческій Олимпъ. Да-Винчи, мудрый магъ!
Предтеча Іоаннъ — женоподобный Вакхъ.
Розовокудрую Венеру Тиціана
цѣлуетъ Херувимъ... А се — Голгоѳа, мракъ,
и кровью жертвенной Твоя сочится рана.

X

И кровью жертвенной Твоя сочится рана,
Христе Спасителю! За всѣхъ, за вся, за насъ,
услышавшихъ съ небесъ отверстыхъ Отчій гласъ:
Вотъ Сынъ возлюбленный! — въ пустынѣ Іордана.
Святые берега, купель Іоканаана,
судебъ слѣпительныхъ передразсвѣтный часъ!
Вѣка прошли, вѣка, и день давно погасъ.
Забрезжитъ ли опять? Гряди, гряди, осанна!

И вдругъ органа громъ, — рыданіемъ глухимъ
гудитъ и ширится подъ сводами, рокочетъ,
какъ будто, міръ обнявъ, повѣдать тайну хочетъ;
и камни вопіютъ, и люди вторятъ имъ.
Умолкъ. „Pax vobiscúm“ — согбенный ксендзъ бормочетъ.
Стою въ раздуміи, заблудшій пилигримъ.

XI

Стою въ раздуміи, заблудшій пилигримъ.
Распятье... Стража, ночь, скорбящія Маріи
у мертвыхъ ногъ Его, Учителя, Мессіи, —
закутанъ въ темный плащъ поодаль Никодимъ.
Все неизмѣнно здѣсь. Уставамъ вѣковымъ
покорные, текутъ обряды литургіи,
все тѣ же древніе, отъ дней Александріи,
поклоны, возгласы, псалмы, кадильный дымъ.

Все той же вѣчности молитва осіяна
съ тѣхъ поръ, какъ умеръ Тотъ, Чье царство искони,
воззвавъ: Илѝ! Илѝ! ламмá савахѳанѝ?
Мерещатся, плывутъ изъ сумрака-тумана
неповторимые тысячелѣтья-дни,
сквозь дымы ладана и рокоты органа.

XII

Сквозь дымы ладана и рокоты органа
проходятъ маревомъ видѣнія временъ:
радѣнья катакомбъ и мучениковъ стонъ,
и сумерки боговъ надъ прахомъ Юліана.
Сбылось, и вновь земля боготворитъ тирана;
превыше царствъ земныхъ его вознесся тронъ,
и сонмы рыцарей — къ нему со всѣхъ сторонъ,
безумьемъ о Христѣ ихъ гордость обуяна.

Вѣка, и кличетъ Римъ. Іерусалимъ!—тотъ кликъ,
и рати ринулись на воиновъ Корана
и грабятъ по пути дворцы Юстиніана.
Вѣка... Апоѳеозъ неправедныхъ владыкъ
и суевѣрье толпъ въ кумирняхъ базиликъ, —
великая печаль великаго обмана.

XIII

Великая печаль великаго обмана...
Сомкнулся-ль кругъ судебъ, и я среди руинъ
державы сказочной, подъятой до вершинъ
и нынѣ рухнувшей? Сомкнулся? Или рано?
Кто скажетъ? Въ лоджіяхъ прохладныхъ у фонтана,
въ молельняхъ и садахъ своихъ одинъ, одинъ,
безцѣльныхъ почестей гонимый властелинъ,
священнодѣйствуетъ затворникъ Ватикана.

Осиротѣлъ Твой Домъ и кажется чужимъ
средь суеты слѣпой и въ запустѣньи строже.
И чудится: слова загадочныя, Боже,
изъ устъ священника — къ усопшимъ, не къ живымъ.
Молчанье, этотъ храмъ... На смерть все такъ похоже.
O, vanitas! Христосъ... міродержавный Римъ!

XIV

О, vanitas! Христосъ... міродержавный Римъ!
Развалина вѣковъ и шелестъ голубиный,
наитій, трепетовъ гласящія глубины,
невозвратимый рай надъ кладбищемъ земнымъ.
Все кануло, прошло миражемъ грозовымъ, —
арабы, викинги, монгольскія лавины,
еретики, жиды, гусситы, гибеллины...
Промчалось, умерло, какъ этотъ звонъ и дымъ.

О, призраки! Францискъ, Тереза, фра Лойола!
Пытаетъ Торквемадъ святилищемъ огня;
костеръ — и на кострѣ горитъ Савонарола.
Все минулось, — одинъ, вдали отъ шумовъ дня,
скорбя, кощунствуя, любуясь, хороня,
изгнанникомъ молюсь подъ сводами костела.

XV

Изгнанникомъ молюсь подъ сводами костела...
Великолѣпій бредъ и мудрости тщета;
на всемъ, надъ всѣми тѣнь могильнаго креста;
въ землѣ, въ чужой землѣ и холодно и голо.
Иль прихоть человѣкъ пустого произвола,
и все, что смертными зовется красота, —
тщеславье бѣдное и вѣры слѣпота
въ сіяющую даль немыслимаго Дола?

Что знаемъ, Господи! Въ вѣкахъ Твоихъ горимъ
и кровью жертвенной Твоя сочится рана.
Стою въ раздуміи, заблудшій пилигримъ.
Сквозь дымы ладана и рокоты органа —
великая печаль великаго обмана.
О, vanitas! Христосъ... міродержавный Римъ!

Сергѣй Маковскій.

Изъ книги „СОСУДЪ ЗОЛОТОЙ".

Александру Блоку.

Ты несъ твою живую душу,
Какъ откровенье, какъ цвѣтокъ.
Но ты погибъ... И стало глуше,
И я спасти тебя не могъ.

Но я пріялъ твой нимбъ лучистый
И прохожу пустыни дней,
И я зову къ твоей Пречистой
И говорю живымъ о Ней.

Я не имѣю столько силы,
Чтобы сказать какъ ты, Пророкъ,
Но я поднялъ съ твоей могилы
Неувядаемый вѣнокъ.

*

Мы влили блещущія души
Въ одинъ окованный сосудъ,
Гдѣ я тебя вѣками слушалъ,
Гдѣ я нашелъ твою красу.

И тайной вѣчною томимый,
Не разорву я дивный плѣнъ,
Гдѣ ты — какъ трепетъ херувима
Какъ духъ Безсмертія и Тлѣнъ.

*

Когда базальтовыя скалы
Встаютъ передо мною вновь,
Я вспоминаю, какъ искала
Меня безкрайная любовь.

Тогда восторженную душу,
Какъ чашу, выпилъ я до дна.
Я самъ твои чертоги рушилъ
И ты ушла въ туманъ... одна.

Но я наказанъ... Эти горы
Встаютъ передо мною вновь.
Я трепещу, я знаю: скоро
Придетъ послѣдняя любовь!

*

Твоею жаждою горю,
Тобою зижду я и рушу.
Пошли мнѣ яркую зарю,
Да просвѣтитъ нѣмую душу.

И да взращу мои цвѣты,
Которые уже посѣялъ
Среди мертвящей пустоты
И разростающихся плевелъ.

*

Я лью трепещущее слово
Въ мою звенящую тоску,
И ты принять меня готова,
Какъ полноводную рѣку.

Я отраженъ въ тебѣ — тревожный
И огнекудрый Азраилъ.
Я уничтожу все, что ложно
Однимъ порывомъ буйныхъ крылъ.

И ты познаешь радость лѣта,
Небесъ низринутый просторъ,
И — въ бурѣ брызжущаго свѣта
Твой непреложный приговоръ.

*

Судьба въ блестящіе бокалы
Вливаетъ разное вино,
И что душа моя взалкала —
Мнѣ отыскать не суждено.

Я вновь туманами обманутъ,
И въ блескѣ дальнихъ куполовъ
Мои слова въ пространство канутъ,
Какъ тихій звонъ колоколовъ.

Юрій Миролюбовъ.

СКИФСКАЯ ЦАРЕВНА.

Ты въ вѣкахъ была скифской царевной
И водила въ степяхъ табуны.
Ты встрѣчала надменно и гнѣвно
Пришлецовъ изъ чужой стороны.

Твоихъ глазъ неразгаданный сумракъ
Порождалъ и желанье и страхъ.
Говорятъ, отъ любви къ тебѣ умеръ
Флорентійскій безумный монахъ.

Если-бъ смуглой, трепещущей кожи
Восковая коснулась рука,
Онъ, навѣрное, тотчасъ бы ожилъ
И прожилъ бы еще вѣка.

А увидя неровныя дуги
Странно-вздернутыхъ кверху бровей,
Забывалъ про морозы и вьюги
Буйный сынъ Астраханскихъ степей.

И подъ стѣнами Іерусалима
Въ смертный часъ не одинъ вспоминалъ
Не улыбку своей любимой,
А зубовъ твоихъ дикій оскалъ.

Имя скифской царевны слетало
Съ поблѣднѣвшихъ чувственныхъ устъ,
Когда медленно, струйкой алой,
Кровь сбѣгала на бѣлый бурнусъ.

Крестоносецъ и турокъ — оба
Забывали, что гдѣ то есть Богъ,
И мечтали о томъ лишь, чтобы
Вновь склониться у милыхъ ногъ.

И сходили съ ума капитаны
Быстропарусныхъ кораблей,
Видя линіи гибкаго стана
И упрямыя змѣйки кудрей.

Забывали Геную, море
И топили желанья въ винѣ,
Чтобъ на утро въ кровавой ссорѣ
Смерть принять, какъ небесный гнѣвъ.

Но чѣмъ всѣ они были послушнѣй,
Не прося никакихъ наградъ,
Тѣмъ надменнѣе и равнодушнѣй
Становился твой быстрый взглядъ.

Ты любила лишь дерзкій вѣтеръ,
Поцѣлуи и ласки его,
Что подобны лобзаньямъ плети, —
Обжигающей, огневой...

Онъ и въ смерти тебя не оставилъ
И развѣялъ по волѣ твой прахъ...
А за душу борются дьяволъ,
Богъ и безумный монахъ.

Глѣбъ Струве.

ВЕСЕННЯЯ СКАЗКА.

„Мы все видали и все мы знаемъ“—
Шептали липы въ саду тѣнистомъ,—
„Вѣдь это было веселымъ маемъ,
Такимъ весеннимъ, такимъ лучистымъ“.

Шумѣли сосны и пѣла хвоя,
И вѣялъ шумъ ихъ сѣдой балладой —
„Мы помнимъ встрѣчу, ихъ было двое,
Вглубь уходившихъ по тропкѣ сада“.

Рѣзные листья большого клена
Покрыли землю ковромъ шуршащимъ,
Кто былъ любимымъ, кто былъ влюбленнымъ,
Тотъ знаетъ счастья призывъ томящій.

Береза кудри вѣтвей склонила,
Въ листвѣ ажурной едва бѣлѣла.
Призывъ томленій расправилъ крылья,
Хотѣлось ласки, но такъ несмѣло.

Шептали ели — „Чаруютъ ласки,
Но эти чары гони, не вѣрь имъ —
Опасно въ маскѣ волшебной сказки
Играть съ коварнымъ и хищнымъ звѣремъ“.

Дубовъ столѣтнихъ былъ шорохъ строгій,
Стѣной тѣснился густой орѣшникъ.
„Любите смѣло: въ любви вы боги,
Весенней сказки законъ безгрѣшенъ“.

„Мы все видали и все мы знаемъ“—
Шептали липы въ саду тѣнистомъ,
„Вѣдь это было веселымъ маемъ
Такимъ весеннимъ, такимъ лучистымъ.“

Г. П.

Изъ книги „ВѢНЕЦЪ СКОРБИ“.

ДВУЛИКАЯ.

Люблю цвѣтистый и узорный,
Твой огневой пѣвучій стихъ,
То весь молитвенно-соборный,
То буйство таинствъ вѣтровыхъ.

Два Духа, чудилось всегда мнѣ,
Въ вѣкахъ змѣили колею...
Гляжу... И камня нѣтъ на камнѣ.
И вновь Тебя не узнаю...

Но скорбь и боль Твою пріемлю,
Пусть Сны и Яви жестоки.
Цѣлую брошенную землю
Устами пламенной тоски.

И на вершины колоколенъ
Молюсь, крестясь издалека...
Твоей Двуликостью я боленъ,
Твоя въ душѣ звенитъ тоска.

Не отрекусь, когда не примутъ
Тебя нагую на порогъ...
Несу, какъ Солнце, Твое Имя
Въ безкрайность брошенныхъ дорогъ.

И въ годы смутъ и озвѣренья
Одно клянусь Тебѣ сберечь:
Мечту Вселенскаго служенья,
Изъ мѣди кованную рѣчь ..

ВѢЩАЯ ПАМЯТЬ.

Мы помнимъ все: поля сраженій
и клятвой спаянный Союзъ,
и роковой германскій геній,
и клики встрѣчи: Vive les Russes!

И голубыя волны Сены,
и взлетъ заснѣженныхъ Карпатъ,
и часъ предсмертный у Вердена,
и Кельна сумрачныхъ солдатъ.

Какъ все, всегда, кольцомъ измѣны
въ безсильи міръ замкнулся вновь;
на рынокъ брошена надменно
Россіи жертвенная кровь.

Такъ что-же? Память кто удушитъ?
Кто свяжетъ ширь семи морей,
гдѣ ваши флаги громомъ пушекъ,
встрѣчались съ нашихъ кораблей?

Не наше ль золото, сверкая,
манило васъ со всѣхъ концовъ,
отъ странъ полуденнаго края
до Ледовитыхъ береговъ?

Не мы ль съ учтивостью медвѣжьей
по русски были широки?
Но ложь, все ложь! Вѣка, вы тѣ-же,
неодолимо жестоки...

Довольны ли? Замолкли струны,
и царство гордое гніетъ.
Теперь клеймите: „Вотъ—вы, гунны,
Христа взыскующій народъ!“

Все помнимъ. Все. И неизмѣнно
идемъ стезей извѣчныхъ звѣздъ.
И въ тайномъ подвигѣ Вселенной —
не вамъ поднять нашъ русскій Крестъ...

ИДУ КЪ ТЕБѢ.

Кто скажетъ, гдѣ предѣлъ положенъ
Мышленью дерзкаго ума?
Иду къ Тебѣ, Великій Боже.
И въ сердцѣ грусть, а въ мірѣ Тьма.

Иду милльонами тропинокъ
И отрицаю и скорблю;
И мой нездѣшній поединокъ
Любовью здѣшнею люблю.

И часто, часто въ ослѣпленьи
Тебя я чувствую Инымъ
И совершаю преступленье,
Укрывшись Именемъ Твоимъ.

И, духомъ Злобы изувѣченъ,
Бреду я странникомъ. Прими!
Пусть міръ Твой мудръ, великъ и вѣченъ,
Но страшно жить между людьми.

Василій Ильинскій.

ГОСПОДИНЪ РИШАНЕКЪ И ГОСПОДИНЪ ШЛЕГЛЬ.

I.

Было бы смѣшно предполагать, что кто-нибудь изъ моихъ читателей не знаетъ малостранской харчевни „У Штайницевъ“. Это — лучшій тамошній ресторанъ; первый домъ за башней у моста влѣво, уголъ Мостецкой и Лазенской, — большія окна, стеклянныя большія двери. Единственный ресторанъ, который смѣло помѣстился на самой людной улицѣ и къ тому же открывается прямо на панель; всѣ остальные или въ боковыхъ улицахъ, или входъ въ нихъ черезъ домъ, или, въ крайнемъ случаѣ, передъ ними своды, — истинно малостранская скромность. Потому то настоящій малостранецъ, сынъ тихихъ молчаливыхъ улицъ, полныхъ поэтическихъ уголковъ, не ходитъ къ „Штайницамъ“. Ходятъ чиновники покрупнѣе, учителя, офицеры, которыхъ занесъ туда, на Малую Страну, случай и, можетъ быть, быстро и унесетъ оттуда; съ ними — немногочисленные чиновники на пенсіи, нѣсколько престарѣлыхъ домовладѣльцевъ, давно уже передавшихъ доходныя свои предпріятія другимъ, — вотъ и все. Характеръ бюрократическо-аристократическій.

Ужъ много лѣтъ назадъ, когда я еще былъ маленькимъ гимназистомъ, общество „У Штайницевъ“ — носило такой же исключительный характеръ, но все же въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ оно съ той поры измѣнилось. Короче говоря, тогда тамъ помѣщался малостранскій Олимпъ, куда сходились малостранскіе боги... Вѣдь это совершенно доказанный историческій фактъ: боги вырастаютъ прямо изъ своего народа. Іегова былъ хмуръ, золъ и мстителенъ, суровъ и кровожаденъ, какъ весь народъ израильскій. Греческіе боги были элегантны, вдохновенны, красивы и веселы — эллины всегда и во всемъ. Славянскіе боги — виноватъ! — у насъ, славянъ, никогда не было достаточной пластической силы — ни на устройство крупныхъ государствъ, ни на созданіе совсѣмъ опредѣленныхъ боговъ, наши бывшіе боги и до сего дня для насъ, вопреки Эрбенамъ и Костомаровымъ, все еще туманность—что то расплывчатое и неопредѣленное. Впрочемъ, я напишу когда нибудь особую статью, само собою разумѣется, необыкновенно содержательную, объ

этомъ богочеловѣческомъ параллелизмѣ; теперь же я хочу только сказать, что боги, сходившіеся „У Штайницевъ“, были безъ всякаго сомнѣнія подлинно малостранскими богами.

На Малой Странѣ, — я говорю и о домахъ, и о людяхъ, — есть что то тихое, достойное, древнее, скажемъ — дремотно-погруженное въ себя; и вся эта дремотность обволакивала и тѣхъ господъ, посѣтителей „У Штайницевъ“. Хоть они и были такими же, какъ теперь, чиновниками, военными, учителями и пенсіонерами, однако тогда еще не помыкали такъ чиновничествомъ и войскомъ, переводя ихъ съ мѣста на мѣсто; отецъ обучалъ сына въ Прагѣ, помогалъ ему поступить въ присутствіе и радѣлъ о немъ, пуская въ ходъ протекцію... Кто бы изъ штайницевскихъ гостей ни стоялъ снаружи, на крыльцѣ, — каждый проходившій мимо гражданинъ непремѣнно кланялся ему, — ихъ знали.

Но намъ, гимназистамъ, Олимпъ „У Штайницевъ“ казался тѣмъ болѣе Олимпомъ, что на немъ возсѣдали и всѣ наши старые учителя. Старые! Зачѣмъ говорить — старые? Я хорошо зналъ ихъ всѣхъ, этихъ боговъ нашей милой Малой Страны, и мнѣ всегда представлялось, что ни одинъ изъ нихъ никогда не былъ молодъ — или, вѣрнѣе, что они и въ дѣтскомъ возрастѣ смотрѣли совершенно такъ же, можетъ быть только ростомъ были поменьше.

Всѣхъ вижу я передъ собой, какъ сейчасъ. Во первыхъ — господина аппелляціоннаго совѣтника. Длиннаго, сухого и безгранично уважаемаго. Онъ еще служилъ въ присутствіи, но я никакъ не могъ понять, въ чемъ заключалась его служба. Когда мы въ десятомъ часу утра возвращались изъ школы, онъ только еще выходилъ изъ своего дома на Кармелитанской улицѣ и торжественно шагалъ по направленію къ винному погребку Чарда на Оструговой улицѣ. Когда въ четвергъ, послѣ обѣда, у насъ прекращались занятія, и мы разсыпались по Маріанскимъ стѣнамъ, — онъ прогуливался въ саду. Ежедневно, въ пятомъ часу, онъ уже входилъ къ „Штайницамъ“. Я твердо рѣшилъ тогда, что буду прилеженъ и сдѣлаюсь непремѣнно такимъ же аппелляціоннымъ совѣтникомъ, но потомъ какъ то забылъ объ этомъ.

Затѣмъ—одноглазый господинъ графъ. Разумѣется, въ графахъ на Малой Странѣ никогда не было недостатка, но только одинъ

одноглазый ходилъ въ малостранскую харчевню, по крайней мѣрѣ тогда. Большой, костлявый, съ багрово-краснымъ лицомъ и короткими бѣлыми волосами, съ черной повязкой на лѣвомъ глазу. Иногда онъ простаивалъ на крыльцѣ передъ „Штайницами“ часа по два и, когда мнѣ нужно было пройти мимо, я обходилъ его зигзагомъ. Природа дала шляхтичамъ особый профиль, который называется аристократическимъ и который придаетъ имъ сходство съ хищными птицами. Господинъ графъ всегда казался мнѣ очень похожимъ на того сокола, который съ жестокой послѣдовательностью каждый день, всегда въ двѣнадцатомъ часу дня, спускался съ пойманнымъ голубемъ на колокольню св. Николая и терзалъ тамъ свою добычу, такъ что перья летѣли внизъ, на площадь. И ходилъ я мимо господина графа зигзагомъ, потому что, по правдѣ говоря, опасался, какъ бы онъ не клюнулъ меня головой.

Затѣмъ — толстый господинъ штабной врачъ, еще не слишкомъ старый, но въ отставкѣ. Разсказывали о немъ, что нѣкая очень высокопоставленная особа, осматривая когда-то пражскія больницы, на нѣчто изволила указать, а онъ высокопоставленной особѣ возразилъ, что она де ничего не понимаетъ. Поэтому онъ ушелъ въ отставку и сдѣлался позже предметомъ нашего особаго благоволенія; мы, гимназисты, считали этого толстаго господина прямо таки революціонеромъ. Онъ былъ привѣтливъ и разговорчивъ. Когда встрѣчалъ на улицѣ мальчика, который ему нравился, — мальчикъ этотъ могъ быть также и дѣвочкой, — останавливалъ его, гладилъ по щекѣ и говорилъ: „кланяйся дома папашѣ“, хотя бы съ папашей и не былъ знакомъ.

Затѣмъ... Но нѣтъ! Остальные всѣ понемногу состарились, да и умерли, — не будемъ тревожить загробныхъ тѣней! Съ радостью вспоминаются мнѣ тѣ гордыя минуты, что я провелъ среди нихъ, то чувство независимости, мужественности и даже величія, когда, уже будучи студентомъ, впервые и безъ страха вступилъ я предъ своими учителями къ „Штайницамъ“ и оказался въ обществѣ столь возвышенныхъ существъ. Словъ нѣтъ, большого вниманія на меня они не обращали, коль признаться по совѣсти — почти никакого.

Лишь одинъ разъ за нѣсколько недѣль и случилось, что господинъ штабной врачъ, проходя мимо моего столика, сказалъ

мнѣ: „Да, да, молодой человѣкъ, пиво теперь никуда не годится, что бы тамъ ни говорили“ — и при этомъ онъ презрительно кивнулъ головой въ сторону тѣхъ, съ которыми передъ тѣмъ сидѣлъ. Настоящій Брутъ! Осмѣлюсь утверждать, что и самому Цезарю, случись имъ встрѣтиться, онъ съумѣлъ бы бросить въ лицо оскорбленіе: ничего, дескать, не понимаетъ Цезарь въ пивѣ.

Зато я удѣлялъ имъ вниманія съ избыткомъ. Слышать-то не особенно я слышалъ, что они говорили, но наблюдалъ ихъ на совѣсть. И то сказать, самъ я развѣ не плохая копія этихъ людей, и все возвышенное, что есть во мнѣ, развѣ воспринято мной не отъ нихъ? Но прежде всѣхъ незабвенными навѣки остаются для меня два человѣка; они запечатлѣлись въ самой глубинѣ моего сердца, — г. Ришанекъ и г. Шлегль.

Они не переносили другъ друга... Но еще разъ я долженъ просить извиненія, — лучше ужъ начну разсказъ о нихъ по иному.

Итакъ, если вы войдете къ „Штайницамъ“ съ Мостецкой улицы, то въ первой комнатѣ, гдѣ стоятъ билліарды, направо вы увидите три окна, выходящія на Лазенскую. Въ нишѣ каждаго окна поставленъ маленькій столикъ и около него — скамейка въ формѣ подковы. Мѣсто здѣсь расчитано на троихъ, — одинъ долженъ сидѣть спиной къ окну, другіе два — на концахъ подковы, другъ противъ друга, или, если бы и имъ захотѣлось обернуться спиной къ окну, они могутъ сѣсть лицомъ къ билліардамъ и развлекаться наблюденіемъ игры.

Какъ разъ у третьяго окна, направо отъ входа, и сидѣли всѣми уважаемые граждане г. Ришанекъ и г. Шлегль, изо дня въ день, неизмѣнно отъ шести до восьми. Это мѣсто оставалось для нихъ всегда свободнымъ. Никто посторонній не осмѣлился бы занять его, — это было бы слишкомъ явной непристойностью; каждый добропорядочный и нравственный житель Малой Страны рѣшительно отвергъ бы самую мысль о подобномъ поступкѣ, какъ о чемъ то прямо невозможномъ, потому что — ну, потому что этого вообще нельзя было себѣ представить! Мѣсто какъ разъ у окна всегда пустовало. Г. Шлегль сидѣлъ на томъ концѣ подковы, который поближе къ входу, г. Ришанекъ на противуположномъ концѣ, въ разстояніи одного локтя отъ него. Оба сидѣли всегда спиной къ

окну, слѣдовательно бокомъ къ столику и другъ къ другу, и смотрѣли на билліардъ. Къ столику поворачивались только, когда хотѣли выпить или набить себѣ трубку. Одиннадцать лѣтъ ужъ сидѣли они, каждый Божій день. И въ теченіе одиннадцати лѣтъ не сказали другъ другу ни слова, даже не замѣчали другъ друга.

Всей Малой Странѣ была извѣстна жестокая ненависть, которую они взаимно питали. Вражда была старая и непримиримая. И причину ея всѣ знали. Древле сказано, что корень всѣхъ золъ женщина. Они любили когда то одну и ту же женщину. Сперва она склонялась къ г. Ришанеку, который въ то время уже давно торговалъ самостоятельно, потомъ неожиданнымъ поворотомъ вдругъ очутилась въ объятіяхъ г. Шлегля. Можетъ быть, вслѣдствіе того что г. Шлегль былъ почти на десять лѣтъ моложе... Словомъ, она сдѣлалась госпожей Шлегль.

Была ли госпожа Шлегль исключительной красавицей? Это ли оправдывало такую продолжительную борьбу за нее г. Ришанека и рѣшеніе его остаться на всю жизнь холостякомъ? Не знаю. Госпожа Шлегль уже давно почивала съ миромъ, она умерла при первыхъ же родахъ, оставивъ послѣ себя дочь. Вѣроятно дочка эта была ея портретомъ. Въ ту пору, о которой идетъ рѣчь, барышнѣ Шлегль исполнилось двадцать лѣтъ. Я былъ знакомъ съ ней, она часто приходила въ верхній этажъ нашего дома къ капитанской Польдинькѣ, той самой, что спотыкалась на улицѣ на каждомъ двадцатомъ шагу... Дѣйствительно, говорили, что барышня Шлегль — красавица. Можетъ быть и такъ, но развѣ что — для архитектора. Все было у нея на надлежащемъ мѣстѣ, все безукоризненно пропорціонально, и главное такъ, что сразу была замѣтна эта пропорціональность. Но для всякаго не-архитектора — одно отчаяніе! Лицо ея застыло неподвижно, какъ фасадъ дворца. Глаза блестѣли, не мѣняя выраженія, словно только что вымытыя окна. Ротъ, изогнутый арабеской, открывался медленно, какъ ворота, и потомъ или оставался открытымъ настежь, или такъ же медленно замыкался. И вдобавокъ ко всему кожа казалась только что свѣжевыбѣленной. Можетъ быть, теперь, если она еще жива, она и не такъ красива, что, навѣрно, гораздо пріятнѣе; зданія въ этомъ вкусѣ всегда становятся лучше, когда обвѣтрятся.

Мнѣ жаль, что я не могу разсказать читателю, какъ попали

г. Ришанекъ и г. Шлегль за одинъ и тотъ же столикъ къ третьему окну. Когда то неизвѣстный мнѣ случай свелъ ихъ тамъ впервые, мужская гордость удержала ихъ на мѣстѣ. Во второй разъ они сѣли тамъ же изъ упрямства. Потомъ садились, чтобы доказать несокрушимость своего характера и чтобы не пошли сплетни. А теперь давно уже каждый посѣтитель у Штайницевъ держался того мнѣнія, что для нихъ обоихъ это вопросъ ихъ твердости и чести, и что ни одинъ не м о ж е т ъ уступить.

Они приходили къ шести часамъ, одинъ сегодня на минутку раньше, другой завтра, вѣжливо здоровались со всѣми во всѣ стороны, только не другъ съ другомъ. Лакей бралъ у нихъ лѣтомъ шляпу и трость, зимой лохматую шляпу и шинель и вѣшалъ на гвоздь за ихъ мѣстомъ. Потомъ, раздѣвшись, каждый изъ нихъ покачивался, — у стариковъ ужъ такой обычай, покачиваться передъ тѣмъ какъ сѣсть, — потомъ опирался одной рукой о свой уголъ стола (слѣдовательно, г. Ришанекъ лѣвой рукой, а г. Шлегль правой) и потихоньку усаживался спиной къ окну, лицомъ къ биллiарду. Когда приходилъ толстый хозяинъ, постоянно улыбавшійся и угощалъ посѣтителей изрядной понюшкой табаку, — у третьяго столика онъ долженъ былъ къ каждому изъ враговъ подойти отдѣльно и пощелкать по табакеркѣ и произнести отдѣльно замѣчаніе, что сегодня замѣчательная погода. Иначе бы другой ужъ и понюшки не взялъ и его словъ не замѣтилъ. Никогда не удавалось кому бы то ни было бесѣдовать съ обоими сразу. Никогда ни самомалѣйшаго вниманія не обратилъ одинъ на другого; сосѣда за столикомъ для каждаго изъ нихъ вообще не существовало.

Лакей ставилъ передъ ними по кружкѣ пива. Черезъ нѣкоторое время, но никогда не оба сразу, — такъ какъ, конечно, вопреки всему невниманію, они наблюдали другъ друга, — они поворачивались къ столику вынимали изъ передняго кармана большую окованную серебромъ пѣновку, изъ задней полы доставали кисетъ съ табакомъ, набивали, закуривали, и опять обращались къ столику спиной. Такъ сидѣли они по два часа, выпивали по три кружки пива, потомъ поднимались, одинъ сегодня на минутку раньше, другой завтра, засовывали трубку, прятали кисетъ, лакей одѣвалъ ихъ; одѣвшись, они прощались со всѣми, только не другъ съ другомъ.

Я располагался нарочно у стола въ сторонкѣ, рядомъ съ печкой. Я отлично видѣлъ оттуда г. Ришанека и г. Шлегля и могъ удобно и незамѣтно наблюдать.

Господинъ Ришанекъ торговалъ прежде канифасомъ, г. Шлегль торговалъ желѣзнымъ товаромъ. Теперь оба ужъ были богатыми домовладѣльцами и торговлю бросили, но лица ихъ все еще нѣсколько напоминали прежнія ихъ занятія. Лицо г. Ришанека напоминало мнѣ полосатый красный съ чернымъ канифасъ, а г. Шлегль казался мнѣ обросшей мохомъ купеческой ступкой.

Г. Ришанекъ былъ выше, суше и, какъ уже сказано, старше. Здоровье его замѣтно сдавало, слабоватъ ногами становился, и нижняя челюсть его противъ воли нѣтъ-нѣтъ, а повиснетъ. На глазахъ его были очки, оправленныя въ черную кость. Голову покрывалъ свѣтлый парикъ, а по не совсѣмъ еще посѣдѣвшимъ бровямъ можно было сказать, что г. Ришанекъ когда то былъ блондиномъ. Щеки его были впалы и блѣдны, такъ блѣдны, что длинный носъ между ними казался карминовымъ. По той же причинѣ, вѣроятно, на концѣ этого носа бывала капелька, слеза, изливавшаяся изъ самыхъ нѣдръ его. Какъ добросовѣстный жизнеописатель, я долженъ отмѣтить, что г. Ришанекъ иногда не успѣвалъ утереть эту слезу и ронялъ ее на сочувствующія колѣни.

Г. Шлегль вросъ головой въ туловище, — думается даже, что вовсе не было у него шеи. Голова торчала бомбой, волосы, хоть и съ сильной просѣдью, были черны; лицо тамъ, гдѣ было выбрито, лоснилось изсиня-черное, а тамъ, гдѣ было лишено растительности, ярко розовѣло — пятно свѣтящагося мяса и рядомъ темное пятно, контрастъ, напоминавшій о портретахъ Рембрандта.

Я рѣшительно уважалъ этихъ двухъ героевъ, даже восхищался ими. Сидя за своимъ столикомъ, они изо дня въ день вели войну, жестокую, безпощадную. Своеобразно было оружіе: молчаніе, пропитанное ядомъ и глубочайшимъ презрѣніемъ. А битва все оставалась нерѣшенной. Кто то изъ нихъ наконецъ поставитъ ногу свою на грудь побѣжденнаго противника? Г. Шлегль былъ физически сильнѣе, все въ немъ было кратко, отрывисто. Когда онъ говорилъ, словно съ башни грохотало. Г. Ришанекъ произносилъ слова мягко и медлительно, онъ былъ слабъ, но молчалъ и ненавидѣлъ не съ меньшимъ героизмомъ.

II

Нѣчто случилось.

Въ среду передъ вербнымъ воскресеніемъ г. Шлегль пришелъ и сѣлъ на своемъ обычномъ мѣстѣ. Сѣлъ, набилъ себѣ трубку и сталъ пускать облака дыма, валившаго какъ изъ кузнечной печи.

Въ это время явился хозяинъ и направился прямо къ нему. Пощелкалъ по табакеркѣ и подалъ понюшку. Потомъ табакерку захлопнулъ, встряхнулъ ее и сказалъ, глядя при этомъ къ дверямъ: „Сегодня мы не увидимъ здѣсь господина Ришанека.“

Господинъ Шлегль не отвѣтилъ, съ каменнымъ равнодушіемъ глядѣлъ прямо онъ передъ собой.

„Разсказывалъ намъ господинъ штабной врачъ,“ — продолжалъ хозяинъ и повернулся спиной къ двери, при поворотѣ взглядъ его украдкой скользнулъ по лицу г. Шлегля, — „всталъ утромъ, какъ обычно, съ постели, и вдругъ его схватила такая лихорадка, что сейчасъ же долженъ былъ улечься обратно въ постель, и живо за докторомъ, живо! Воспаленіе легкихъ. Ужъ штабной врачъ былъ у него три раза, — старый вѣдь человѣкъ, — но всетаки онъ въ хорошихъ рукахъ. Будемъ надѣяться“.

Г. Шлегль словно хрюкнулъ, не открывая рта, и больше не произнесъ ни звука и даже глазомъ не повелъ. Хозяинъ направился къ слѣдующему столику.

Я впился глазами въ лицо господина Шлегля. Оно долго оставалось недвижнымъ, только губы пріоткрывались время отъ времени, выпуская дымъ, да мундштукъ путешествовалъ изъ одного угла губъ въ другой. Потомъ къ нему подошелъ какой то знакомый. Они разговорились, и г. Шлегль нѣсколько разъ громко разсмѣялся. Его смѣхъ былъ мнѣ глубоко противенъ.

Вообще, г. Шлегль держалъ себя иначе, чѣмъ всегда. Обычно пригвожденный къ своему мѣсту, какъ солдатъ къ сторожевой будкѣ, сегодня онъ казался подвижнымъ, какимъ то непосѣдой. Даже сыгралъ на биллiардѣ съ господиномъ Колеромъ, лавочникомъ.

Ему везло въ каждой партіи, но только до дубле, и, признаюсь, я почти злорадствовалъ, что ни разу не довелъ онъ заключительнаго дубле до конца благополучно и г. Колеръ каждый разъ перегонялъ его.

Потомъ онъ опять сѣлъ, курилъ и пилъ. Когда кто-то подошелъ къ нему, г. Шлегль заговорилъ громче и пространнѣе, чѣмъ бывало прежде. Отъ меня не ускользнуло ни одно мельчайшее движеніе его, и мнѣ было ясно, что онъ глубоко обрадованъ, что въ немъ нѣтъ ни капельки состраданія къ больному врагу, — и сталъ онъ мнѣ противенъ!

Нѣсколько разъ бѣгло косился г. Шлегль по направленію къ посудному шкапу, около котораго сидѣлъ господинъ штабной врачъ. Ручаюсь, что онъ готовъ былъ пожать руку врачу, только чтобы тотъ не слишкомъ трудился съ больнымъ. Злой человѣкъ, рѣшительно злой.

Около восьми часовъ г. штабной врачъ сталъ уходить. Онъ остановился у третьяго столика. „Доброй ночи“, сказалъ онъ. „Я еще разъ долженъ заглянуть къ господину Ришанеку, — нужна большая осторожность“.

На этотъ разъ господинъ Шлегль выпилъ четыре кружки и пробылъ до половины десятаго.

Прошли дни, прошли недѣли. Послѣ холоднаго, пасмурнаго апрѣля, насталъ теплый май; въ томъ году была прекрасная весна. Если май хорошъ, на Малой Странѣ рай. Петринъ одѣтъ бѣлымъ цвѣтомъ, будто весь въ молокѣ, да и вся Малая Страна тонетъ въ благоуханіи сирени.

Господинъ Ришанекъ былъ уже внѣ опасности. Весна подѣйствовала на него, какъ бальзамъ. Я ужъ встрѣчалъ его на прогулкѣ въ садахъ; онъ ходилъ потихоньку, опираясь на палку. И прежде сухой, теперь онъ былъ несравненно суше, а нижняя челюсть совсѣмъ отвисла. Подвязать бы ему челюсть платкомъ, закрыть усталые глаза, да положить въ гробъ. Но онъ постепенно поправлялся.

Къ „Штайницамъ“ онъ не ходилъ. У третьяго столика царствовалъ одинъ господинъ Шлегль и поворачивался и вертѣлся, словомъ — сидѣлъ, какъ ему нравилось.

Былъ уже конецъ іюня мѣсяца; какъ разъ день св. Петра и Павла, — и я увидѣлъ господина Ришанека и господина Шлегля опять на тѣхъ же самыхъ мѣстахъ, оба сидѣли спиною къ окну.

Сосѣди и знакомые подходили и жали руку господину Ришанеку. Каждый искренно привѣтствовалъ его и старикъ дрожалъ отъ пріят-

наго волненія, улыбался, говорилъ какъ можно нѣжнѣе, былъ необыкновенно мягокъ. Г. Шлегль глядѣлъ на биллiардъ и курилъ.

Когда господинъ Ришанекъ время отъ времени оставался одинъ, онъ каждый разъ бросалъ взгляды къ посудному шкапу, гдѣ сидѣлъ его докторъ. Благодарная душа!

Онъ заглядѣлся какъ разъ въ ту сторону, въ это время г. Шлегль вдругъ повернулъ голову немного въ томъ же направленіи. Взоръ его медленно пополз вверхъ отъ пола по г. Ришанеку черезъ острыя его колѣни къ рукѣ, которая лежала на углу стола, какъ обтянутый кожей скелетъ; остановился на этой рукѣ, потомъ сталъ красться выше, коснулся отвисшей челюсти, исхудалаго лица, только коснулся и быстро метнулся въ сторону. Голова его опять выпрямилась.

„Такъ вы ужъ поправились, вотъ намъ и радость“, тараторилъ хозяинъ, входившій откуда то изъ кухни, или изъ погреба. Какъ только онъ вошелъ и увидѣлъ господина Ришанека, онъ ускорилъ шаги по направленію къ нему. „Слава Богу, опять здоровы, и опять у насъ, ну, вотъ и отлично!“

„Да, слава Богу, слава Богу“, улыбался господинъ Ришанекъ. „Я еще на этотъ разъ выскочилъ. Ужъ я чувствую себя хорошо“.

„Но г. Ришанекъ не куритъ, еще не тянетъ на табачекъ?“

„Сегодня въ первый разъ какъ то захотѣлось, закурю“.

„Такъ, такъ, это хорошій признакъ!“ Хозяинъ захлопнулъ табакерку, пощелкалъ, подалъ господину Шлеглю съ какимъ то замѣчаніемъ и ушелъ.

Господинъ Ришанекъ вынулъ трубку и полѣзъ въ задній карманъ за кисетомъ. Покачалъ головой, полѣзъ туда во второй разъ, въ третій, потомъ подозвалъ къ себѣ мальчика-лакея.

„Сбѣгай-ка ко мнѣ, знаешь, гдѣ живу? Да, здѣсь на углу. Скажи, чтобы тебѣ дали мой кисетъ съ табакомъ, онъ долженъ быть на столѣ“. Мальчикъ повернулся и убѣжалъ.

Господинъ Шлегль въ это время пошевелился. Онъ протянулъ правую руку съ открытымъ своимъ кисетомъ и положилъ его почти прямо передъ господиномъ Ришанекомъ.

„Не угодно ли, у меня съ тремя королями, съ краснымъ“, произнесъ онъ отрывисто, по обычной манерѣ своей, и потомъ отхрюкнулся.

Господинъ Ришанекъ не отвѣтилъ. Господинъ Ришанекъ не взглянулъ. Голова его не повернулась, каменно-равнодушная, какъ всѣ одиннадцать лѣтъ.

Только дрогнула его рука и закрылся ротъ.

Правая рука господина Шлегля осталась на кисетѣ, какъ приморожeнная. Взоръ его былъ прикованъ къ землѣ; онъ то пыхтѣлъ трубкой, то издавалъ какіе то хриплые горловые звуки.

А мальчишка въ это время ужъ прибѣжалъ обратно.

„Спасибо, видите, ужъ и мой кисетъ здѣсь“, поблагодарилъ господинъ Ришанекъ господина Шлегля; но не взглянулъ на него.

„Я тоже курю съ тремя королями и съ краснымъ“, прибавилъ онъ черезъ нѣкоторое время, точно почувствовавъ, что необходимо что-то прибавить.

Набилъ трубку, зажегъ и пустилъ дымъ.

„Вкусно?“ проворчалъ господинъ Шлегль голосомъ, въ сто разъ болѣе хриплымъ, чѣмъ всегда.

Только тогда господинъ Ришанекъ понемногу повернулъ къ нему голову. Глаза обоихъ встрѣтились.

И съ тѣхъ поръ у третьяго столика господинъ Ришанекъ и господинъ Шлегль разговаривали другъ съ другомъ.

Янъ Неруда.

(*Переводъ съ чешскаго М. Ягудко.*)

СИНІЙ ЧАСЪ.

Разсказъ.

За окномъ — вечерній застывшій рисунокъ: на блѣдномъ небѣ распластанъ тонко-четкій вѣеръ еще обнаженнаго дерева. Сквозь него просвѣчиваетъ золото церковной главы, грузно сѣвшей на барабанъ цвѣта слоновой кости.

Небо по весеннему прозрачно. Земля словно накрыта чисто вымытой стеклянной чашей, и стекло жидкое, холодное... Внизу — линяло-синее, выше оно странно зеленѣетъ, и на его неподвижно пролившемся сводѣ серебрянымъ подсолнечникомъ трепещетъ звѣзда Афродиты, пока единственная.

Неназываемымъ морокомъ ранней весенней печали дышитъ небо. И отъ одиноко мерцающей звѣзды, и отъ чернаго вѣера дерева, и отъ разсыпанныхъ по улицамъ свѣтлыми бисеринками огней, наплываетъ грустное очарованіе.

Оживаетъ старая ветошь, давнымъ-давно брошенная на дно души... Тайными тропинками приходитъ туманная память разрушенной, ненужной любви.

И, глядя въ стылое небо, я вѣрю, что въ зеленоватой мглѣ мартовскихъ сумерекъ моя печаль встрѣчается съ печалью Нетти.

Быть можетъ, сейчасъ Нетти томится тѣмъ же обманчивымъ морокомъ, что взялъ въ плѣнъ мою душу и память?

Можетъ быть, и надъ ней сейчасъ властны призраки былой любви?

Бѣлая перчатка, длинная, съ четырьмя перламутровыми пуговичками, пахнущая — немного развратно лайкой и невинно „цикламеномъ..."

„Люблю тебя!" словно невзначай сказанное на лѣтнемъ закатѣ, подъ небомъ розовымъ и золотымъ, когда жасминные кусты раскрывали звѣзды бѣлаго цвѣта.

Дымно голубой вечеръ на Фіезоле, когда подъ обрывомъ, надъ Флоренціей, воздушно маячилъ куполъ Santa Maria delle Fiore, и строй темныхъ кипарисовъ каменистой тропинкой шелъ въ гору...

Я слишкомъ хорошо знаю, что это лишь морокъ зеленаго неба, марево мартовской истомы. Вѣдь только мнѣ нужна наша

ненужная любовь. У Нетти для нея давно нѣтъ ни памяти, ни сожалѣнія. Навѣрное, сейчасъ, въ мигъ несказуемой грусти сердца моего, Нетти даже не думаетъ обо мнѣ. Навѣрное, ее качаетъ плавный летъ автомобиля, несущагося по шоколадной, слегка подмерзшей слякоти Петербургскаго шоссе. Въ прозрачную даль, туда, гдѣ за холодными пустырями Ходынки, умираетъ желто-зеленая заря, — летитъ автомобиль.

Несказанною печалью дышитъ желто-зеленая заря. И если бы Нетти своими темно-синими подведенными глазами хоть мелькомъ взглянула на блѣдныя полосы печальнаго заката, — ея сердце затуманилось бы томною грустью и, быть можетъ, она припомнила бы нашу ненужную, ушедшую любовь. Но Нетти не видитъ зари.

Съ Нетти этотъ человѣкъ съ наглыми усами... Онъ говоритъ пошлости... И Нетти смѣется, закрывая ротъ большой пушистой муфтой.

А, можетъ быть, она сейчасъ въ бѣломъ залѣ „Эрмитажа“?

Обѣдъ кончился... Нагло усатый осторожно цѣдитъ въ ея рюмку липкій сосновый бенедектинъ. Звенятъ тарелки, играетъ оркестръ... Блестятъ граненыя люстры, и отъ ихъ огоньковъ золотомъ загораются усталые, искусно подведенные, невѣрные глаза Нетти... Къ столику подходятъ люди... Любезно усмѣхаясь, они цѣлуютъ узкую руку Нетти, съ гладкою, всегда холодною кожей, и ея румяно-накрашенныя губы улыбаются имъ такъ, какъ никогда не улыбнутся мнѣ; отраженные въ ея глазахъ огоньки еле замѣтно обѣщаютъ то, чего никогда не пообѣщаютъ мнѣ.

II.

Одинокій Степанъ печально сидитъ за остывшимъ самоваромъ.

Онъ поднимаетъ глаза, и меня — въ который разъ? — смущаетъ кротко-усталый, собачій взглядъ, такой неумѣстный на красномъ и кругломъ, какъ голландскій сыръ, лицѣ.

— Чаю? Только холодный...

— Спасибо... Не хочется...

Сидимъ молча... Такъ бываетъ каждый вечеръ, и оба привыкли: намъ не тягостно, не неловко. Знаемъ, зачѣмъ сидимъ

здѣсь, двое, выкинутые на сорную кучу. Ждемъ ее, свѣтъ и солнце очей нашихъ... Знаемъ, когда придетъ, обидитъ больно, со злостью ... И все-таки ждемъ ... ждемъ ея незаслуженной обиды ...

Ниночка, легкая, по дѣтски упругая, вприпрыжку вбѣгаетъ въ столовую.

— Спокойной ночи, папа!

Мимоходомъ присѣла мнѣ. Я ей не любопытенъ: привыкла каждый вечеръ видѣть меня.

Степанъ, съ унылою нѣжностью, обнимаетъ дѣвочку:

— Уроки приготовила, стрекозка?

Мнѣ кажется, ему хочется сказать нѣчто другое, большое и полное... Но не находитъ словъ, душа косноязычная ... Можетъ быть, я мѣшаю?.. Врядъ ли ...

Я смотрю на него и на дѣвочку... Знаетъ ли онъ, что въ моемъ альбомѣ есть карточка черноглазаго мальчика, имѣющаго очень мало общаго съ моимъ теперешнимъ обликомъ, но какъ двѣ капли воды похожаго на Нину? Конечно, знаетъ. Всегда зналъ и всетаки нашелъ въ себѣ настоящую отцовскую любовь къ ребенку, будто къ своему. А я? У меня нѣтъ ничего. Я люблю одну Нетти. И потомъ мнѣ, вѣдь, сказано:

— Дѣвочка только моя. Вы не имѣете на Нину даже тѣни права.

Не имѣю? Пусть... Этого мнѣ вовсе не нужно. Моя душа томится о другомъ...

Нина выбѣгаетъ изъ комнаты, на прощаніе наказавъ Степану:

— Скажи мамѣ, когда вернется, чтобы зашла меня перекрестить.

Степанъ киваетъ головой.

Наши взгляды встрѣчаются. Мы скорбно и до конца понимаемъ другъ друга. Мнѣ хочется сказать ему что-то нѣжное, можетъ быть, даже заплакать надъ нашимъ одинаковымъ горемъ напрасной, нераздѣленной любви. Но онъ пугается, заминаетъ готовую прорваться близость.

—Д-да, братъ, такія то дѣла, вздыхаетъ онъ, вяло поднимая ко рту разсыпчатое желтое печенье.

— Да, безсмысленно отвѣчаю я.

И опять молчимъ.

Медленно стучатъ стѣнные часы. Медленно тянется время. Нежданно задребезжалъ увѣренный звонокъ.

Нетти!

Мнѣ хочется броситься ей навстрѣчу, первымъ поцѣловать руку, снять шубку и ботики, бережно принять пушистую муфту. Но глупо и неумѣстно. .

Сердце испуганно сжимается: а вдругъ нагло усатый съ ней? Смотрю на Степана. У него на лѣвой, дряблой щекѣ запрыгалъ едва замѣтный живчикъ: Степанъ тоже боится.

Слегка шелестятъ шелка... Тонкій запахъ духовъ и весенней свѣжести... Быстро входитъ Нетти. О, когда я научусь безъ волненія неизъяснимаго видѣть эту гордую, гибкую фигуру, холодно-дерзкій синій взоръ, по цыгански смуглое лицо?

Она одна. Радостно и благодарно дѣлается у меня на сердцѣ Будь благословенна, любимая, за то, что не пришелъ онъ — врагъ души моей!

Какъ всегда, при встрѣчѣ со мною лицо Нетти застываетъ въ презрительномъ спокойствіи. Не глядя, протягиваетъ она къ моимъ губамъ слабую узкую руку.

— Ниночка просила тебя зайти къ ней, говоритъ Степанъ.

Да? Глаза Нетти теплѣютъ, и улыбка слегка трогаетъ злыя, подкрашенныя губы.

— Не знаешь, она приготовила Законъ Божій?

— Кажется, да...

— Сейчасъ иду.

Нетти уходитъ.

Я гляжу на Степана. Его широкое лицо полно улыбки. Я понимаю его. Она здѣсь и безъ этого человѣка... Пусть только горечь и обиду приноситъ ея приходъ... Но она здѣсь... Она здѣсь...

III.

Уже поздно.

Грузно ступая, ушелъ Степанъ работать. Будетъ писать до бѣлой зари. И за сочиненіями „нашего великаго“ погонятся издатели, публика раскупитъ, критика вскроетъ глубины, честные рус-

скіе юноши и восторженныя дѣвушки придутъ спрашивать: какъ жить? Но лишь одинъ я прочту въ этихъ сочиненіяхъ то настоящее, чего не замѣчаетъ даже самъ Степанъ... Конечно, не замѣчаетъ. Онъ не знаетъ, какъ жить, и передъ восторженными дѣвушками будетъ мямлить чепуху (чего, впрочемъ, онѣ отъ уваженія не примѣтятъ). Но онъ очень честный и вѣдай онъ то, что я прочту въ его писаніи, онъ разорвалъ бы три послѣднихъ тома. Сквозь нѣжную тоску отмѣченныхъ любовью героевъ, сквозь кружево изящнаго языка, я угадываю усталость безсонной ночи, боль раздраженныхъ глазъ, неясное нежеланіе писать и полуощущеніе, полусознаніе, что писать необходимо, ибо невѣрной, любимой Нетти нуженъ новый автомобиль, двадцать паръ ботинокъ, лѣто въ Кисловодскѣ.

А, главное, прочту я безкрайную звѣриную тоску по невѣрной любимой Нетти.

Но, къ счастью, это умѣю прочесть только я, да еще, пожалуй, Нетти...

Вслѣдъ за Степаномъ встаю и я.

Нетти провожаетъ меня до передней.

— Дайте мнѣ пальто, — холодно говоритъ она. — Я хочу пройтись.

Жуткою тревогою вздрагиваетъ мое сердце. Что это? Капризъ? Новая злая шутка? Или... Можетъ быть?..

Выходимъ изъ подъѣзда и, словно въ свѣжую прохладную воду, окунаемся въ синеватое серебро мартовской ночи.

Слегка морозитъ и тротуарный асфальтъ гулко звенитъ подъ нашими ногами. Нѣжно потрескиваетъ тонкій ледокъ на подмерзнувшихъ лужицахъ, когда невзначай ступитъ на него легкій лаковый сапожекъ Нетти.

Но небо уже растаяло. Не вздымается, какъ зимою, крѣпкимъ куполомъ синяго фарфора, но, словно бездонная рѣка, обтекаетъ землю... медленно плаваютъ въ его лазурной водѣ круглая стеклянная луна и рѣдкія, большія, вырѣзанныя изъ серебристой фольги, звѣзды.

Сворачиваемъ на бульваръ.

Подъ нагими деревьями крѣпка и звучна мерзлая земля. Тонкія вѣтви набрасываютъ черныя тѣни на бѣло-лиловыя полосы

ноздреватаго снѣга, кое-гдѣ протянувшіяся по прошлогодней травѣ.

Садимся на скамейку.

Молчимъ.

Заливаетъ, заплескиваетъ синева. Сквозь вѣтки серебристо сверкаютъ крыши домовъ, жемчужно блеститъ извивомъ брошенная по проѣзду газовая цѣпь.

Чѣмъ то древнимъ, мудрымъ и печальнымъ дышитъ ночь.

— Синій часъ, тихо произноситъ Нетти.

Бываютъ странныя слова. Обыкновенныя и незначительныя, они, сказанныя въ какую-то особую минуту, словно лучемъ озаряютъ наше прошедшее, — и вдругъ становится ясно, что жизнь твоя до сихъ поръ еще не воплотилась, что ты не позналъ ни настоящаго ея смысла, ни подлинныхъ путей твоей души. Только послѣ малозначущихъ и пустыхъ словъ кончилось блужданіе въ потемкахъ, и ты понялъ самого себя.

Лишь Нетти тихимъ голосомъ произнесла — Синій часъ, — я вдругъ почувствовалъ, что внезапнымъ прозрѣніемъ впервые постигъ нашу ненужную и мучительную любовь и вижу ея горькую безнадежность.

О, какъ обманывала насъ страстная напряженность нашей хотящей воли! Захваченные ея пламеннымъ вихремъ, мы, бѣдныя, обманутыя дѣти, думали, будто достигли единственной, высшей близости.

А на дѣлѣ мы, сбившіеся съ дороги любовники, подошли лишь къ краю истиннаго сліянія, не открывъ другъ другу и тысячной доли нашего чувства.

И эта невысказавшаяся правда нашей любви, эта неизъяснимая близость, когда душа открывается душѣ, словно въ смертный часъ Богу, настала для насъ лишь теперь, въ холодѣ печальной ночи, послѣ такихъ неважныхъ, какъ будто случайно уроненныхъ словъ Нетти о синемъ часѣ.

Быть можетъ, вся жизнь моя была лишь преддверіемъ этого мига. Быть можетъ, только затѣмъ она и длилась, чтобы въ голубомъ серебрѣ ночного марта исповѣдывалъ я душу мою любимой и покинувшей меня женщинѣ.

У меня нѣтъ словъ. Но говорить надо.

Нетти ждетъ. Странная усмѣшка пробѣгаетъ по ея полураскрытымъ губамъ, большіе глаза блестятъ... Она тоже знаетъ: ударилъ для насъ часъ таинственный и странный, часъ послѣдняго раскрытія, синій часъ.

— Нетти, какъ вамъ не стыдно? говорю я и чувствую, что сказалъ не то, но мнѣ не страшно: въ синій часъ понятны не тѣ слова.

— Стыдно? Чего? — медленно, какъ будто съ удивленіемъ, спрашиваетъ Нетти.

— Того, что вы дѣлаете, скорбно отвѣчаю я, и прибавляю такъ тихо, что она скорѣе догадывается, чѣмъ слышитъ.

— Вѣдь я люблю васъ, Нетти...

Она спокойно, даже сурово смотритъ мнѣ въ лицо и просто отвѣчаетъ:

— Я тоже люблю тебя... Одного тебя... Люблю, какъ въ первый день...

Крупными, ровными волнами заколыхалась синяя ночь... Жемчужная нить фонарей и серебряныя крыши пляшутъ въ глазахъ... Чувствуя, что Нетти не отнимаетъ руки, которую цѣлую частыми, короткими поцѣлуями, я лепечу:

— Если такъ... Нетти, что же это такое? Но какъ же?..

Нетти осторожно освобождаетъ руку и съ невеселымъ смѣшкомъ спрашиваетъ:

— Какъ же такъ, что не вы — мой любовникъ? Что любовникомъ у меня другой, мною нелюбимый, а васъ нестоющій? Такъ есть и такъ будетъ. Въ этомъ мое наказаніе за вину, какъ ваше — въ безнадежности страсти.

— За вину? кричу я почти въ изступленіи. — За вину? Неужели же моя случайная измѣна заслуживаетъ этого ада? И ты говоришь, что любишь меня!

— Да, я тебя люблю. Чего стоитъ твоя случайная измѣна, оставь знать мнѣ. Но кара пришла не за измѣну. Кара пришла за другое. И я думала, что вы это знаете, что вамъ такъ же, какъ и мнѣ, страданіе открыло, почему мы — обреченные. Объ этомъ трудно говорить, но недаромъ пришелъ синій часъ, когда мы не можемъ не раскрыть своего сердца до конца... Впрочемъ, вы, быть можетъ, тоже знаете и только боитесь?

— Я ничего не знаю, кромѣ любви къ тебѣ, угрюмо отвѣчаю я.

— Потому тебѣ такъ тяжко бремя кары, спокойно и слегка надменно возражаетъ Нетти. Мы наказаны очень строго, хотя заслуженно, за то, что вы растратили сокровище моей любви, а я позволила его растратить. Вспомните, какая я была, когда мы встрѣтились. Дѣвчонка, выскочившая замужъ за человѣка, котораго ужасно и почтительно боялась. Какую любовь я знала? Пришелъ ты — я полюбила. И началась игра...

— Игра, Нетти? печально переспрашиваю я.

— Да, игра. Ты сдѣлалъ изъ моей любви зеркало, чтобъ любоваться, въ красивой ли ты стоишь позѣ. Наша страсть занимала тебя, лишь какъ поводъ къ неяснымъ и очень пріятнымъ ощущеніямъ. Ты былъ похожъ на человѣка, бросившаго безцѣнный кладъ въ колодезь, ибо ему нравился звонъ падающаго въ воду золота. Но любовь не можетъ быть средствомъ забавы черезчуръ утонченнаго молодого человѣка. Она — нѣчто большее, она — и причина и цѣль, начало и конецъ. И тебѣ, посмѣвшему, какъ легкомысленное дитя, играть съ ея пламенемъ, она жестоко отомстила: когда понадобилась ея сокровищница, — сокровищъ въ ней уже не было. Когда, послѣ измѣны, потребовалась великая сила всепрощающаго чувства, — его не оказалось.

Нетти умолкаетъ. Я ничего не отвѣчаю на ея признаніе и душѣ моей тяжко и трудно...

— Прощай, тихо и спокойно говоритъ она. — Теперь ты знаешь все и больше не услышишь отъ меня такихъ словъ: синій часъ не повторится. Быть можетъ, при встрѣчахъ я буду съ тобой еще болѣе жестка, чѣмъ до сихъ поръ. Но помни, что я люблю тебя и утѣшайся, если это можетъ тебя утѣшить. А теперь прощай. Провожать меня не надо. Цѣлуй руку — только тихо, спокойно.

Медленно склоняю голову къ ея рукѣ. Цѣлую просто, коротким, почти холоднымъ поцѣлуемъ.

— Да, съ недоброй усмѣшкой говоритъ она, — у меня есть для тебя другое утѣшеніе; мнѣ хуже, чѣмъ тебѣ... За растрату меня караютъ строже, гораздо строже, ибо тебѣ мою душу дала я, а мнѣ ее далъ Богъ...

И, разсмѣявшись невесело и зло, Нетти круто поворачивается и уходитъ. Я долго смотрю вслѣдъ и слушаю, какъ щелкаютъ каблучки ея сапожекъ по мерзлой землѣ, пока не исчезаетъ ея стройная фигура въ синемъ серебрѣ ночи.

И плачетъ горькое сердце мое, ибо чую я, что вотъ сейчасъ я по настоящему навсегда потерялъ женщину, любимую и любящую . . .

Грозный синій часъ, часъ раскрытія послѣднихъ тайнъ, когда мы, на порогѣ весенняго возрожденія, странно-близко подходимъ къ смерти, отнялъ ее у меня.

И, опустившись на скамью, я плачу горько и долго о моей потерянной, ненужной любви.

Владиміръ Кадашевъ.

ЭТЮДЫ.

Замокъ.

Передъ сѣрыми стѣнами замка широкій ровъ. Вода высыхаетъ, затягивается тиной, кое-гдѣ бѣлѣетъ лиліями.

Ветхій мостъ. Темныя ворота открыты и холодомъ вѣетъ отъ сырыхъ стѣнъ.

Пустынный дворъ. Между каменными плитами проростаетъ трава, сиротливо стоятъ пьедесталы, пусты ниши... Полная тишина, только изрѣдка нарушаемая крикомъ горныхъ ласточекъ или стрижей.

Лѣстница сѣраго камня потрескалась, на ступеняхъ лежатъ сухіе, желтые, прошлогодніе листья...

Половинка золоченыхъ дверей раскрыта. Пустая комната... Никого, только въ потемнѣвшее стекло бьется почная бабочка.

Другая комната, третья — пусто!

На стѣнахъ голо торчатъ крюки и гвозди, темнѣютъ круги и квадраты — что-то висѣло!

Оружейная. Голыя стѣны, только подъ самымъ потолкомъ висятъ пыльныя рога.

Бѣлый залъ въ два свѣта. Трескаются мраморныя колонны, тлѣетъ шелкъ...

Цѣлый рядъ покоевъ, читаленъ, гостинныхъ — красныхъ, голубыхъ, зеленыхъ — никого!

Кабинетъ. Картины затянуты чернымъ крепомъ, шкафы заперты. На столѣ, рядомъ съ высохшей чернильницей, пустыя рамки... Душно!

Въ самомъ углу замка, въ круглой башнѣ, спальня. На стѣнѣ, надъ кроватью, виситъ распятіе. Позолота рамы потрескалась и изъ-подъ золота бѣлѣетъ мастика.

Внизу, на столикѣ, въ круглой вазѣ, сохнутъ безсмертники; рядомъ — портретъ.

Этотъ портретъ — Вашъ!

Этотъ Замокъ — моя душа...

Страхъ.

Разливъ на Днѣпрѣ... Изумительное время, когда всѣ знакомыя мѣста, всѣ извѣстные съ дѣтства виды мѣняются до неузнаваемости. Вода затопляетъ Трухановъ островъ, заливаетъ на много верстъ лѣвый берегъ и, какъ бы велѣніемъ волшебника, дѣлаетъ знакомыя мѣста чуждыми и таинственными. Все многоводное пространство испещрено кустами, деревьями, крышами домовъ; образуются новыя теченія, ямы, водовороты и въ этомъ запутанномъ лабиринтѣ извилистыхъ дорожекъ и коридоровъ порой немыслимо разобраться даже старому днѣпровскому рыбаку.

Былъ тихій весенній вечеръ. Я медленно плылъ на узкомъ челнокѣ, забираясь все глубже и глубже въ чащу кустовъ, по изгибамъ дорожекъ, просѣкъ и наслаждался тишиной вечера. Я прислушивался къ бульканью воды въ кустахъ, къ шелесту камыша, къ первымъ крикамъ чаекъ и утокъ и, увлеченный этимъ пробужденіемъ весны, не замѣчалъ, какъ отплылъ далеко.

Началъ накрапывать мелкій дождикъ, но было тепло, я не обращалъ вниманія и только сумерки меня заставили повернуть обратно. Я долго плылъ между незнакомыхъ кустовъ, цѣлыхъ острововъ съ камышемъ и деревьями; дождь усиливался... Уставъ грести, я бросилъ весло и легъ на дно лодки; вдругъ я услышалъ какъ кто то грузно хлюпаетъ по водѣ. Я поднялся, осмотрѣлся — никого!

А между тѣмъ ясно слышались тяжелые шаги гдѣ то въ кустахъ. Я окрикнулъ — молчаніе...

Тогда я взялся за весло и быстро пошелъ на городъ, а шаги, медленные и тяжелые, все шлепали за мной, не отставая. Я налегъ сколько было силъ, челнокъ летѣлъ, скользя по водѣ, но стало темнѣть, я натыкался на цѣлыя группы камышей и никакъ не могъ выбраться на чистое, а шаги, грозные и неумолимые, неуклонно слѣдовали за мной.

Въ дикомъ страхѣ, съ замирающимъ сердцемъ, я гребъ послѣдними усиліями, слабѣя все больше и больше и, подъ конецъ, холодная жуть смѣнилась тупой усталостью, я бросилъ весло и легъ въ лодку — будь, что будетъ!

Былъ теплый весенній вечеръ... Шуршали камыши, булькала вода и шелъ дождь, но я совсѣмъ забылъ, что шелъ дождь!

Сонъ.

Я видѣла сонъ.

Я стою въ углу огромной бѣлой залы и я вся въ бѣломъ, въ другомъ углу чернѣетъ что то длинное, вся зала наполнена какой то дымкой . . .

Этотъ туманъ мало по малу разсѣевается и я вижу въ углу человѣка въ черномъ. Онъ медленно подходитъ ко мнѣ тяжелыми шагами и, пристально глядя въ глаза, говоритъ безстрастнымъ голосомъ, глухимъ и жуткимъ:

— Иди!

Я пошла за нимъ по цѣлой амфиладѣ комнатъ, голубыхъ, розовыхъ, желтыхъ и зеленыхъ, гдѣ полъ и потолокъ были одного цвѣта, вошли въ коридоръ . . . Онъ подошелъ къ одной двери, постучалъ и дверь открылась.

Мы вошли въ комнату всю пестрыхъ цвѣтовъ, полъ былъ усыпанъ цвѣтами; посреди стоялъ рѣзной табуретъ, по обѣимъ сторонамъ сидѣли два раба, въ углу дымилась курильница . . . На табуретѣ сидѣлъ ты!

Ты всталъ и пошелъ мнѣ навстрѣчу, я бросилась къ тебѣ.

Ты меня обнялъ и поцѣловалъ въ губы . . .

Съ каждой секундой я все слабѣла, становилась все меньше и меньше и, когда ты оторвалъ свои губы отъ моихъ, я упала къ твоимъ ногамъ розой.

Ты печально посмотрѣлъ и пошелъ къ дверямъ, наступивъ на мою головку . . . она хрустнула!

Черный демонъ лежалъ ницъ . . .

С. Савиновъ.

ЗА СУДАКАМИ.

(Изъ милаго прошлаго.)

Акцизный чиновникъ Крапивкинъ, недавно переведенный въ Астрахань не то изъ Тараща, не то изъ Хороля, засталъ Анатолія Львовича, коренного астраханскаго старожила, за сборами на судака.

Неизмѣнный спутникъ Анатолія Львовича во всѣхъ его охотничьихъ экскурсіяхъ, молчаливый и угрюмаго вида учитель Нифонтъ Трифоновичъ, по гимназической кличкѣ „Телефонтій“, возился тутъ же надъ погребцомъ и другими хозяйственными принадлежностями поѣздокъ, все дѣлая медленно, методично, съ любовью смакуя каждую вещицу.

Гость, уже наслышавшійся въ городѣ объ Анатоліѣ Львовичѣ, какъ о любителѣ охоты и знатокѣ мѣстной природы, давно намѣревался напроситься съ нимъ въ компанію. Анатолій же Львовичъ имѣлъ свои особыя мнѣнія о такихъ случайныхъ „аматерахъ“ и потому, встрѣтилъ появленіе Крапивкина въ своей квартирѣ безъ особаго восторга.

Попыхивая зажатой въ углу рта папироской, Мечталинъ (далъ же Богъ Анатолію Львовичу этакую поэтическую фамилію!) навязывалъ къ крѣпкимъ поводкамъ изсиня-блестящіе острые англійскіе крючки, притачивалъ и выправлялъ ихъ концы на оселочкѣ и, предвкушая будущее наслажденіе уженьемъ, чувствовалъ себя, какъ Магометъ въ преддверіи рая.

Крапивкинъ, товарищъ Анатолія Львовича по университету, присѣлъ около него, а самъ въ душѣ удивлялся, какъ можетъ солидный человѣкъ, да еще съ видимой любовью и увлеченіемъ, такими, съ позволенія сказать, пустяками заниматься, — сучить поводки и крючки къ нимъ привязывать, когда все это въ готовомъ уже видѣ можно купить въ магазинѣ . . .

У Крапивкина даже сдержанная насмѣшливая улыбочка на губахъ появилась, когда Анатолій Львовичъ, заструнивъ зубами поводокъ, сталъ его что есть силы вытягивать, наигрывая на немъ съ видомъ полнѣйшаго удовольствія, какую то „трень-брень“.

Язвительную улыбочку эту подмѣтилъ Мечталинъ и у него противъ знакомаго шевельнулось нѣкоторое недоброе чувство.

— Покупныя удочки не прочны,—сухо замѣтилъ онъ вслухъ... и вдругъ началъ разсказывать.

— Вотъ какой случай со мной однажды былъ. Сижу это я, понимаете-ли, какъ сейчасъ, и наструниваю поводокъ. Вдругъ крючекъ-то у меня изъ зубовъ вырвись, да въ щеку насквозь и вонзился...

— Небольшое удовольствіе, — содрогаясь, но не высказывая впрочемъ особаго сожалѣнія, отвѣтилъ Крапивкинъ.

— Да, чего ужъ меньше!.. Испугался я, да и больно разумѣется, и вотъ какъ былъ съ удочкой въ щекѣ, — кинулся къ доктору. Прибѣгаю къ одному — дома нѣтъ, къ другому — притворился что дома нѣтъ: въ винтъ съ пріятелями рѣзался; третій, оказалось, не практикуетъ, четвертый — только по внутреннимъ, никогда ланцета въ руки не бралъ и крови боится; пятый... шестой... десятый... Попалъ наконецъ на доктора Кожетовскаго... Старый-престарый, обрюзглый, весь съ головой бритый и въ щетинѣ. Усадилъ меня на стулъ верхомъ, передомъ къ спинкѣ, и говоритъ: „Держитесь крѣпче за спинку, крѣпче держитесь, ну примѣрно — какъ если бы васъ здоровый городовой со стула въ участокъ тащилъ... Поняли?“ „Понялъ, — говорю, — только ужъ, ради Создателя, поскорѣе“. „Видишь ты!.. — отвѣчаетъ онъ, — поскорѣе захотѣлъ. Да я, дорогой мой, никогда въ жизни не торопился. Поспѣшишь —людей насмѣшишь. Я вотъ и умирать не тороплюсь“. Балагуритъ этакъ Кожетовскій, а самъ на бритвенномъ брускѣ какой-то ланцетъ или бистурей точитъ, стертый ужъ почти на половину. Точитъ себѣ, не торопясь, и такимъ самодовольнымъ тономъ приговариваетъ: „Эхъ ужъ и ножикъ то у меня — достопримѣчательность, хоть въ музей. Сталь англійская, изъ Шеффильда. Съ самаго перваго курса университета, сирѣчь вотъ уже лѣтъ сорокъ, мнѣ служитъ. Сначала въ анатомическомъ покойничковъ имъ потрошилъ, а потомъ, сколько я на своемъ вѣку этимъ самымъ ножемъ всякихъ нарывовъ вскрылъ, флегмонъ разныхъ, чирьевъ и всякой такой гадости... Уму непостижимо... А все же такой случай, какъ вашъ — впервые... Былъ однажды подобный случай съ однимъ дуракомъ охотникомъ, только не съ удочкой, а съ дробью... Я вамъ разскажу, пожалуй, пока вы, все равно, ничего не дѣлаете“. А мнѣ мудрено

было въ эту минуту что-нибудь дѣлать. Удочка у меня торчитъ сквозь щеку, — а щеку-то вздуло, будто я за нее дулю засунулъ; боль невыразимая и слеза изъ глазъ бѣжитъ. Да. А Кожетовскій разсказываетъ: „Сижу, говоритъ, я въ этой самой квартирѣ — было это лѣтъ тридцать назадъ, а можетъ и побольше. Сижу на галлереѣ, лѣтомъ, и чаемъ съ чихиремъ отпиваюсь. Вдругъ врываются ко мнѣ два гимназиста. „Докторъ! — кричитъ одинъ — выручите Бога ради! Товарищу я въ самую рожу зарядъ дроби закатилъ". — „Какъ это васъ угораздило?"„ — Да такъ и угораздило ... Скворцовъ въ папашиномъ виноградникѣ стрѣляли, ну вотъ оно и случилось. Сами видите ... Мы, вѣдь, верстъ за восемнадцать отъ города были; пока пришли, пока что" ... Осмотрѣлъ я паціента бѣгло, — а онъ, Господи ты Боже мой! — шевельнуть не можетъ ни глазомъ, ни ртомъ. Истыкало ему дробью-то физіономію, затекло все, опухло, ну словомъ: безобразіе ... А товарищъ проситъ: „Будьте человѣчны, выньте ему дробь ради Создателя — какъ мы теперь съ нимъ домой-то явимся?" „А какой чертъ — говорю — велѣлъ вамъ, болванамъ, по охотамъ таскаться? Охотники тоже. Вамъ бы у маменьки въ комнатѣ вышиваньемъ заниматься". „Ну, да вы, говоритъ, словъ-то не теряйте даромъ, вы дробь-то ему вытаскивайте" ... Вижу, что съ мальчишками спорить не приходится. Усадилъ я раненаго оболтуса на стулъ, вотъ совсѣмъ какъ васъ, да и говорю: „Держись крѣпче, а то слетишь, какъ воробей съ крыши" ...

— А впрочемъ ... — вдругъ остановился Анатолій Львовичъ, — вамъ можетъ быть не интересно про охотничьи приключенія слушать?

— Нѣтъ, пожалуйста, очень интересно ... Я вѣдь не охотникъ, не имѣю представленія, что такое охота, — съ преувеличенной живостью возразилъ Крапивкинъ.

— Охота — великолѣпная вещь, Антонъ Миронычъ ... Любовь къ природѣ и охотѣ лучшее украшеніе нашей жизни, — наставительно замѣтилъ Мечталинъ, принимаясь за новую удочку и продолжая разсказъ.

„Предупредилъ я гимназиста, онъ и сидитъ, и держится что есть силъ. А я тѣмъ временемъ размышляю: чѣмъ же я у тебя, дурака, буду дробь вытаскивать ... Да и гдѣ я ее искать буду? Всю

вѣдь тебѣ, милый, всю рожу разнесло . . . И сталъ свой медицинскій наборъ пересматривать. Думалъ, думалъ, и рѣшилъ, что тутъ всего лучше козьей ножкой дѣйствовать . . . Выбралъ я ланцетикъ поострѣе и приступилъ къ операціи. А товарищу раненаго говорю: „Ты его, братецъ, держи покрѣпче, а то онъ, пожалуй, не вытерпитъ и тогда будетъ исторія“ . . . Ну, значитъ, товарищъ обхватилъ его наискось черезъ плечи, а я выбралъ мѣстечко, гдѣ, по расчету моему, дробь была поближе, да ланцетомъ — чиркъ, а потомъ козьей ножкой цопъ — выдернулъ дробину . . . Выдернулъ и говорю: вотъ она. Видите какъ ловко дѣло идетъ. — „Чего ужъ ловче, — восторгается здоровый товарищъ. А раненый только перекосилъ рожу-то, глазами вдругъ сталъ ворочать и рычитъ глухо такъ, точно кобель во снѣ. „Ничего, думаю, миляга, любишь кататься, люби и саночки возить.“ Да-съ . . . сталъ я продолжать. Нащупалъ пальцемъ еще одну дробину и давай ее вылавливать. Рѣзнулъ разъ — нѣтъ не поймалъ: куда-то она въ щекѣ въ сторону юркнула. Рѣзнулъ два, и полѣзъ козьей ножкой. Совсѣмъ было ужъ ее зацѣпилъ, вотъ-вотъ бы вытащить . . . Вдругъ, можете себѣ представить, чувствую что лечу я отъ своего паціента шага на четыре, потомъ вскочилъ онъ со стула, съ ревомъ звѣринымъ, еще ногой мнѣ въ животъ пхнулъ, выпрыгнулъ изъ комнаты на галлерею и съ лѣстницы — трррр . . . Только я его и видѣлъ. А товарищъ за нимъ. Не вытерпѣлъ боли пустячной, мальчишка. Вотъ и подавай первую помощь такимъ паціентамъ!

Разсказалъ онъ мнѣ эту исторію, продолжалъ, выждавъ паузу, Анатолій Львовичъ, а самъ разглядываетъ на свѣтъ остріе ножа, на ноготь его пробуетъ и такъ и этакъ вертитъ имъ передъ моимъ носомъ. И нашла на меня, скажу вамъ, такая тоска, такая тоска, будто сейчасъ вотъ онъ у меня душу вынетъ — и кончено. А въ головѣ мысли вихремъ: сколько случаевъ зараженія крови бываетъ при такихъ операціяхъ. Подумалъ, что ланцетомъ этимъ Кожетовскій сорокъ лѣтъ чирьи и карбункулы рѣзалъ, и сталъ соображать, какъ бы теперь отъ него поблагороднѣе ретироваться . . . Совсѣмъ было ужъ придумалъ, а онъ вдругъ повертывается ко мнѣ и говоритъ: „Ну, теперь можемъ и приступить“. Я было со стула хотѣлъ тягу дать, а онъ ужъ мнѣ ножъ то въ щеку какъ сунетъ . . . Батюшки мои, свѣту я не взвидѣлъ...

Кровь у меня свистнула фонтаномъ, а онъ захватилъ двумя пальцами крючекъ, вертитъ его во всѣ стороны, тащитъ, да приговариваетъ: „По правиламъ хирургіи всякій разрѣзъ надо пошире дѣлать, чтобы дрянная кровь вытекла“. И въ этотъ самый моментъ намоталъ онъ на другую руку конецъ поводка, къ крючку привязаннаго, да подъ разговоръ-то какъ дернетъ и въ слѣдующую секунду съ торжествомъ крючекъ мнѣ показываетъ: „Готово, говоритъ, теперь нате-ка, пополощите — и подаетъ мнѣ воды въ стаканѣ. А я слова произнести не могу: весь потомъ облился отъ боли, въ глазахъ — радуги. Ну взялъ это, однако, стаканъ и началъ полоскать, а вода-то кровяная сквозь дыру въ щекѣ такъ на полъ и брызжетъ . . .

— И все это вы вынесли? — съ ужасомъ, весь коробясь отъ непріятнаго чувства, спросилъ Крапивкинъ.

— Конечно вынесъ, съ самодовольнымъ достоинствомъ, произнесъ Мечталинъ. — Охотникъ долженъ все выносить. Не понимаю, какой же былъ бы тотъ охотникъ, который побоялся бы дроби или удочки въ щекѣ. Тому не за чѣмъ тогда за удочку или за ружье браться.

— Ну, знаете, — съ нѣсколько смущенной улыбкой возразилъ Крапивкинъ, — пожалуй судакъ такихъ лишеній и не стоитъ . . .

— Нѣтъ это вы ужъ ахъ оставьте! Надо быть охотникомъ, чтобы понимать всю прелесть охоты. Вотъ я вамъ скажу, хотя бы судакъ. Ну что такое судакъ? Идите вы на базаръ пораньше утречкомъ и тамъ у бабъ на лоткахъ найдете живыхъ судаковъ, даже очень порядочныхъ. Но судакъ на лоткѣ, или судакъ въ рѣкѣ, на вашу удочку клюющій, — это двѣ большія разницы, какъ говорятъ образованные одесситы. Да вотъ вамъ, напримѣръ. Года три тому назадъ удилъ я судака на Казачьемъ Ерикѣ. Закинуто у меня было удочекъ пять-шесть съ колокольчиками. Вдругъ — дзинь, дзинь, дзинь! Сторожекъ жидовинниковый почти до земли поклонился. Кинулся я къ этой удочкѣ — тащу. Идетъ, крутится здоровенный судачище. Какъ сталъ я его ближе къ берегу подводить — выплылъ онъ на самую поверхность воды, ощерился, жабры растопырилъ, смотрю — у него, батюшки, голова-то вершковъ въ пять длиною. Чудовище! . . Однимъ словомъ чудовище! Такого судака упустить — на всю жизнь позоръ. Подвожу это я его по-

немногу, осторожно, а самъ спускаюсь въ воду, чтобы не дать ему земли коснуться, а то, думаю, мотнетъ онъ головой по лескѣ, обрѣжетъ ее зубами и драло: поминай какъ звали... Вотъ залѣзъ я въ воду почти по колѣна, подвелъ его, сталъ голубчика нащупывать осторожно, чтобы подъ жабры подхватить и на берегъ вышвырнуть. Да вдругъ какъ палецъ-то у меня отъ слизи соскочитъ, прямо ему въ пасть. А онъ, окаянный, какъ тиснетъ зубами, такъ и замеръ... Ну что тутъ было со мной — я вамъ скажу! Свѣта не взвидѣлъ. Вонзился онъ зубищами — зубы у него крючьями сдѣланы, — а самъ мотается изъ стороны въ сторону, вмѣсто того, чтобы палецъ выпустить и бѣжать, пользуясь моимъ замѣшательствомъ. Извѣстно, судакъ рыба глупая. Выскочилъ я тутъ кое-какъ на берегъ, волочу судачину на пальцѣ, а въ немъ фунтовъ пятнадцать вѣсу. Кричу товарищамъ: „Бейте его по башкѣ скорѣй"! Начали они его колотить по головѣ, а онъ въ судорогахъ еще больше палецъ закусываетъ. Повозился я тутъ еще съ минуту, пока высвободилъ изъ его зубовъ руку. Ну, разумѣется, поздненько ужъ было: онъ мнѣ все мясо на пальцѣ располосовалъ; потомъ воспаленіе было и рука недѣль пять болѣла. Вотъ видите, какіе слѣды остались. А все - таки не упустилъ разбойника!..

И съ этими словами Анатолій Львовичъ показалъ гостю палецъ, весь испещренный неправильными бѣлыми рубцами.

— А другой случай, тоже съ судакомъ, былъ еще интереснѣе... Вы что же, не хотите еще послушать? спросилъ Анатолій Львовичъ Крапивкина, который привсталъ со стула и протянулъ хозяину руку.

— Нѣтъ, благодарю васъ... Я вижу, что охота очень интересная вещь, особенно за судаками. Но вѣдь я, знаете ли, плохой охотникъ — смущенно пояснилъ гость, съ почтеніемъ скосивъ глаза сначала на лѣвую щеку Мечталина, а потомъ переведя ихъ на цѣлую груду лежавшихъ передъ нимъ на столѣ рыболовныхъ принадлежностей: крючковъ, блесенъ, искусственныхъ рыбокъ, какихъ-то крошечныхъ и чрезвычайно острыхъ якорьковъ и прочихъ стальныхъ, колющихъ и угрожающихъ предметовъ.

—А жаль, что не ѣдете! Погодка чудесная и сейчасъ самый сезонъ, — провожая гостя, говорилъ ему Анатолій Львовичъ.

Мы ужъ съ Нифонтомъ Трифонычемъ васъ на такое мѣсто свезли бы, что до-сыту наловились бы.

— Да, нѣтъ, спасибо. Какъ-нибудь въ другой разъ. Къ тому жъ мнѣ и некогда: по дѣламъ въ уѣздъ вызываютъ. Съ шинкарями совсѣмъ сладу не стало ... Всего хорошаго ...

Убѣдившись, что Крапивкинъ уже за дверями и слышать его не можетъ, Анатолій Львовичъ разсмѣялся.

— Отдѣлались. Присталъ: возьмите меня на охоту да возьмите. А какой онъ, чортъ, охотникъ? Поди судака-то только въ польскомъ видѣ знаетъ.

Неизмѣнный спутникъ Анатолія Львовича, „Телефонтій“, сочувственно улыбнулся въ отвѣтъ и они съ облегченными сердцами принялись заканчивать сборы. Сейчасъ вѣдь три часа, а въ шесть надо выѣзжать на „моторкѣ“ къ Быстренькому.

— Магнето новое пристроили?

— Пристроили. Теперь, братъ, только „чикъ-чикъ-чикъ“ и пойдетъ писать, — живо докатимъ ...

С. К. Лабинскій.

ВАХМИСТРЪ ЧУБЪ.

Ѳеодосій Чубъ — лѣвша, но коренастъ и больно бьетъ бабу. Потому что въ бабѣ — хмель.

А хмель, когда его черезъ край, силу точитъ.

Пшеницу цѣпомъ бьетъ Ѳедосій, бабу — палкой. Когда подопрется накрестъ руками, грудь у нея выпираетъ, что сладкое тѣсто изъ макитры.

И щекотно становится.

А глазомъ поведетъ — будто въ непогожій день прорвалась лазурь утренняя, хляcь синеокая.

Кабы не гладкая баба, не скучалъ бы здѣсь Ѳедосій.

Лежитъ ночью онъ, а на нутрѣ сосетъ. Все стоитъ передъ памятью. И сладко памятовать и горько. Словно полынь дохнула и гарь степовая.

— Красива!.. носъ только мухи засидѣли... говорилъ Ѳедосій, когда былъ въ злостяхъ.

Но лежитъ теперь далеко въ ночи и знаетъ, что вралъ, языкъ паскудя.

И звѣзды на небѣ — веснушки на лицѣ оставленной. Думы думаетъ Чубъ. И все горькія, какъ дымъ костра.

Подбились ноги за день. Горы злыя. Да и коней нѣту. Пѣшой не уйдешь дальше дня.

— Шосса ехидная... сплевываетъ Чубъ, вся каменьями заложена. Жжетъ подошву, всю ногу натеръ... Ноетъ треклятая!

А баба все въ память лѣзетъ. Спать не даетъ. Вяжетъ думу въ крѣпкій узелъ.

— Нуда на сердцѣ и только...

Ночь боретъ костеръ. И машутъ крыльями тѣни — черные голуби.

Да за откосомъ рычитъ и фыркаетъ Мзымта.

— Ежели бы шепкой стать, скажемъ... Умчала бъ за часъ въ море, али нѣтъ? Выпрыгнулъ бы тогда съ воды на берегъ, въ городъ. Да въ духанъ... да рому бъ досталъ у армяшки, огурцовъ... Эхъ и упился бы... Удовину морду бъ расклепалъ... Кацапъ!..

Швырнулъ Ѳедосій сучокъ въ огонь и ткнулъ спавшаго Вдовина.

— Эй, Микитъ! А Микитъ! Твоя смѣна...

Изъ подъ бушлата глянулъ заспанный Вдовинъ. Рыжій, а щеки только не треснутъ — что помидоры. Протеръ глаза.

— Чаво?

— Чаво? Чаво? — прогнусилъ Чубъ. — Удовинъ вывелъ голубей голубыхъ у домѣ... а нынче съ винтовочкой спознался. И нараспѣвъ Ѳедосій поддѣлъ Вдовина.

— Чаво? Не трожь благородія твово?...

— Да чаво, Ѳедь, замаешь?

— Кто те замаетъ!? Ходи ка смѣняй!

Рыжій, сбитый, что войлокъ, Вдовинъ подсѣлъ къ огню. Глаза добрые, раскосые слезятся отъ огня и дыма.

— А сколько времени, Ѳедь?

— Тебѣ время... Глянь на звѣзды, коли надо.

Свернулъ крученку Вдовинъ, поплевалъ сквозь зубы въ горячій пепелъ.

Хохочетъ въ ущельи Мзымта. Днемъ ничего — рѣка, что рѣка, а въ ночи, какъ звѣрь рычитъ.

И на душѣ холодно, словно въ подвалѣ.

И ночь черная, и глаза у вахмистра черные, а время — путь безысходный.

— А въ лѣсу темно. Ишь ты, чикалка скулитъ. Ажъ боязно... старается не молчать Вдовинъ.

Воетъ шакалъ, и только буки заплели высоко въ небѣ, въ мерцающихъ звѣздахъ вѣтви, да серебромъ свѣтится снѣгъ Аибгскаго хребта.

Вдовину жутко и холодно отъ этой дали, отъ ночи чужой и огромной.

— Ровно лицо упокойника энта гора. А нашъ-то прапорщикъ зоветъ гору липардовой, вродѣ, значитъ, шкурки отъ тигры.

Вахмистръ слѣпо смотритъ въ огонь.

— А ты знаешь, что это, тигра?

— Вѣстимо... господинъ прапорщикъ объяснялъ давеча. Африканскій звѣрь, вродѣ, какъ сказать большой кошки, что ли...

— Ну, будетъ... ходи смѣняй. Ты съ прапорщикомъ своимъ наразскажешь!

Вахмистръ Чубъ искоса смотритъ на лицо опрокинутое вверхъ прапорщика Закоморнаго. Не то спитъ онъ, не то умеръ. Сизыя губы... лицо безусое, какъ стеаринъ, испито и устало. Острый носъ еще больше отъ свѣта костра.

— Услышитъ — промолчитъ, а не услышитъ, чортъ съ нимъ... думаетъ Чубъ объ офицерѣ. Во рту воду носитъ... говорить не охотникъ.

И злость глухая, истошная мучитъ и тискаетъ сердце Чуба. Взялъ бы да треснулъ прикладомъ объ камень, о голову „господина прапорщика", застрѣлилъ бы ночь чужую, что гложетъ. Всю обойму вкатилъ бы. Чтобы и звѣзды эти дозорчатыя сгасли, чтобы крикомъ Мзымту перекричать, чтобъ до устали истерзать душу, чтобъ изнемогши съ сердца нуда спала.

Только все это понапрасну.

— Тоже дохлая лошадь... угадываетъ Чубъ, взглянувъ на сѣрое, костяное лицо офицера. — Тоже дергается, потому что въ оглобляхъ... Ну, ты!... ощерясь обернулся онъ къ Вдовину, не въ силахъ унять горькое, что кружило, горѣло у сердца.

Вдовинъ съежился, вскинулъ винтовку, зашлепалъ по грязи. И мутнымъ пятномъ стаялъ въ теми...

*

Зыбилась пелена тумана въ разсвѣтѣ и липкимъ киселемъ поползла изъ ущелья.

Глядѣлъ вахмистръ Чубъ на безмолвно таявшую ночь, на верхушку далекаго хребта, гдѣ серебро снѣга стало казаться розовымъ цвѣтомъ шиповника.

И все больше, все сильнѣй и тягуче ныло сердце. Словно стиснулъ его кто-то пальцами и сдавилъ въ комокъ.

Чубъ закрылъ глаза. Хотѣлось ѣсть, что-то сосало внутри, отъ табака было горько во рту. Внезапно вспомнился запахъ теплаго ржаного хлѣба, испеченнаго на листѣ капусты. И не захотѣлъ больше открыть глаза. Пахло дымкомъ гаснувшаго костра.

Высоко по макушкамъ вѣковѣчныхъ грабовъ и буковъ торопливо шуршалъ вѣтеръ. Гдѣ-то вовсе незримый звалъ подругу въ просини зари кружившій орелъ.

Вахмистръ забылъ о сторожевомъ охраненіи.

Навстрѣчу шли знакомые холмы, и пѣлъ вѣтеръ.

Холмы пригнулись къ долинѣ, къ рѣченкѣ, словно испить хотѣли ее, и за правымъ, за крайнимъ маячило село.

А итти легко, будто подъ ногами не дорога, а воздухъ, но на душѣ черная тревога, словно не то послѣ похмѣлья онъ, не то померъ кто-то.

И до хаты близко. Минулъ колодезь съ покосившимся журавлемъ. Завернулъ за уголъ. Во дворѣ пусто, а песъ-то другой. Подумалъ:

— Муратка околѣлъ вѣрно...

Отогналъ насѣдавшую собаку костылемъ и толкнулъ дверь. Все старое, свое. Въ углу образъ Спаса и св. Ѳеодосія Печерскаго, у окна свитка бѣлая жены и на стѣнѣ досель виситъ шомполка.

Но вдругъ навстрѣчу поднялся мужикъ. Кряжистый съ востренькимъ носомъ и поганой облѣзлой бородкой.

— Чего тебѣ?

Чубъ бросилъ съ плечъ суму на полъ.

— Чего спрашиваю надо? Кто будешь таковой, что безъ дозволенія въ хату ломишься? наступалъ мужикъ на Чуба.

Предчувствіе бѣды и злоба перехватили горло.

— Ѳедосій я! Вотъ что! Аль не узналъ хозяина?!

Мужикъ насупилъ брови и ехидно протянулъ:

— Хозяинъ? А я-то чтожъ? Али двое нонче хозяевъ на одну хату?

Чубъ бросился на мужика, схватилъ его за воротъ и заоралъ:

— Выметывайся, борода!!

Мужикъ отпрянулъ и заголосилъ:

— Алена! Алена!

На порогъ выскочила изъ сѣней баба.

Ѳедосій узналъ жену. Ситцевый фартукъ округлилъ выпяченный животъ на износѣ. Ѳедосій хватился за грудь. Гѳлосъ оборвался.

— Брюхата, сука?! Нагуляла... съ нимъ, съ полюбовникомъ...

Мужикъ шмыгнулъ за дверь. Баба бросилась вслѣдъ, но Чубъ

ухватилъ ее за волосы, запрокинулъ лицо къ сѣтнѣ и сбилъ ее сапогомъ на земь.

Баба завыла:

— Ѳедь, не губи... не губи!!

Но Чубъ не слышалъ ничего. Съ пѣной у рта, ревѣлъ онъ что-то и билъ кулакомъ жену по груди, по животу, по лицу.

Зашаталась, закружилась изба. Мелькнулъ Спасъ, свитка, герань на подоконникѣ пестролистная.

Горячія ладони ощутили холодную сталь стволовъ шомполки.

Не цѣлясь дернулъ за спускъ. Грохнулъ выстрѣлъ. И Чубъ открылъ глаза.

*

Костеръ потухъ. Въ блѣдномъ небѣ еле просвѣчивались гаснувшія звѣзды.

Къ сторожевому охраненію, съ перекошеннымъ лицомъ, воя, бѣжалъ безъ винтовки Вдовинъ.

Лѣвой рукой онъ поддерживалъ кисть другой руки.

Вахмистръ ухватилъ винтовку, вскочилъ на ноги, треснувшись теменемъ объ навѣсъ, и зычно гаркнулъ:

— Караулъ, въ ружье!

Дремавшіе солдаты и прапорщикъ Закоморный сорвались мгновенно, гремя винтовками о доски, строясь у обрыва.

Но Чубъ понялъ уже, что непріятеля нѣтъ, увидѣвъ морщившееся отъ нестерпимой боли глупое лицо Вдовина.

— Отставить! гаркнулъ онъ еще разъ.

Вдовинъ присѣлъ на корточки и завылъ.

— Ѳедь, ой, ой... дюже горитъ...

Солдаты обступили Вдовина и съ любопытствомъ глядѣли на сочившуюся кровь, на висѣвшіе перебитые пулей пальцы, откуда торчали изъ алѣвшаго кома кости.

Прапорщикъ Закоморный хрипло выругался:

— Вахмистръ! Завяжи этой сволочи руку... и подъ арестъ его...

Вдовинъ заморгалъ глазами и веснусчатое лицо его стало изжелто-сѣрымъ.

— Господинъ прапорщикъ, та я жъ...

Закоморный не слушалъ.

— Взять подъ арестъ! Винтовку сдай и патроны!

Закоморный увидѣлъ, что Вдовинъ безъ винтовки.

— Упустилъ, господинъ прапорщикъ... догадался Вдовинъ.

Закоморный отвернулся и закурилъ папиросу.

Чубъ безразлично смотрѣлъ на Вдовина, оборачивая ему тряпкой пальцы.

— Самострѣлъ... Микитъ! Вотъ Мотовъ до тебя добе рется!

Вдовинъ встрепенулся.

— Неужели судить будутъ?

Вахмистръ промолчалъ.

— Ѳедь, а Ѳедь, неужели будутъ?..

Чубъ обругалъ Вдовина.

— А чтожъ домой что ли пустятъ? Когда не разстрѣляетъ Мотовъ, въ каторгу угонитъ. Твое дѣло рѣшенное, Микитъ...

Вдовинъ умоляюще смотрѣлъ въ лицо вахмистру, стараясь поймать его глаза. Что-то дѣтское, безпомощное было въ дрожи этого рыжаго, дюжаго мужика.

— Ѳедь, а Ѳедь, скажи... неужли...

Чубъ молчалъ.

— Для Мотова все равно — человѣка надо ему въ расходъ пустить для примѣру. Вотъ какъ поручика Курицына...

Вдовинъ дрожалъ все сильнѣй.

— Ѳедь, вѣдь земляки-то... Ѳедь, подмоги! Вѣдь нечаянно...

Голосъ у Вдовина срывался.

— Какъ тепереча?.. вѣдь баба съ Васькой осталась...

Къ нимъ подошелъ прапорщикъ Закоморный.

— Вахмистръ! Послать сейчасъ же въ роту мое донесеніе о происшедшемъ.

Чубъ, нехотя выпрямившись, глухо буркнулъ:

— Слушаю!

*

Арестованный и конвоиры медленно поднимались по тропинкѣ. Солнце высоко стояло надъ лѣсомъ, дышавшимъ пряной сы-

ростью и горьковатымъ медомъ дикихъ азалій. Внизу еще былъ слышенъ удалявшійся рокотъ рѣки, но здѣсь, на лужайкѣ, уже пѣли пчелы, и осіянная твердь струилась въ благодатномъ полднѣ.

За перекатами зеленыхъ долинъ, гдѣ ютились деревушки, въ голубой дымкѣ высились горы. Не стаявшій снѣгъ лежалъ на главахъ ихъ, какъ парча.

Безконечность и тишина дня слушали только шаги идущихъ.

Зеленое кружево папоротниковъ легло у подножій стволовъ. Тропинка взбѣжала въ послѣдній разъ на шоссе.

Вахмистръ присѣлъ на битый щебень и, утеревъ съ лица потъ, досталъ кисетъ.

— Садись, Микитъ... покуримъ, горемычный!

Вдовинъ понуро сѣлъ.

Ляминъ — солдатъ четвертаго взвода, ротный запѣвало стоялъ у обрыва и разсѣянно сбрасывалъ носкомъ сапога щебень

Молча курили.

Впервые за всю жизнь Вдовину захотѣлось воли; все тревожнѣй становилось на душѣ, приближаясь къ ротѣ. Вдовинъ чувствовалъ, что онъ принадлежитъ уже Мотову и всѣмъ существомъ ощущалъ безысходный гнетъ. Позади осталось все давнее: вахмистръ, съ которымъ вмѣстѣ ушли изъ села на войну, воскресныя утра послѣ обѣдни и красные пряники на гульливомъ базарѣ, развеселая гармошка.

Вдали — ничего. Только билось и трепетало внутри: Мотовъ... полковникъ Мотовъ.

Лямина и вахмистра Вдовинъ считалъ подневольными и чувствовалъ, что они не спасутъ. И вышло-то все какъ. Оторвало пулей пальцы, а все вокругъ ощетинилось цѣпкимъ лѣсомъ.

И опять въ мозгу прыгали тѣ же слова: Мотовъ... полковникъ Мотовъ...

Вахмистръ поднялся, чтобы итти. Но вдали послышалось дребезжаніе эскадронной двуколки, и веселый окрикъ телефониста Мануилова:

— Ну ты, лихая!

Подстегивая лошадь возжами, Мануиловъ осадилъ коня. Улыбка застыла, когда замѣтилъ обвязанную руку Вдовина.

— Что съ тобой, Вдовинъ!?

Вдовинъ безутѣшно махнулъ здоровой рукой.

— Подстрѣлился Микитъ нашъ... вздохнулъ вахмистръ.

Вольноопредѣляющійся спрыгнулъ съ двуколки.

— Когда... какъ же это вышло?

Вдовинъ сидѣлъ опустивъ голову.

— Ночью нынче... держалъ пальцы на дулѣ, а прикладъ уперъ на камень, притулился до скалы, да подъ утро задремалъ видно...

— Ну, а выстрѣлилъ-то какъ? допытывался Мануиловъ.

— Со сна качнуло меня въ бокъ, что ли... Винтовка скользнула, да объ землю.

— А предохранитель не оттянулъ?

— Ну, да вся обойма была... вотъ тебѣ и грѣхъ! Какъ жиганетъ по пальцамъ!

Мануиловъ покачалъ головой.

— Эхъ, неудача какая... Господи!

Онъ присѣлъ и задумался.

Пѣли о чемъ то телеграфные провода, булькалъ ручеекъ, да переминалась съ ноги на ногу лошадь.

— Какъ же быть теперь... Господи!

— И за что это доля намъ такая? спросилъ Ляминъ.

— Господи, Господи... заговорилъ опять Мануиловъ быстро. Кругомъ радость Божья: солнышко, травушка, небо синее, на полѣ вонъ кукуруза какая! Такъ нѣтъ тебѣ покоя. Иди убивать, иди пулю кому-то въ сердце вгонять, какъ шакалу. А за что спрашивается? Можетъ быть онъ такой же, какъ я и ты, можетъ тоже и полдень и травку любитъ.

Мануиловъ помолчалъ.

— Вотъ теперь Вдовинъ... Отстрѣлилъ себѣ пальцы, судить будутъ, умучаютъ законами и арестами, если не разстрѣляетъ нашъ Мотовъ. Для поддержанія дисциплины, для острастки, а самъ автомобиль сперъ въ городѣ. Нѣтъ правды въ этой жизни, нѣтъ правды, вахмистръ!

Чубъ усмѣхнулся.

— Правда она есть, коли люди честные... потому правда, какъ увидитъ сволочь какую — такъ въ землю зароется, что кротъ — не откопать.

Вахмистръ внимательно глянулъ на Лямина.

— Вотъ скажемъ, насъ четверо: Ляминъ... знаю его сызмальства. Отъ него правда не утечетъ, чего ей пугаться чистаго сердца, неграмотный онъ, вѣрно ... ну, а это ничего даже... Микитъ — голубь просто, хоть и дурной, а всегда любилъ его за то — возьметъ гармошку, угадать можно, что душа голубиная. Вы, Анатолій Митричъ, никогда не гнушеатесь простого человѣка... вотъ что...

Замолчали. Вахмистръ взялъ нѣсколько камней изъ кучи и разсѣянно укладывалъ ихъ на травѣ.

Ляминъ вполголоса запѣлъ, словно жаловался. Удаль и тоска отчаянія звенѣли въ пѣснѣ.

И уходилъ незамѣтно полдень.

— Ну, ѣхать пора... — поднялся Мануиловъ и подошелъ къ двуколкѣ.

— А правда-то,—усмѣхнулся зло Чубъ, — зарылась родимая?

— Правда... остановился Мануиловъ. — Богъ видитъ, я...

— Эхъ, Анатолій Митричъ! — вдругъ вскочилъ вахмистръ. Глаза у него блеснули недобро. Ляминъ и Вдовинъ отъ неожиданности встали. Мануиловъ обернулся. И всѣ уже знали, что такъ просто не разойтись теперь.

Вахмистръ съ какимъ-то отчаяніемъ бросилъ:

— Правда? Правда недалече... чего таить — смотрите! Только... — и голосъ Чуба зазвенѣлъ высоко, — только смёртная она тому, кто не схоронитъ ее отъ людей!

И онъ указалъ пальцемъ на траву, гдѣ передъ этимъ сидѣлъ. Мануиловъ и другіе подошли.

На землѣ подрядъ лежали четыре битыхъ кремня.

*

Штабъ полка помѣщался на брошенной дачѣ. Въ комнатѣ, окна которой выходили на террасу, гдѣ уже зацвѣтали глицинiи, засѣдалъ военно-полевой судъ.

Предсѣдатель суда, начальникъ хозяйственной части полка, полковникъ Мотовъ безразлично выслушивалъ допросъ.

Маленькіе калмыцкіе глаза на полномъ кругломъ лицѣ оливковаго цвѣта смотрѣли на качавшуюся за стекломъ вѣточку глициніи.

Полковникъ думалъ объ Аннѣ Павловнѣ, своей женѣ. Цвѣтъ ея платья изъ тонкаго ласковаго крепъ-де-шина былъ такимъ же, какъ цвѣты глициніи. Это было пріятно полковнику Мотову. Напоминало сладкіе духи, легко волновавшіе его всегда, которыми душилась Анна Павловна.

— Chevalier d'Orsay... вспомнилъ Мотовъ названіе духовъ и съ удовольствіемъ погладилъ свою бритую голову, круглую, какъ билліардный шаръ, небольшой короткой рукой съ толстыми пальцами.

— А почему же ты не поставилъ предохранителя? — допрашивалъ Вдовина членъ суда, ротмистръ съ гнилыми рѣдкими зубами.

Сиреневое платье не уходило изъ памяти Мотова. Оно такъ мягко облегало тѣло Анны Павловны, придавая ему еще большую ласковость. Какъ таялъ начальникъ дивизіи въ прошлое воскресенье.

— А все-таки генералъ боровъ только и болванъ... дивизія будетъ у меня въ рукахъ... будетъ... рѣшилъ въ умѣ Мотовъ.

— Сколько времени не былъ дома?

— Второй годъ пошелъ... тихо отвѣчалъ Вдовинъ.

Мотовъ взглянулъ на Вдовина. Привычка не вѣрить чему-либо, дѣлала глухимъ его.

— Экая рыжая морда... подумалъ Мотовъ.

Допросъ былъ оконченъ и подсудимаго вывели.

— Господинъ полковникъ, — обратился къ Мотову ротмистръ, согласно статьи свода военныхъ законовъ, во время состоянія войны солдатъ, Вдовинъ Никита, совершилъ преступное дѣяніе, наказуемое лишеніемъ всѣхъ правъ состоянія и подлежитъ смертной казни черезъ разстрѣляніе?!

Ротмистръ повернулся въ сторону другого члена суда — полковника артиллеріи.

Оба наклонили головы.

Ввели Вдовина.

Полковникъ Мотовъ, чеканя слова, прочиталъ приговоръ суда.

Вдовинъ открылъ ротъ, но встрѣтилъ жесткій взглядъ Мотова и опустилъ голову. Его начинала трясти дрожь. Въ комнатѣ стало тихо и жутко. За окномъ болталась отъ вѣтра вѣточка сиреневой глициніи и на зеленой лужайкѣ, гдѣ заглохли клумбы, щипала свѣжую траву бѣлая коза.

Полковникъ Мотовъ скомандовалъ караулу.

— Отведите!

Ротмистръ сложилъ папку засѣданія суда и захлопнулъ аккуратный томикъ свода военныхъ законовъ.

Полковникъ Мотовъ всталъ:

— Господинъ полковникъ! Ротмистръ, прошу не отказать отобѣдать сегодня у меня ...

Весело щелкнули шпоры ротмистра. Судъ въ сопровожденіи ротнаго командира направился къ автомобилю, жужжавшему на залитомъ солнцемъ шоссе.

— Хорошенькая у васъ машина, господинъ полковникъ, — обратился къ Мотову ротмистръ, — полковая или ваша?

— Нѣтъ... неопредѣленно отвѣтилъ Мотовъ, открывая дверцу прошу, прошу, господа...

Машина рванулась, и на шоссе остался ротный командиръ, бывшій подпрапорщикъ.

— Спросилъ бы лучше доктора Шахова... — злобно отвѣтилъ онъ въ мысляхъ ротмистру, отдавшему ему честь нагло растопыренной пятерней.

*

Дежурный телефонистъ, вольноопредѣляющійся Мануиловъ, тщетно вызывалъ штабъ дивизіи.

Гнусаво и лѣниво вылъ полевой телефонъ.

— У-у...ууу... вторая рота? Да не перебивайте вы, ну, васъ къ чорту! Да, Мануиловъ... мнѣ штабъ дивизіи...

Въ трубкѣ что-то трещало и опять въ пустой комнатѣ за ящикомъ пріемника громко разговаривалъ съ пространствомъ Мануиловъ.

Но даль отвѣчала глухимъ, скучнымъ мычаніемъ.

Слабо свѣтила на окнѣ керосиновая плошка. Ночь струилась отъ луны, и лѣсъ вблизи на крутомъ скатѣ казался волнами застывшей темной лавы.

Вольноопредѣляющійся Мануиловъ непрестанно курилъ, чувствуя, что все его тѣло бьетъ лихорадка близкаго неизреченнаго ужаса.

Принялся опять вызывать штабъ дивизіи.

— У-у-ууу... вторая рота? Да когда же вы освободите линію? Я? Первая... да, первая!

Что-то харкнуло въ слуховой трубкѣ. Опять заплакалъ уныло и тоскливо пріемникъ.

Мануиловъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ.

Дверь открылась и тихонько вошелъ вахмистръ Чубъ.

— Ну, что, Мануиловъ?

— Нѣтъ пока... Штабъ не отвѣчаетъ.

Вахмистръ вышелъ. Опять закричалъ Мануиловъ въ трубку зовя въ безликой ночи. И опять нѣмо и безразлично трещалъ пріемникъ.

Вольноопредѣляющійся откинулся на стулъ и посмотрѣлъ на часы. Закрылъ глаза.

— Неужели утвердитъ... сверлила буравомъ все та же мысль. Мануиловъ сидѣлъ съ закрытыми глазами, но казалось, что красные облаки неслись мимо.

— Господи... вздохнулъ телефонистъ. Что за жизнь, что за люди...

И захотѣлось Мануилову прочь бѣжать отъ роты, домой. Сѣсть опять за уютный уголъ стола, открыть атласъ бабочекъ, который давалъ ему на домъ преподаватель гимназіи Егоръ Ивановичъ, опять перерисовывать пестрыя крылышки и, подсушивая на лампѣ акварельныя краски, прихлебывать теплый чай.

— Стану профессоромъ, мама... — вспомнилъ Мануиловъ мать, читавшую рядомъ романы Вербицкой, — буду носить сюртукъ.

— У... ууу... запѣлъ телефонъ. Мануиловъ схватилъ трубку.

— Первая рота! Первая рота слушаетъ... Да, да! Мануиловъ... Утвердилъ... утвердилъ?... — У Мануилова упало что-то внутри.

— Телефонограмму? Сейчасъ, сейчасъ...

*

Мануиловъ бросилъ трубку и подбѣжалъ къ двери. Изъ темноты выскочилъ вахмистръ.

— Вахмистръ, генералъ утвердилъ приговоръ. Сейчасъ принимаю телефонограмму ротному...

Чубъ сипло прошипѣлъ въ ухо Мануилову:

— Рѣжь скорѣй!... Мать ихъ...

Мануиловъ прикрылъ тихонько дверь. Трубка трещала и выла:

— У... ууу...

Мануиловъ сжалъ дрожа пальцы. Быстро открылъ окно. Ночь баюкала уснувшій садъ, и луна высоко плыла надъ домомъ.

Съежившійся, словно собравшійся весь для прыжка, Мануиловъ торопилъ себя мысленно:

— Скорѣй, скорѣй...

Онъ заперъ дверь на задвижку. Перекрестился. Насунулъ фуражку, путаясь въ рукавахъ, натянулъ шинель и еще разъ глянулъ въ окно. Во дворѣ было пусто.

— У... ууу... плакала трубка.

Мануиловъ сталъ на подоконникъ и рванулъ ножемъ по проводамъ у оконной рамы. Еще разъ что-то харкнуло въ трубкѣ и пріемникъ умолкъ. Мануиловъ осторожно выпрыгнулъ и сгорбившись поползъ въ тѣни стѣнъ. Онъ чувствовалъ, какъ стучала кровь въ вискахъ. На углу Мануиловъ остановился и выглянулъ. Подъ деревяннымъ навѣсомъ стояли лошади, и тлѣвшій костеръ освѣщалъ дремавшихъ дневальныхъ. Одна изъ нихъ загремѣла недоуздкой и ударила копытомъ по деревянному брусу.

— Ну, ты... холера! — приподнялся на локтѣ солдатъ и, натянувъ воротникъ шинели на лицо, повернулъ спину къ костру.

Мануиловъ обернулся. Слабо освѣщенная комната телефонистовъ была пуста.

Подобравъ фалды шинели, Мануиловъ опрометью бросился бѣжать черезъ освѣщенную лужайку.

Добѣжавъ до кустовъ, Мануиловъ бросился на земь. Сердце стучало и мѣшало слушать. Мокрая росная трава пахла землей и влагой. Мануиловъ поднялся и перебѣжалъ къ просѣкѣ, гдѣ лежали нарубленныя дрова. Что-то свистнуло. Мануиловъ два раза повторилъ посвистъ сойки. Къ нему подбѣжалъ Ляминъ.

— Ой, какъ бы не споймали!? Уйдутъ ли?

Мануиловъ пристально вглядывался въ лужайку.

— Хлѣбъ взялъ? — глухо спросилъ онъ.

— Здѣсь все, въ сумѣ.

Ляминъ глянулъ на небо и зашепталъ:

— Ни облачка тебѣ, Господи! Свѣтло больно...

Мгновенья ползли, а въ ушахъ Мануилова все гудѣла телефонная трубка и прыгали слова:

— У... ууу... первая рота? Говоритъ штабъ дивизіи. Примите телефонограмму объ утвержденіи приговора...

— Глядите, глядите... зашепталъ Ляминъ.

Отъ сарая возлѣ дачи отдѣлились двѣ фигуры и побѣжали къ лѣсу. Ночь молчала, и лѣсь казалось слушалъ ея нѣмоту..

— П-іу... п-іу... подалъ сигналъ Ляминъ.

Въ это время въ тѣни у дома вспыхнулъ огонекъ, и раздался выстрѣлъ. Его подхватило ущелье, перебросило въ лѣсъ и побѣжало ахая эхо. Еще и еще замигали вспышки выстрѣловъ и безпорядочно загремѣли винтовки.

Одинъ изъ бѣжавшихъ упалъ. Стрѣльба на мгновенье прекратилась. Упавшій бросился дальше. Внизу у дома щелкали затворы винтовокъ и голосъ ротнаго заглушенный распоряжался.

— Первый и второй взводъ по направленію ущелья, третій къ каменоломнѣ... четвертый... Отъ середины по линіи въ цѣпь!

Протискиваясь черезъ кусты, хлеставшіе бѣгущаго сзади Вдовина, подбѣжалъ къ Мануилову и Лямину вахмистръ.

— Гнать будутъ на ущелье... гони къ рѣчкѣ! — и бросился въ сторонѣ.

Мануиловъ нагоняя спросилъ.

— А бродъ развѣ знаешь?

Чубъ не отвѣтилъ, выскочивъ впередъ, прижавъ къ туловищу винтовку:

— За мной... да не гудѣть!

Перепрыгивая черезъ поваленные стволы, вахмистръ чутьемъ угадывалъ дорогу.

Вдовинъ бѣжалъ послѣднимъ, ему мѣшала рука, лѣвой же трудно было отбивать хлеставшія по лицу вѣтки.

Бѣглецы выскочили на поляну и побѣжали внизъ къ лѣсу.

— За мной направо... позвалъ Чубъ, останавливаясь, чтобъ

отдышаться. Темный глухой лѣсъ, почти безъ поросли, стоялъ, какъ пустой храмъ.

Скользили ноги на сопрѣвшей листвѣ, и падали люди.

Ночь нѣмотствовала, и только на дачѣ, далеко уже, было слышно какъ тявкалъ разбуженный погоней песъ.

Да въ даляхъ, въ алмазно-холодной вышинѣ, какъ серебряный платъ Св. Покрова, свѣтилась „Липардова гора“.

Къ ней велъ бѣглецовъ спокойно и увѣренно вахмистръ Чубъ.

— Большой путь держимъ, Анатолій Митричъ! Большой! — со счастливой тревогой въ голосѣ зашепталъ Ляминъ.

Внезапно изъ-за ствола въ темнотѣ блеснулъ свѣтъ.

Мануиловъ бросился въ сторону.

Но это была ночная свѣтящаяся бабочка.

— Господи! шепнулъ Мануиловъ, я-то перепугался...

— Укроемся... злорадно выругался Ѳеодосій.

И съ ненавистью ткнулъ рукой въ пустую темь, грозя огромнымъ кулакомъ невидимымъ уже послѣдчикамъ.

Николай Еленевъ.

ПОЭЗІЯ ИЩУЩИХЪ И ЧУТКИХЪ.

(Александръ Блокъ).

Есть поэты, которые приходятъ не къ тому или иному „поколѣнію“, но къ людямъ своего вѣка вообще. Это тѣ, что не остались стоять на межѣ двухъ эпохъ, на тающей льдинѣ двухъ теченій, но перешагнули безразсудно и смѣло туда, на тотъ неизвѣданный берегъ, гдѣ блеснули блуждающіе огоньки новой жизни. И таковъ былъ Блокъ. Его приняли и поняли всѣ, кому нужны вѣщія слова о новомъ, еще не звучавшемъ, еще не манившемъ мечтой о землѣ обѣтованной вселенскаго счастья. Этимъ людямъ, измученнымъ нечеловѣческой борьбой съ соблазнами стараго міра, Блокъ принесъ пальмовую вѣтвь любви и надежды — вѣтвь съ обѣтованной земли морякамъ тонущаго корабля:

Въ бѣломъ вѣнчикѣ изъ розъ
Впереди Іисусъ Христосъ.

И поэтическимъ и вѣщимъ духомъ своимъ Блокъ остался съ тѣми, кто „впереди“ видитъ не царство разрушенія и зла, но конечное торжество правды и любви. Его поэзія—символъ этого грядущаго торжества, символъ, выраженный не столько „словами“, взятыми изъ сокровищницъ стараго міра, сколько намеками, предвосхищеніями, музыкой звуковъ. Кто внемлетъ имъ чутко и трепетно, вникая въ ихъ тайный смыслъ, съ тѣмъ Блокъ неразлученъ, тому онъ — братъ и другъ и союзникъ въ преодолѣніи трудностей духовной пустыни.

„Вкушая, вкусихъ мало меда, — и се азъ умираю“ ... Блокъ увидѣлъ только „зарю“ новаго міра, и въ честь этой зари сложилъ свои пѣсни. Не солнцу, какъ Бальмонтъ, которое равно золотитъ и новое и старое, и равно смѣется и одному и другому. Онъ узрѣлъ „далекіе міры“, въ то время какъ „кругомъ о златѣ и о хлѣбѣ народы шумные кричатъ“. И онъ разорвалъ цѣпи, что связывали его съ міромъ жестокихъ и сытыхъ, но не могъ залечить рубцовъ и ранъ, оставленныхъ цѣпями на сердцѣ и мысли — оттого въ его поэзіи, рядомъ съ гимнами зарѣ, такъ много страданія и печали, оттого вся она — мозаика въ узорахъ, гдѣ новое выбивается изъподъ стараго, гдѣ пурпуръ крови бросаетъ холодный, злой отблескъ на бѣлоснѣжные благоуханные цвѣты.

Сверхъ-утонченная, искрящаяся душа Блока свѣтится болѣе мыслью, чѣмъ чувствомъ, даже чѣмъ красотой. Кажется, будто красота не цѣль для его артистической натуры, но средство, печально-неизбѣжное средство зажигать огонь мысли надъ мятущимися сердцами людей. И хочется отдѣлить душу поэта отъ пѣсни. Душа полна до краевъ нѣжнымъ страдающимъ чувствомъ, но пѣсня — строга и сурова. Душа — свѣтла, но пѣсня — не свѣтла и не прозрачна. Въ ней — темное серебро мысли, словно рѣка подъ нависшею тучей. Гулко ударяетъ волна о песокъ, сухо и перебивчато стонетъ прибрежный тростникъ. Кто-то вблизи, кого нѣтъ. Кто-то вдали, кого чуетъ сердце. Земля — мертва и недвижна, а небо открыто и жадно ловитъ каждый шорохъ души, каждый намекъ на молитву.

Блокъ пришелъ не затѣмъ, чтобы „видѣть солнце", но чтобы читать узоры тѣней, солнцемъ рожденныхъ, и по нимъ слагать свои пѣсни „Прекрасной Дамѣ". Въ его поэзіи — сумерки, серебристыя нити еще молодой, еще робкой, еще трезвой луны. Его печаль — борьба робкихъ первыхъ лучей съ отяжелѣвшей, неизбывною ночью. Онъ любитъ послѣднія звѣзды, но его мечта и боль и страданіе — тоска по солнцу, не безстрастному, вѣчному солнцу, но Солнцу мира и правды на землѣ, тоска по свѣтозарному, манящему блеску и счастью лучшаго з а в т р а ш н я г о дня.

Зарей этого дня и свѣтится поэзія Блока.

Расцвѣтаетъ красное пламя.
Неожиданно сны сбылись.
Ты идешь. Надъ храмомъ, надъ нами —
Беззакатная глубь и высь.

Цвѣты и краски стараго міра потускнѣли и поблекли для Блока. Послѣднія звѣзды — далекія, прекрасныя звѣзды, и онѣ исчезнутъ въ багрянцѣ зари. Но и та багровая полоса, что протянулась по русскому небу, — только обманъ, даже не миражъ завтрашняго дня. Вначалѣ ее легко было принять за истинную зарю — и поэтъ испыталъ глубокое волненіе и смятеніе духа:

Во снѣ и въ яви неразличимы
Заря и зарево — тишь и страхъ...
Мои безумья — мои херувимы...
Мой Страшный, мой Близкій — черный монахъ...

Смятеніе длилось долго — и отразилось въ длинномъ рядѣ пѣсенъ. Но прозрѣніе наступило — по счастью не поздно; въ душѣ и мысли стало ясно, и на уста запросились чеканныя слова, отрицающія именемъ Христа насиліе и кровь. Да, пѣсня стараго міра спѣта. Жалѣть нечего: долой, въ бездну небытія, насиліе, кровь, вражду, черствый эгоизмъ „господства“ и темныя страданія „рабства“. И если въ 1905 г. Блокъ могъ бросить въ лицо „сытымъ“:

Такъ — негодуетъ все, что сыто,
Тоскуетъ сытость важныхъ чревъ:
Вѣдь опрокинуто корыто,
Встревоженъ ихъ прогнившій хлѣвъ!

— то теперь, когда „сытыхъ“ вообще не осталось на Руси — ни на верхахъ, какъ прежде, ни въ народѣ, онъ могъ бы повторить слова, сказанныя имъ въ день 17 октября того же 1905 года:

И если ликъ свободы явленъ,
То прежде явленъ ликъ змѣи,
И ни одинъ суставъ не сдавленъ
Сверкнувшихъ колецъ чешуи.

Багровая полоса надъ Русью оказалась не зарей свободы, а заревомъ горящихъ деревень. А заря... заря поблѣднѣла за нею. Она продолжала горѣть, какъ и прежде, далеко, высоко, неугасимо. О грядущемъ днѣ осталось мечтать, вѣрить, испытывать душу ожиданіемъ, грозой и надеждой. Но зарево упадетъ, чадъ и дымъ расплывутся въ безкрайномъ небѣ, а заря разгорится, подлинная заря, не обманъ, не миражъ, — и откроетъ собой день заждавшейся свободы надъ страдальческой русской землей. То будетъ день великаго торжества человѣчности и любви.

Новыя поколѣнія забудутъ смятеніе и пожары, и дымъ и чадъ. Но вспомнятъ о Блокѣ и скажутъ: то былъ поэтъ—прозорливецъ; его мечта не темною тѣнью, но свѣтлымъ лучомъ скользнула по землѣ.

Но когда я думаю о Блокѣ - политикѣ, разящемъ „сытыхъ“ или „пріемлющемъ“ или „непріемлющемъ“ кровавую пляску смерти, какъ дѣло утвержденія жизни въ духѣ свободы, равенства и братства, онъ чуждъ и холоденъ моей душѣ. Даже его „Скифы“, съ ихъ стройными аккордами прекрасныхъ и грозныхъ строфъ, звучатъ для меня, на фонѣ его общей поэзіи, холодной и — увы! —

безплодной реторикой. Европа „сытыхъ“ не услышитъ поэта, Европа „голодныхъ“ не страшится „голодныхъ“ Востока. Блокъ надѣленъ былъ слишкомъ артистической натурой, чтобы подчинить свою музу мотивамъ политической борьбы и общественныхъ будней.

На площадяхъ столицы душной
Слѣпые люди говорятъ:
— Что надъ землею? Шаръ воздушный.
— Что подъ луной? Аэростатъ.

Блокъ не съ ними. Онъ искалъ гордыхъ и нѣжныхъ, любящихъ и чуткихъ, простирающихъ духовныя очи къ вѣчному и прекрасному. Для нихъ онъ творилъ свои дивныя пѣсни, и, кажется, даже не творилъ произвольно, а слушалъ, затаивъ дыханіе, нездѣшнюю музыку и перелагалъ на слова. Оттого и кажется иногда, что въ стихахъ его любовь — не его, но кѣмъ-то инымъ, Незримымъ, напѣтая любовь, что и радость его — не его радость, а отблески божественной улыбки Той, Которой, кромѣ поэта, не видѣлъ никто. Даже „быль“ счастья, любви, поющая вѣчную сказку весны и юности, искала излиться не въ свободномъ, радостномъ кликѣ, но въ своихъ отраженіяхъ:

Мнѣ цвѣты и пчелы влюбленныя
Разсказали не сказку — быль,

Душа поэта свѣтится и звучитъ изъ другого, недоступнаго намъ, прекраснаго, обаятельно-женственнаго міра. Тамъ, не умирая, цвѣтутъ бѣлые цвѣты и чаруетъ небесная музыка. А до земли непосредственно доходитъ только печаль — печаль о страдающихъ въ мірѣ, печаль о невидящихъ Бога, печаль о неслышащихъ вѣщаго, печаль о безплодно живущихъ и безвременно гибнущихъ...

Да, безвременно гибнущихъ... какъ самъ Блокъ, много сказавшій, но далеко не весь сказавшійся въ своихъ пѣсняхъ.

Ев. Ляцкій.

КНИГИ ИЗЪ РОССІИ.

Мы слишкомъ привыкли за годы изгнаній и скитальчества дѣлить всю литературу на два лагеря, принимая за критерій бѣло- и красногвардейство: но вѣдь это не такъ на самомъ дѣлѣ. Ясно и просто въ одинъ счастливый день мы увидимъ, что чувства, лишенныя окраски дня политическаго, распространяются не направо и налѣво, но — какъ воркующіе голуби — возносятся къ зениту, сверкая чистѣйшей бѣлизною крыльевъ, а мы всѣ, кто стоитъ на землѣ (направо и налѣво), только созерцатели этого вознесенія.

Въ литературѣ ярче всего выступаютъ цѣнности не сегодняшнія, внѣвременныя. Забудутся и Демьянъ Бѣдный, и Василій Князевъ, и Андрей Аллинъ, посколько они писатели становъ, но каплями меда падаютъ въ Грааль вѣчности строки новыхъ рыцарей гонимаго эстетизма.

Жгутъ библіотеки, разоряютъ церкви, распродаютъ музеи, а они, словно тихіе, дерзающіе къ тишинѣ иноки за рѣшеткой четкаго индивидуализма, поэты и критики, долготерпѣливой вязью, впроголодь и утративъ право на свою жизнь, заносятъ итоги изслѣдованій и воспоминаній въ книги. Сожжены усадьбы, являвшіяся сами по себѣ академіями воспоминаній, но трудолюбиво записаны воспоминанія о композиторѣ Бородинѣ (М. М. Курбановъ „Бирючъ“, II сборникъ статей петроград. государ, академическихъ театровъ), опубликована автобіографія Верстовскаго (Б. Л. Модзалевскимъ, ibid), кратко и точно подведенъ итогъ балету въ Россіи (Д. Л. ibid),

Въ мирное время русскій поэтъ-модернистъ впервые научно посмотрѣлъ на поэтическое ремесло: этого потребовало время и развитіе формальной поэтики. Поэтому изслѣдованія (1900—1912 г.г.) символистовъ въ массѣ, ограничились только учетомъ техническихъ и тематическихъ достиженій во имя будущаго. Въ эпоху Европейской войны впервые вышелъ робкій „Сборникъ по теоріи поэтическаго языка“, а за годы голода онъ достигъ если не совершенства, то крупной научно-исторической цѣнности. Если „Развертываніе сюжета“ В. Шкловскаго (изд. Опояз. 1921. Пбя.) только очеркъ по разработкѣ видовъ сюжетовъ, только указаніе пути къ болѣе полнымъ изслѣдованіямъ, то вполнѣ детальной разработкой является

„Композиція лирическихъ стихотвореній“ В. Жирмундскаго (изд. Опояз, 1921, Пб.). Узкая область поэзіи, лирика, въ изслѣдованіи еще больше сужена областью только композиціи, но зато матеріалъ и детали даны въ широкомъ и полномъ объемѣ. Авторъ имѣетъ въ виду не только русскую лирику, но міровую, внѣ временъ и направленій. Изложеніе научно и обосновано.

Та же склонность къ безстрастному интеллектуализму проявляется все ярче въ чистой ноэзіи. Еще недавно увлекалъ Маяковскій, какъ поэтъ волевого чувства, неосознаннаго, которое не укладывается, якобы въ узкія (?) формальныя рамки, а Есенинъ дарилъ насъ поистинѣ образцами такой, внѣ правилъ, „самобытно“ нарождающейся поэзіи.

И вотъ, послѣ нѣсколькихъ лѣтъ волевыхъ напряженій, уже явно наступаетъ реакція: опять возрождается интеллектъ, и тому который недавно провозглашалъ (Лирень. 1920):

Свѣтить — и никакихъ гвоздей,
Вотъ лозунгъ мой и Солнца; —

Маяковскому — посвящаются строки Л. Бермана:

Ты хочешь быть бурей и громомъ,
Ты любишь игральныя кости,
Но циркулемъ и метрономомъ
Измѣрятъ тебя на погостѣ.

Въ этой же книгѣ въ изд. „Эратъ“ („Новая Троя“ Пб. 1921), которое такъ напоминаетъ „Гиперборей“, авторъ самъ удивляется:

. . . на жертву, увы, обреченный,
Какъ спокойно я мыслить могу.

Поэты опять поняли, что вопросъ не въ исключительной власти волевого импульса, или подсознательнаго чувства, и не въ преобладаніи интеллекта, а въ ихъ гармоническомъ сочетаніи. Вѣдь это такая старая истина! Между тѣмъ за послѣдніе 30 лѣтъ мы метались изъ стороны въ сторону, отъ экзотики „лазоревыхъ логариѳмовъ“ И. Игнатьева, которую „нельзя воспроизвести, вслѣдствіе несовершенства печатнаго станка“, до „односложной простоты“ Василиска Гнѣдова:

— Шишъ. —

Мы свергали геніевъ „съ парохода современности“, мы манифестировали (вѣрнѣе профанировали) „урбанизмъ“ и въ то же время городъ намъ казался дикимъ, непонятнымъ нагроможденіемъ, гдѣ мостовая, какъ „обнаженный мозгъ“, гдѣ этажи вѣчно кувыркаются, а внизу „подъ лифтомъ поетъ чортикъ“. При другомъ отношеніи къ творчеству, улицами города взлелѣяннаго урбаниста не смущала бы вся эта нелѣпица, какъ не пугали Кольцова шумящія моря нивъ и Пушкина — тишина украинской ночи.

Правъ Берманъ, говоря, что поэты, кто бы они ни были по (формальнымъ) лозунгамъ, такъ „страшно связаны судьбой“:

Въ груди, пожаромъ раскаленный
Все т о т ъ ж е уголь роковой!

Развѣ это не возстановленіе въ правахъ „сверженныхъ съ парохода современности“, не указаніе на тотъ же все „угль пылающій огнемъ“, водвинутый въ отверстую грудь Поэта, который даже „въ смѣшныхъ и зловонныхъ отребьяхъ“ — есть „облеченный судейскою цѣпью и карательной властью судья“, а не „они“, временщики. Мистиченъ у Бермана „Плачъ Іереміи“, гдѣ снова вмѣсто крикливыхъ лозунговъ спокойная историчность:

Мой храмъ ты обратилъ въ пустыню...
И тростью желѣзной погналъ проводникъ
Царя и вельможъ, какъ ланей...
Но тяжко ложится Господня рука.

И потому такъ рѣшительно звучатъ слова Рабсаковы изъ „Сеннахерима“

Къ тому-ль заперлись вы, чтобъ пить мочу
И собственный ѣсть пометъ,
Не вамъ, но народу сказать хочу
Арпадъ и Емафъ покорились мечу —
И васъ этотъ мечъ возьметъ.

Новая книжечка Маріенгофа названа „Разочарованіе“, но гораздо вѣрнѣе озаглавить ее такъ, какъ сдѣлано это на обложкѣ „Разочарованіе Маріенгофа“ (изд. „Имажинисты“, 1922). Послѣ испытанія на „волевой“ не управляемой разсудочностью поэзіи,

Маріенгофъ возвращается къ рѣзко интеллектуальному чувству, къ индивидуализму. Ему кажется уже, что о дняхъ недавнихъ

. . . любострастно внуки скажутъ:
Въ то время лиры пѣли,
Какъ гроза,—

А теперь, усталый, сидя съ друзьями („Вадимъ, Сергѣй"), онъ чувствуетъ, какъ

Раннее
Разочарованіе
Хрустальнымъ бокаломъ зрачка
О зрачекъ
Чокается.

А еще такъ недавно онъ увѣрялъ, что —

. . . Мы не перестирываемъ стиранныя милліонъ разъ тряпки.
Кто на землѣ насъ теперь звонче!
Мы! мы всюду
У самой рампы на аванъ-сценѣ!
Но — развѣ угадаешь? Дни, какъ песокъ.
(Такъ, кажется, говорилъ Заратустра).

Нѣтъ уже ни пьяной Россіи, ни скифовъ, но дѣйствительно „стали мірами крохотныхъ душъ мірики", все закрыто — я, все проходитъ, все невѣрно, „улицы" уже нѣтъ, поэтъ будетъ отнынѣ —

Лишь въ хриплый голосъ
Острого пера влюбляться
И тусклые глаза чернильницъ
Цѣловать.

Въ этой книжечкѣ нѣтъ пустыхъ, ненужныхъ словъ, въ ней точно и образно разсказано разочарованіе внутренне аллитерованными стихами. Эти звуки принесла въ „ холодную страну съ холоднымъ сѣвернымъ небомъ" (эта-ли Россія видѣлась ему недавно?) „узкая нерусская рука".

Особо и неожиданно стоитъ, странная теперь, книжечка Ѳ. Сологуба „Соборный благовѣстъ" (изд. Эпоха, Пб. 1922).

Подъ остріями
Вражескихъ пикъ
Свѣтикъ убитый,
Свѣтикъ убитый поникъ!

Когда въ 1905 году мы читали эти строки, намъ казалось, что поэтъ такъ умѣло сочеталъ ритмъ и образъ своей „простой пѣсенки", такъ жаловалось сердце о погибшемъ „свѣтикѣ". Но одинокой осталась „пѣсенка" въ сборникѣ, ее можно читать безъ даты.

Если политика въ поэзіи — внѣ воли творящаго, если она не публицистика, то ее можно разсматривать, какъ элементъ чисто формальный. Иное дѣло, если на 56 стр. поэтъ даетъ свою политико-поэтическую автобіографію. Трудно сказать, что преслѣдовалъ мудрый Сологубъ ибо съ первыхъ же страницъ его книжечка кажется истерическимъ смѣхомъ надъ эволюціей (или просто измѣненіемъ) идеала.

Стихи за стихами онъ точно датируетъ, словно хочетъ подчеркнуть, съ какимъ конкретнымъ роемъ ассоціацій мы должны ихъ воспринимать и какъ преходящи, какъ несовершенны наши жаданія и ихъ осуществленія.

Если въ 1904 году стихи нужно было писать съ осторожностью, не упоминая чиновъ и званій, то 18 лѣтъ спустя, оказывается, и печатать ихъ нужно осторожно, ибо безъ датъ они явились бы радіосатирикономъ настоящаго, хотя бы задачей автора и было только посмѣяніе своей, личной, мечты:

Великій праздникъ не далекъ.
Онъ купленъ кровью нашихъ братій,
Слезами матерей омытъ...

О какомъ праздникѣ идетъ рѣчь? Впрочемъ, оправданіемъ передъ чекистами служитъ дата: 28 ноября 1904 г. И такъ повсюду, на каждой страницѣ.

Солнце свѣтлое восходитъ,
Озаряя мглистый долъ,
Гдѣ еще безумство бродитъ
И ликуетъ произволъ!

Но гдѣ? Но когда? Оправданіе: 3-е декабря 1904 г.

Оставьте же правители
Губители, душители
Страны моей родной.

Оправданіе: 11 ноября 1905 г.

Въ цѣломъ рядѣ стиховъ звучитъ жажда, стихійно-неизбѣжная жажда мщенія „за безмѣрность мученья и позорно-мучительный гнетъ". Если это было и есть (нѣтъ, нѣтъ, дата 1905 г.), то какъ прекрасны наши дни въ Россіи!

Случайно описывая „храмъ похмелья и разврата пьяной сволочи всѣхъ націй и грабителей всѣхъ странъ" (воспринимайте съ датой: 1905 г.), Сологубъ пророчествовалъ словомъ Крылова о дняхъ отмщенья:

Но придутъ иные музыканты
И пойдетъ ужъ музыка не та!

О, вѣщій пророкъ! Угадалъ! Дѣйствительно, музыка иная: безъ „такта", но съ обиліемъ „нотъ".

„Блаженное пламя возстанья",
Славьте други, славьте братья,
Разрушенья вольный пиръ!

Это все было хорошо до 35 стр. (1918 г.), а съ этого мѣста начинаются контръ-дерзанья:

Разрушать гнѣзда не надо,
Разгонять не надо стадо,
Бить, рубить, топтать и жечь:
Это злое, вражье дѣло.

До 35 стр.: „въ единеніи — строенье", „благостные кооперативы", „раздѣленіе лукаво", а съ 1918 г. оказывается, что „каждый самъ себѣ хорошъ!"

Развѣ же забылъ Сологубъ, что

Назадъ зовущимъ дѣти Лота
Напомнятъ горькой соли столпъ?

Или соль уже не горька? Какая пуганица взглядовъ! То поэтъ спѣшитъ „къ селянамъ“, кричитъ „товарищи, я — вашъ!“, то мечтаетъ, по прибытіи къ „селянамъ“, что „въ землю кровь впитается, догоритъ огонь, колесницу вывезетъ въ небо свѣтлый конь“.

Снова пророчество. Впрочемъ, конечно, когда нибудь вывезетъ, только дата здѣсь уже является даже опасной. Неужели такими словами (а иначе и не мыслю) думаетъ о своей книгѣ поэтъ Маиръ и Ойле? Или это руководство къ осторожности при утвержденіи воззрѣній?

Такой же циклъ датъ мы находимъ въ книгѣ Георгія Чулкова (Стихотворенія, изд. Задруга, М. 1922). Отъ символовъ и синтезовъ, въ которыхъ была заключена для него дѣйствительность, до нашихъ кинематографическихъ дней, онъ нисходитъ на конкретную землю —

Когда земныя дѣти рады
Устроить на кладбищѣ пиръ.

Онъ снизошелъ изъ „голубизны Господнихъ лучей“, онъ привыкъ не замѣчать часовъ и дней и потому, даже при яркой датѣ: 10 іюля 1920 г. — жизнь для него „все тоскливѣй и нелѣпѣй, не холодна, ни горяча“, вѣдь онъ знаетъ, что поэта отчизна „у береговъ Летейскихъ водъ“. И въ то время, какъ поэты-волюнтаристы мечутся, не успѣвая осознать дождя времени, гдѣ уже мало терцій, но нужны миги, — Чулкову кажется, что онъ попалъ

На темный пиръ безъ вдохновенья
Разочарованныхъ людей.

Онъ остался вѣренъ себѣ. Тонкій и спокойный мыслитель, онъ помнитъ, что

Вѣдь міру мы сказали нѣтъ,
Мы буйства темнаго предтечи...
Вѣдь вмѣстѣ мы сжигали домъ
Гдѣ жили предки наши чинно,

и потому „мы осуждены свою вину нести передъ Богомъ“. Дерзаніе не есть неистовство, но „соблазненные“ не поймутъ, что „дерзать это“ —

Значитъ просто простымъ человѣкомъ
Въ тихомъ домикѣ жизнь коротать.

Во второй половинѣ книги Чулковъ снова восходитъ къ холоднымъ, съ большой буквы, символамъ, „поднимаемъ стаканы, живые сны благословляя!“ Это синтезированіе нашей эры воплощается въ двухъ строкахъ:

Многообразная Россія
И нашъ загадочный народъ.

Поэма „Леди Гамильтонъ“ интересна, но не даетъ ничего ни новаго, ни яркаго.

Рѣзкой противоположностью является небольшаа живая книжка Ник. Оцупа „Градъ“ (изд. „Цехъ поэтовъ“ Птд. 1922). Если Чулкову кажется ненужнымъ воплощать, минута за минутой „слѣпые и нищіе дни“, то градомъ радости и грусти эти дни разлагаются и детализируются у Оцупа.

Трижды прекрасна жизнь въ жестокой правдѣ своей!

Ему ли, человѣку дня, воспринимающему и принимающему жизнь въ каждой мелочи, чувствующему себя „крошкой хлѣба“ на ея столѣ, удовлетворяться „лунной любовью“?

Елена, дѣвственной кровью
Утоли мое тѣло жадное!

Самый инвентарь Оцупа реалистиченъ, точенъ и до мелочей четокъ, это не „Жизнь“ символистовъ, но „жизнь“ въ каждомъ днѣ и буднѣ ея. Его уже не давятъ трамваи и бѣснующіяся улицы, онъ наслаждается тѣмъ, что другимъ кажется мелочнымъ.

Для поэта, Бога и Неба
Одинаковы и безсмертны
Зданья и снѣжные кряжи,
Улицы и легкія рѣки,
Листопадъ, отмѣна билетовъ,
Нафталиновый слѣдъ и пороша.

Ему, поэту „сомнительнаго поколѣнья“, понятна гордо вздыхающая машина:

Да, мы лучше горъ сотворенныхъ
Косолапымъ отцомъ Вселенной.

Но у Оцупа нѣтъ и отрицанія этой вселенной, напротивъ, его

элегическое настроеніе о жизни преходящей, утишается „подъ солнцемъ проливнымъ и легкимъ небосклономъ“. Его нельзя назвать натуралистомъ современности, онъ слишкомъ своеобразенъ въ воспріятіи жизни со всѣми ея мелочами и неожиданностями, которыя символисту кажутся игрушками и которыя онъ оставилъ бы невоспринятыми порознь, но онъ, Оцупъ, и не отдается всецѣло конкретностямъ, какъ этого жаждали поэты подсознательнаго чувства. Поэтому автору возможно „три дня ничего не помнить“ —

О городѣ и объ эпохѣ нашей,

ему возможно оторваться отъ дѣйствительности и сказать, что

Море памяти мнѣ отворитъ
Настоящее счастье жизни,

слушать „исторіи шумный летъ“, слѣдя громыхающую телѣгу. Онъ бросилъ „варево изъ любовей и соловьевъ“, но его языкъ не годенъ для корчащейся отъ невыразимаго улицы, онъ — интеллигентъ сегодняшняго дня. Такъ разно дѣйствуетъ жизнь на индивидуальность.

Стихи, стихи, стихи...

„Книгъ беллетристическихъ сейчасъ не выходитъ; дорогъ наборъ“. И дальше: „Бумагу обѣщали дать, ищемъ денегъ. Кто дастъ въ долгъ двѣнадцати молодымъ и очень талантливымъ литераторамъ на напечатаніе книги? Отвѣтъ прошу направить въ Домъ Искусствъ, Мойка, 59 (нужны 7.000.000, можно частями)“. (Вик. Шкловскій „Книжный Уголъ“ № 7).

Въ эпоху Пушкина даже швейцаръ Василья Львовича писалъ стихи. И мы не властны ихъ не слагать: таковъ періодъ, такъ склонился графикъ писательства. „Можетъ быть, дѣйствительно стихи ближе всего къ дѣтскому лепету? (см. „Кн. Уголъ“, Л. Якубинскій). Ребенокъ лепечетъ для лепета, для самаго звука; въ звукѣ какъ бы осмысливаетъ свое расцвѣтаніе. Мы еще не можемъ четко понять пестрыхъ бурь современности и, какъ дѣти, лепечемъ свои чувства, — какъ птицы, поющія пылящимся сережкамъ и серебряной изморози.

Я вамъ вѣрю, Левъ Якубинскій!

Евгеній Недзѣльскій.

„СОКОЛЪ“ — ПУТЬ КЪ ОБЪЕДИНЕНІЮ.

Наша жизнь, словно отдѣльные островки, живущіе каждый своей собственной жизнью, своими интересами.

Ничего общаго, ничего цѣльнаго и единаго. Вмѣсто объединенія, сплоченности, о которой грустимъ, тоскуемъ, какъ о несбыточной мечтѣ, столько розни и вражды. Атмосфера невыносимая, тяжелая.

Что дѣлать, какихъ словъ дѣйственныхъ искать, чтобы задѣть струны сердца и сознанія и рѣшительно сказать, что именно теперь, болѣе чѣмъ когда либо, намъ надо сплотиться, теперь, когда съ такой силой свирѣпствуетъ партійная рознь и небывалое враждебное отчужденіе?

Надо намъ прежде всего вспомнить, что мы одного племени, что мы всѣ дѣти одного народа и что на насъ лежитъ большая отвѣтственность за каждый шагъ, за каждый поступокъ, за каждую мысль.

Много обязанностей и много вопросовъ передъ нами. Изъ нихъ важнѣйшій — это исканіе новаго міра, міра нашего національнаго объединенія. Если эта важнѣйшая задача будетъ разрѣшена, то въ остальномъ, въ подробностяхъ, затрудненій не будетъ.

Тогда самая жизнь для насъ пріобрѣтетъ особый смыслъ, особую цѣнность.

Но гдѣ этотъ новый другой міръ, гдѣ нѣтъ лжи и лицемѣрія, гдѣ мы встрѣтимся искренними братьями, гдѣ любовь ко всему родному ставится выше политическихъ программъ и гдѣ нѣтъ и быть не можетъ партійной розни и ненависти?

Этотъ чудесный міръ есть, онъ существуетъ подъ именемъ „Сокола“. Исторически онъ доказалъ свою жизнеспособность, онъ доказалъ свой большой смыслъ и великое значеніе — въ служеніи націи, онъ оправдалъ свое имя — быть всегда на той высотѣ, гдѣ родятся отвага, мужество, непреклонность воли и гдѣ научаются понимать другъ друга.

Эта поистинѣ рыцарская организація, основанная въ самую тяжелую историческую эпоху въ жизни чешскаго народа, именно въ 1862 году, двумя горячими чешскими патріотами Тиршемъ и Фигнеромъ, постепенно превратилась въ могучее средство національнаго и нравственнаго воспитанія народа.

Въ настоящее время „Соколъ“, спаянный крѣпкими узами братства, представляетъ наиболѣе многочисленную и наиболѣе сильную духомъ организацію, ставящую интересы своего народа превыше всего. Есть ли подобная организація въ мірѣ?

Подъ знамя „Сокола“ стекаются люди самыхъ разнообразныхъ профессій, начиная отъ рабочаго и кончая ученымъ, люди самыхъ различныхъ политическихъ партій — всѣ во имя служенія идеаламъ славянства.

„Соколъ“ — въ дѣйствительности и является носителемъ славянскихъ идеаловъ. Его сердце всегда бьется горячей любовью къ славянскому міру. Всѣмъ намъ хорошо помнится то неравнодушіе къ русскимъ, которое особенно выразилось во время слетовъ, бывшихъ въ Прагѣ.

Въ этомъ году предполагается слетъ соколовъ въ Сербіи и, можетъ быть, ужъ близокъ тотъ день, когда сокола, и чешскіе, и сербскіе, и болгарскіе, и русскіе, полетятъ въ Россію. Надо готовиться къ этому.

Вотъ это тотъ самый міръ, о которомъ мечтаемъ и въ которомъ можетъ сплотиться и найти тѣ пути, о которыхъ такъ настойчиво заговорилъ въ своей статьѣ В. Ильинскій, въ первой книжкѣ „Младорусь“, тѣ пути, которые поведутъ къ своему „темному, но святому народу“.

Только въ этомъ мірѣ, подъ крыльями „Сокола“, мы узнаемъ всѣ наши обязанности по отношенію къ себѣ и по отношенію къ своему народу. Здѣсь постигнемъ нашу новую идеологію, идеологію, основанную на крѣпкомъ національномъ самосознаніи, здѣсь научимся понимать Россію и вѣрить въ нее.

Россіи, вѣдь, нужно возрожденіе національнаго духа, который всегда являлся основой жизни всякаго государства. „Соколъ“ воплощаетъ въ себѣ этотъ духъ, являясь какъ бы ядромъ національнаго и патріотическаго движенія.

Сейчасъ наше дѣло не въ словахъ и утвержденіяхъ, а въ объединеніи подъ знаменемъ „Русскаго Сокола“, начавшаго свое существованіе здѣсь, въ Прагѣ, съ начала прошлаго года.

Русскій Соколъ зоветъ къ себѣ всѣхъ, кто ищетъ братскаго единенія, кто стосковался по Россіи и кто хочетъ перейти отъ „спасительныхъ“ словъ и программъ къ дѣйствованію.

„Соколъ“ не только закалитъ тѣло, но и волю, укрѣпитъ вѣру въ себя, подниметъ духъ и создастъ рѣдкую въ жизни гармонію. „Соколъ“ въ то же время и символъ равенства и братства.

Надо всѣмъ сердцемъ, всею душой готовиться къ служенію народу. Надо преодолѣть всѣ препятствія, стоящія на пути къ этому, уничтожить нашу апатію и безразличіе и не итти врозь, а вмѣстѣ. Россія для насъ это все!

Ея спасеніе — въ возрожденіи національнаго духа.

Надо его поднять и подготовить прочный фундаментъ для будущей Россіи.

Передъ этой великой задачей все должно померкнуть, все должно исчезнуть: и распри, и споры, и политика.

Только „Соколъ“ вдохновитъ насъ и объединить на этомъ пути.

И. Костюченко.

Незамѣтными въ общей массѣ русскаго студенчества, въ эмиграціи живутъ своей особой интенсивной жизнью галицко-русскіе студенты. Назамѣтны они внѣшне потому, что въ сущности они уже давно влились въ русскую учащуюся семью и живутъ одной съ ней жизнью. Еще задолго до 1914 г. галицко-русская учащаяся молодежь, какъ среднихъ такъ и высшихъ учебныхъ заведеній, не взирая на гоненія со стороны австрійскихъ властей, поддерживала тѣсную связь съ учащейся молодежью Державной Руси, а съ момента, когда рухнулъ кордонъ, отдѣлявшій Галицкую Русь отъ остальныхъ русскихъ земель, галицко-русская учащаяся молодежь слилась воедино съ молодой семьей русскихъ учащихся и съ тѣхъ поръ дѣлитъ съ ней всѣ радости и невзгоды, выпавшія на ея долю отъ начала европейской войны до нашихъ дней.

Однако историческія условія предыдущей жизни Галицкой Руси сказались неизгладимо какъ на всемъ народѣ, такъ и на его учащейся молодежи, а кромѣ того, и современное положеніе этого края ставитъ передъ галицко-русской общественностью и ея молодыми представителями — учащейся молодежью — особыя цѣли. Это и есть причина того, что наша учащаяся молодежь, слившись внѣшне съ остальной массой русскаго эмигрантскаго студенчества, продолжаетъ жить еще своей специфической, особой жизнью, представляющей интересъ для всякаго посторонняго наблюдателя вообще, для русской же эмиграціи особенно. Не будетъ преувеличеніемъ, если сказать, что болѣе близкое ознакомленіе русской эмиграціи съ идеологіей галицко-русскаго общества принесетъ ей несомнѣнную пользу. Это заявленіе покажется на первый взглядъ парадоксальнымъ, но при внимательномъ разсмотрѣніи его сущности въ извѣстной исторической перспективѣ, оно становится цѣннымъ утвержденіемъ.

Здѣсь нужно отмѣтить то обстоятельство, что сильно порѣдѣвшіе за время войны ряды галицко-русскаго общества въ настоящее время пополняются главнымъ образомъ учащейся молодежью, которая и прежде играла немаловажную роль въ нашей общественной жизни; поэтому справедливо утвержденіе, что жизнь нашей учащейся молодежи есть въ миніатюрѣ подлинная жизнь нашего общества.

Итакъ, правильное ознакомленіе современнаго русскаго общества съ основами идеологіи галицко- русской нужно въ первую очередъ потому, что прежнее, дореволюціонное русское общество знало галичанъ весьма мало или имѣло на этотъ счетъ ложныя представленія, а революція внесла въ вопросѣ путаницу. Но раньше, чѣмъ приступить къ правильному освѣдомленію, не лишнее будетъ указать, въ какой степени неправильно или мало освѣдомлено русское общество и до сихъ поръ о томъ, что собственно представляетъ Галицкая Русь во всѣхъ отношеніяхъ:

Часто намъ, русскимъ галичанамъ, въ нашу бытность въ Россіи, приходилось наталкиваться въ кругахъ русской интеллигенціи на полную неосвѣдомленность поелѣдней о нашей родинѣ, Галицкой Руси. Правда, лучшіе представнтели русской общественной и національной мысли никогда не забывали о той русской окраинѣ откуда „пошла есть русская земля". Хомяковъ грустно вопрошаетъ собравшихся на поклонъ Кіеву богомольцевъ о сынахъ Галича, Гоголь говоритъ о богатырѣ, скачущемъ по вершинамъ Карпатъ, и такъ во многихъ произведеніяхъ русскихъ писателей разбросаны указанія на западную окраину русской земли. Но вѣдь дивная русская литература, упережая во многомъ развитіе русской дѣйствительности, указывала естественные пути развитія русской общественной мысли, даже тогда, когда она была поглощена западноевропейскими, порой чуждыми ей, вѣяніями. Таковы уже были условія русской дѣйствительности и русское общество въ общей массѣ проявляло весьма малый интересъ къ своимъ зарубежнымъ братьямъ по крови и знало ихъ весьма мало. Но если подобное явленіе казалось не особенно страннымъ въ Россіи даже въ 1914, 1915, 1916 г.г., то наблюдать его сегодня среди русской эмиграціи по меньшей мѣрѣ прискорбно.

Сплошь да рядомъ приходится встрѣчать русскихъ эмигрантовъ, а таковые почти поголовно принадлежатъ къ интеллигенціи, которые узнавъ, что вы изъ Галиціи, спрашиваютъ нѣсколько изумленно: „Значитъ, вы „украинецъ"?.. нѣтъ?.. полякъ? русскій? Какъ же, вы, значитъ, были въ Россіи? Ахъ, да, я вотъ, тоже попалъ съ Бредовской арміей въ Галицію, такъ тамъ эти, какъ ихъ— „русины" къ намъ хорошо относились; но, пожалуй, они къ большевикамъ больше расположены..."

Каждому русскому галичанину приходится часто встрѣчаться съ подобнаго рода собесѣдниками и на его разспросы приходится вести длинную бесѣду о томъ, что представляетъ наша родина въ этнографическомъ, культурномъ и общественно-политическомъ отношеніи. Отсюда очевидно, что широкіе круги современнаго русскаго общества и даже эмиграція, которая, казалось бы, пребывая въ Западной Европѣ должна познакомиться ближе по крайней мѣрѣ съ тѣмъ, что такъ непосредственно связано съ русскимъ народомъ, — имѣютъ далеко не твердое представленіе о томъ, кто населяетъ Восточную Галицію, т. е. Галицкую, или Червоную, Русь.

Мы, русскіе галичане, всегда, еще задолго до европейской войны, дѣлали все возможное для ознакомленія русскаго общества съ нашей основной идеологіей, съ нашими стремленіями и идеалами, но безъ широкаго содѣйствія съ его стороны, а даже при наличіи противодѣйствія, значительныхъ результатовъ въ этомъ направленіи достигнуто не было. Извѣстные круги русскаго общества даже въ то время, когда русской кровью орошались поля древнихъ княжескихъ русскихъ городовъ Галича, Львова, Перемышля — клеймили насъ, русскихъ галичанъ, „руссофилами“. Причины подобнаго рода отношенія къ зарубежнымъ братьямъ коренилась съ одной стороны въ незнаніи, а съ другой стороны такое отношеніе было показателемъ того, насколько враждебныя галицко-русскому племени теченія проникли въ русское общество. Особенно ярко обнаружились эти враждебныя намъ теченія въ первые мѣсяцы русской революціи. Тогда русское общество въ порывѣ революціоннаго великодушія давало щедро всѣмъ и вся разныя свободы и самоопредѣленія, но когда русскіе галичане заговорили о своемъ желаніи быть присоединенными къ Россіи, то тогдашнее русское общество отнеслось къ этому „самоопредѣленію“ чуть ли не опредѣленно враждебно. Въ этотъ же періодъ передъ русскимъ обществомъ сталъ во всей его широтѣ т. н. „украинскій“ вопросъ, или вѣрнѣе, вопросъ малорусскаго сепаратизма. Уже по одному тому, съ какой легкостью выносились тѣ или иныя принципіальныя рѣшенія по этому вопросу руководящими кругами или отдѣльными представителями русской общественности, можно заключить, что даже для тогдашнихъ вершителей судебъ русскаго народа область этого вопроса была въ значительной мѣрѣ terra incognita. Этого навѣрное

не было бы, если бы своевременно русская общественная мысль удѣлила достаточно вниманія жизни Галицкой Руси; слѣдя за ней она навѣрное отмѣтила бы генезисъ „украинскаго вопроса".

Но вслѣдъ за безоблачными и многообѣщавшими первыми днями русской „безкровной" революціи нагрянули поистинѣ революціонныя бури. Тутъ уже, конечно, и русскому обществу и всему русскому народу было не до зарубежныхъ и подъяремныхъ братьевъ. Но постепенно стихаютъ революціонныя бури, успокаивается разбушевавшееся море русской дѣйствительности и носившійся по этому морю корабль русской общественной мысли начинаетъ отыскивать свою путеводную звѣзду. И только теперь, послѣ тяжелыхъ революціонныхъ испытаній, эта звѣзда прояснилась — Родина. Ея не стало и ее нужно создать. Къ этой единственной цѣли должны быть направлены всѣ стремленія современнаго русскаго общества, гдѣ бы оно ни было, въ эмиграціи, или на родинѣ.

И вотъ въ настоящую минуту русское общество стоитъ наиболѣе близко къ общественной мысли своихъ зарубежныхъ братьевъ и больше чѣмъ когда либо пойметъ ее. Мы, оторванные вѣками отъ родного пня, жили только надеждами, на эту одну общую для насъ Родину, а жили мы только соками, которыхъ черпнули отъ родного пня. Вѣками подневольные, мы мечтали о возвращеніи на лоно свободной матери Родины — а вѣдь о такой свободной Родинѣ мечтаетъ теперь все русское общество. И только это обновленное въ горнилѣ тяжелыхъ испытаній молодое поколѣніе русскаго общества вполнѣ пойметъ насъ, зарубежныхъ, насъ, сыновъ Галицкой Руси. Этому обновленному обществу нужно теперь не поверхностное съ нами знакомство, а наоборотъ, оно должно основательно изучить жизнь своихъ младшихъ, или вѣрнѣе меньшихъ, братьевъ, чтобы у нихъ позаимствовать уже испытанные способы и пути къ этой общей теперь для всѣхъ насъ цѣли — къ свободной Родинѣ. Русская эмиграція имѣетъ теперь возможность присмотрѣться ближе къ условіямъ жизни западно-русскихъ племенъ и, учитывая строго эти условія, навѣрное правильно пойметъ причины вызвавшія среди этихъ племенъ теченія сепаратистскія и теченія, имъ противоположныя.

Со своей стороны мы, русскіе галичане, постараемся дать по мѣрѣ возможности на страницахъ „Младоруси" наиболѣе полное

и всестороннее освѣщеніе идеологіи нашего общества, познакомить эмигрантское русское общество съ нашей прошлой и современной культурной жизнью, съ нашими очередными задачами и вопросами, которые въ національной Россіи, будутъ несомнѣнно вопросами не мѣстнаго значенія, а обще-русскими вопросами.

Д. Яблонскій.

ПЕРЕЛОМЪ ВЪ НАСТРОЕНІЯХЪ.

Сторонніе наблюдатели жизни русскаго студенчества замѣчаютъ коренныя перемѣны во вкусахъ, характерѣ, традиціяхъ и взглядахъ русскаго студента въ Прагѣ и студента въ Россіи до войны. Я по себѣ сужу и чувствую, что это такъ.

Впрочемъ научныя и художественныя стремленія остались прежними. Наука для насъ та же башня, искусство — магнитъ. Но требованія вѣка и военныя потрясенія развили у большинства вкусъ къ техническимъ знаніямъ и ремесламъ, филологія мало кого прельщаетъ. Обширный культурно-просвѣтительный отдѣлъ Союза Русскихъ Студентовъ въ ČSR., съ множествомъ подъотдѣловъ по областямъ театральнаго искусства, музыки, пѣнія, поэзіи и т. д. говоритъ о значительномъ процентѣ участниковъ изъ среды студенческой массы.

Въ характерѣ и традиціяхъ русскихъ студентовъ замѣчено много „воинственности“. Если кто оглянется изъ стороннихъ наблюдателей настоящей жизни студенчества на пройденный имъ длительный, кровавый путь гражданской войны, на путь — „Натъ-Пинкертоновскихъ приключеній“ и ежедневной игры со смертью, то признаетъ, что пережитое не могло не отразиться на психологіи студента — участника борьбы. Только закаленные волей и сильные приспособляемостью вышли изъ Крыма съ его воднымъ тыломъ, изъ Африки, Галлиполи, Нарвы и Владивостока въ братскую страну.

Пребываніе отъ 3 до 8 лѣтъ въ составѣ войсковыхъ частей отразилось и на традиціяхъ. Не правы будутъ тѣ, которые скажутъ, что „армейщина и казарма“ вошли въ душу русскаго студента. Отрицательныя стороны военнаго быта русской интеллигенціи были извѣстны изъ ея родной литературы. Эта литературная освѣдомленность (по произведеніямъ Куприна, Гаршина и др.) очень волновала военныхъ русскихъ вождей въ 1915 — 1916 годахъ, во время мобилизаціи студентовъ.

Я помню, на насъ было обращено особое вниманіе и не разъ я замѣчалъ опасенія начальника школы, что студенты могутъ что нибудь выкинуть противное дисциплинѣ. Но страхи были неосновательны. Мы въ то время знали, что въ насъ нуждается Ро-

дина, предъ нашимъ взоромъ проходили вереницы безногихъ, отравленныхъ нѣмецкимъ газомъ нашихъ „безотвѣтныхъ сѣрыхъ мучениковъ“; мелочи военнаго быта нами не замѣчались и часто наблюдалось, что въ отдѣленіи съ большинствомъ изъ воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ „портупей-юнкеромъ“ былъ студентъ.

Насъ увлекали въ то время не герои Куприна, а святыя жертвы за родину „Севастопольской обороны“ и „Войны и мира“. И традиціи героевъ Л. Н. Толстого восприняты душой русскаго студента, мы ими живемъ и они не изгладятся.

Войны научили насъ любить цѣльныхъ людей и характеры. Предъ нашими глазами прошли: гибель за друга, за честь и безконечныя жертвы во имя Родины цѣлыхъ семей. На поляхъ сраженій мы оцѣнили значеніе товарищеской спайки и теперь умѣемъ разбираться въ истинныхъ друзьяхъ и бумажныхъ авторитетахъ.

Нынче принято во всѣхъ странахъ говорить, что „событія разыгрываются съ катастрофической быстротой“. Измѣню ли я фактамъ, если скажу, что за послѣдній, четырехлѣтній періодъ русскій студентъ пріобрѣлъ тысячелѣтній опытъ? То, что мнѣ не снилось въ моей родной Москвѣ, я испыталъ на дѣлѣ. Я знаю Россію уже не по географіи Иванова съ картинками: я былъ на берегахъ сѣверныхъ и южныхъ морей. И такъ почти каждый изъ насъ. Мы своими глазами видѣли необъятность Россіи, погулявъ по ея центру и окраинамъ, мы знаемъ гдѣ лежатъ русскія богатства и какія, не по сборникамъ Экономическихъ Обществъ и Брокгаузу-Эфрону. Въ теченіе многихъ лѣтъ мы служили не въ канцеляріяхъ и конторахъ, а въ частяхъ среди крестьянъ и рабочихъ. Мы, молодежь, слѣдили за тѣмъ, какъ преломлялась политика нашихъ вождей въ глазахъ народа.

Мы знаемъ почему насъ на площадяхъ городовъ на колѣняхъ и съ колокольнымъ звономъ встрѣчали на пути къ Москвѣ и знаемъ почему насъ свой же народъ „вытряхнулъ“ съ родной земли. Мы знаемъ, что „въ старые мѣхи не наливается новое вино“ и если изъ старыхъ да дырявыхъ въ будущемъ предложатъ нашему народу отвѣдать винца, онъ снова дастъ „атамана Махно“.

Сторонніе наблюдатели замѣчаютъ странности во взглядахъ и убѣжденіяхъ русскаго студенчества заграницей. Беру на себя смѣлость сказать, что учащаяся молодежь въ противовѣсъ дру-

гимъ частямъ русской эмиграціи дѣйствительно аполитична. Окраски идутъ по специфическимъ соображеніямъ отъ самихъ же сторонникъ наблюдателей. Для русской молодежи въ данное время нѣтъ партійныхъ авторитетовъ. Всѣ политическія партіи слѣва направо и справа налѣво рухнули въ нашихъ глазахъ, какъ искусственныя гнилыя сооруженія подъ напоромъ свѣжаго вѣтра.

Въ періодъ гражданской войны не наблюдали ли мы, молодежь, какъ дѣйствовали на многихъ командировъ открытые фланги? Замѣчалась и новая способность у нихъ — мѣнять кокарду на красный бантъ при перемѣнѣ вѣтра. Молодежь была честнѣе и прямодушнѣе. Но кого же больше погибло, какъ не мальчиковъ гимназистовъ и студентовъ?

При выборѣ руководителей своихъ общественныхъ организацій русскій студентъ теперь главнымъ образомъ считается не съ рѣчистостью, а съ дѣловитостью. Пространныя рѣчи съ подходами по типу семнадцатаго года выслушиваются съ отвращеніемъ и, можетъ быть это странно, но ораторскія способности русскимъ студентомъ теперь считаются за признакъ неработоспособности.

Отъ общихъ собраній достойной памяти старыхъ временъ осталось такое отвращеіне, что оно мѣшаетъ студентамъ посѣщать свои же необходимыя собранія.

Ломаніе стульевъ и хлопаніе въ грудь настоящаго студента нисколько не трогаютъ. Отъ оратора теперь требуется реальная польза предложеній, достовѣрность аргументовъ и готовность отвѣчать за нихъ. Длинные волосы уже не въ модѣ, какъ и не признакъ ума.

Вспоминаются мои первые дни въ Московскомъ Университетѣ. Три дня всего прошло съ начала лекцій. Полная аудиторія первокурсниковъ сидитъ и слушаетъ скучнѣйшую, монотонную лекцію по введенію въ языковѣдѣніе заслуженнаго профессора П.

Въ кулуарахъ факультета послышался шумъ, все усиливающійся. Чрезъ мгновеніе дверь распахнулась и влетѣлъ пожилой студентъ съ длинными по плечи волосами. „Бросайте лекцію, кричалъ онъ обращаясь къ намъ, нашего товарища фараонъ убилъ“. Сказалъ и скрылся. Нашъ профессоръ спокойно собралъ свои записки, положилъ во внутренній карманъ сюртука и сошелъ съ каѳедры. Я по молодости предполагалъ, что профессоръ возмутится и попроситъ длинноволосаго студента...

Но, очевидно, въ университетѣ это было въ порядкѣ вещей. Мы высыпали въ корридоры. Толпа бурлила, студенты что-то заразъ кричали и махали руками. Я поинтересовался происшедшимъ: почему убили, гдѣ убили?!

Спросить же, что значитъ слово „фараонъ“ мнѣ было стыдно могли посмѣяться надъ моей желторотостью. Подробностей никто не зналъ, кричали, что убили и что нужно поднимать всѣ факультеты на забастовку. Стали выходить наружу, чтобы направиться въ старое зданіе Университета къ медикамъ. По дорогѣ у бюста Ломоносова толпа остановилась и запѣла „Gaudeamus igitur“... Я не зналъ „Gaudeamus“, но мнѣ нравилось вертѣться въ бушующей толпѣ и быть настоящимъ студентомъ. Чтобы не замѣтили, я тоже раскрывалъ ротъ, показывалъ, что и я пою.

Подробности убійства выяснялись. Произошло все на Страстной площади. Началось въ трамваѣ. На площадкѣ вагона стоялъ пьяный солдатъ и сквернословилъ. Публика возмущалась. Кондукторъ остановилъ вагонъ и попросилъ пьянаго вонъ. Солдатъ не подчинился. Позвали городового. Городовой арестовалъ солдата и вытащилъ его изъ вагона. Очутившись такимъ образомъ на площади, арестованный съ силой оттолкнулъ городового и кинулся въ толпу. Въ защиту солдата выступилъ студентъ и попалъ подъ пулю городового, стрѣлявшаго по оказавшему сопротивленіе солдату. Студентомъ руководило то чувство боготворенія интеллигенціей „сѣрыхъ героевъ — защитниковъ Родины“, которое замѣчалось во всѣхъ городахъ Россіи въ 1914 и 1915 годахъ, а можетъ и еще что-нибудь.

Медиковъ сняли съ лекцій. Возбужденіе возростало. Съ медицинскаго двора снова вышли на Моховую улицу. То и дѣло вскакивали на тумбы тротуара новые ораторы. Голосовалась резолюція объ отношеніяхъ студенчества къ отвратительному убійству, рѣшили требовать амнистіи заключеннымъ и свободу городскимъ самоуправленіямъ.

Здѣсь моя желторотость снова сказалась и послѣднія слова я не могъ не только поставить въ связь къ убійству, но и разгадать буквально ихъ значеніе. Воспитанъ былъ я въ патріархальной семьѣ и политическія рѣчи товарищей были для меня новы и интересны, но ежеминутно ставили въ тупикъ. Передъ манежемъ вынесли ре-

золюцію пройтись демонстративно по улицамъ и сообщить свое рѣшеніе на Высшіе Женскіе курсы. Въ это время изъ зданія манежа показалась цѣпь вооруженныхъ городовыхъ съ околоточнымъ надзирателемъ... Это явленіе сразу охладило мой пылъ, — невольно сказалось патріархальное воспитаніе. Я моментально вскочилъ на подножку проходящаго трамвая и выбылъ съ мѣста событій. Проѣзжая уже по Охотному ряду и Театральной площади, я успокоился и горько бичевалъ себя за позорное бѣгство.

Прошло шесть съ половиной лѣтъ.

Я отчетливо вспоминаю свою первую студенческую забастовку и чувствую, что нисколько не возмущенъ случайнымъ убійствомъ. Почему?...

Да, измѣнился русскій студентъ. Но есть ли смыслъ спрашивать насъ: — „Мальчики, мальчики, почему вы не дѣвочки?“

С. Звѣревъ.

Чешская литературная критика только теперь открыла І. В. Голечка. До міровой войны Іосифъ Войтѣховичъ Голечекъ былъ для нея только публицистомъ, обозрѣвателемъ славянской жизни въ „Народныхъ Листахъ“ и предсѣдателемъ „Всеславянскаго Союза журналистовъ“, устраивавшимъ отъ поры до времени болѣе или менѣе удачные съѣзды представителей славянской повременной печати.

И только когда появились первыя части его крестьянской хроники „Наши“, чешскіе литературные Аристархи были поражены изобразительной силой его таланта. Его „Нашихъ“ одни начали приравнивать къ „Семейной хроникѣ“ С. Т. Аксакова, съ которой она имѣла мало общаго, или къ народническимъ хроникамъ Глѣба Успенскаго. Другіе усматривали въ нихъ отзвуки Марка Твэна съ его Томъ-Сойеромъ и Гекельберри-Финомъ. Только немногіе сразу поняли, что въ „Нашихъ“ чешская литература пріобрѣла классическое произведеніе, равное „Бабушкѣ“ Божены Нѣмцовой, „Бабушкѣ“, переведенной нынѣ, кажется, уже на всѣ культурные языки.

По мѣрѣ развертыванія удивительной по своей простотѣ картины „Нашихъ“ росло среди чеховъ обаяніе имени І. В. Голечка. Во время войны „Наши“ стали любимымъ чтеніемъ чешскаго общества. Въ нихъ, въ этихъ невзрачныхъ крестьянахъ самой бѣдной части Чехіи, родины Іоанна Гуса, въ ихъ закаленности и борьбѣ со всѣми превратностями жизни, въ ихъ ядреномъ славянскомъ характерѣ искали опоры въ дни надвинувшагося лихолѣтья.

Нынѣ, когда вышло уже восемь частей „Нашихъ“, благотворное значеніе ихъ въ соціальной педагогикѣ чешскаго народа общепризнано. Но маститый писатель не почилъ на лаврахъ, которые такъ долго не давались ему. Онъ, на склонѣ лѣтъ, въ патріаршемъ возрастѣ подарилъ родной литературѣ такую поэму, какая не замедлила привести чешскую литературную критику въ восхищенное изумленіе. „Чешскимъ гусляромъ“ величаетъ его М. Гашковецъ. Онъ утверждаетъ, что если бы въ будущихъ вѣкахъ зубъ времени истребилъ всѣ достоянія чешскихъ поэтовъ и остался бы только

одинъ „Соколовичъ“ — міръ воздалъ бы должное генію чешскаго народа, создавшаго такое произведеніе. Другіе критики требуютъ немедленнаго введенія „Соколовича“ въ предметы изученія средней школы и считаютъ его, наравнѣ съ извѣстнымъ „Лешетинскимъ кузнецомъ“ Святополка Чеха, самой удачной поэмой чешской литературы.

Въ чемъ же заключается подлинное значеніе „Соколовича?“ Несомнѣнно, что поэма эта является литературнымъ событіемъ не одной только чешской литературы, а всѣхъ современныхъ славянскихъ литературъ. Это нужно установить не только въ виду личности автора, въ виду объема ея (16.000 стиховъ), но въ виду и самаго сюжета ея. Это поэма „патріотическаго мазохизма“, самораспятія народа ради пробужденія высшаго сознанія и постиженія роли своей въ исторіи человѣчества. Не подлежитъ сомнѣнію, что сюжетъ этотъ навѣянъ съ одной стороны „Османомъ“ Гундучзича, съ другой — „Паномъ Тадеушемъ“ и „Конрадомъ Валленродомъ“ Мицкевича. І. В. Голечекъ въ юности своей переводилъ на родной языкъ сербскій народный эпосъ о Маркѣ Королевичѣ, этотъ вѣчно зеленый изумрудъ славянскихъ литературъ; онъ же перевелъ также и финскую „Калевалу“. Этимъ до того освоился какъ съ размѣромъ эпическихъ созданій, такъ и съ образностью ихъ, что „въ грозу и бурю“, на досугѣ отъ мѣшавшей ему въ жизни злободневной политики, съ упоеніемъ предался восторгамъ „славянскаго баяна“ и въ продолженіи пяти лѣтъ написалъ „Соколовича“.

Сюжетъ заимствованъ имъ изъ сербской исторіи. Его Марко-Зетянинъ это одинъ изъ тѣхъ черногорскихъ юнаковъ, благодаря которымъ и воскресла нынѣшняя Югославія. Это историческая личность, дѣйствительно добившаяся того, что сербскій языкъ сталъ придворнымъ языкомъ султана въ Константинополѣ, что вліянію его приписывали возможность ославяненія ислама. Марко— „потурченецъ“ усыновленъ султаномъ за свой независимый характеръ. Онъ сохраняетъ свой сербскій патріотизмъ и видитъ въ исламѣ карающую десницу Всевышняго для пробужденія заглохшихъ христіанскихъ чувствъ сербскаго народа и вящаго торжества его въ будущемъ. Изображены споры христіанъ съ мусульманами; исповѣдь Марка, напоминающая исповѣдь Яна Робака въ „Панѣ Тадеушѣ“, является настоящимъ перломъ этой поэмы.

„Mutatis mutandis“ эта поэма напоминаетъ намъ многое изъ современныхъ событій восточнаго славянства. И недаромъ существуетъ мнѣніе, что нынѣшнее бѣдствіе Россіи есть также доказательство „бича Божія“ — для вящаго возвеличенія русскаго народа.

Этой параллелью „Соколовичъ“ І. В. Голечка можетъ заинтересовать и современнаго русскаго читателя. Этотъ писатель, больше всего въ свое время поработавшій надъ укрѣпленіемъ русско-чешскихъ культурныхъ связей, авторъ славянофильскихъ, русско-чешскихъ капитолъ, запрещенныхъ австрійскими властями, сравнительно мало извѣстенъ русской читающей публикѣ; кромѣ одного перевода его „Поѣздки въ Россію“, сдѣланнаго Н. М. Соколовымъ для „Русскаго Вѣстника“, ничто другое І. В. Голечка еще не переведено на русскій языкъ. Нѣкоторыя части „Нашихъ“ настоятельно требуютъ этого уже давно. Теперь, послѣ появленія „Соколовича“ и его встрѣчи въ чешской литературѣ это можетъ быть достигнуто легче.

Въ судьбѣ І. В. Голечка есть нѣчто общее съ судьбою Достоевскаго и Мильтона. Онъ расцвѣлъ къ закату дней своихъ. Если кому либо изъ современныхъ славянскихъ писателей приличествуетъ названіе славянскаго баяна, то это именно ему. Въ этомъ названіи вмѣщается не одно только внутреннее содержаніе творчества, а и внѣшняя „ипостась“. Ею сама природа надѣлила маститаго поэта. Величественная осанка, проникновеніе житейской мудростью, олимпійское спокойствіе. Все это сосредоточено въ І. В. Голечкѣ и славянская пишущая братія, знающая его золотое славянское сердце не первое десятилѣтіе, можетъ съ гордостью воскликнуть: Многія лѣта Славянскому Баяну!

Д. В.

РУССКОЕ СЦЕНИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО ЗА РУБЕЖОМЪ.

Мытарства, униженія и скорбь вытравили въ нашихъ душахъ чувства, взлелѣянныя всѣмъ укладомъ русской—прежней - жизни. Все сѣро на сѣромъ фонѣ скитальчества, и красивыя слова о красотѣ и смыслѣ существованія кажутся ненужными и фальшивыми . . . Но въ темныхъ поискахъ свѣта мы находимъ поддерживающее насъ утѣшеніе: наше національное сценическое искусство за рубежомъ.

Искусство больше, чѣмъ что нибудь другое теперь, представляетъ русскую культуру, которой — кто знаетъ? — можетъ быть уготована великая миссія. Русское искусство бьетъ во всѣ серебряные колокола и таинственнозовущимъ звономъ будитъ сердца и влечетъ къ вѣчно-живому источнику правды.

Ни протесты политическихъ партій, ни вопли газетъ, отражающихъ настроеніе эмиграціи и чающихъ вызвать сочувствіе Европы къ мученичеству Русскаго Народа, ничто не вліяетъ сильнѣе на европейское общественное мнѣніе, чѣмъ тѣ воплощенія художественныхъ образовъ русскимъ артистомъ, которыя доказываютъ необыкновенную даровитость вспоившей его великой націи. Русское искусство, особенно въ области театра и музыки, получило всеобщее признаніе на Западѣ.

Краткій обзоръ русской сценической дѣятельности заграницей дастъ возможность судить о томъ, какое огромное значеніе пріобрѣтаетъ она и въ жизни другихъ народовъ. Парижъ — Лондонъ — Берлинъ — Нью-Іоркъ — Римъ — Бѣлградъ — вотъ главныя мѣста пышнаго цвѣтенія русскаго творчества, вотъ культурныя средоточія, гдѣ идетъ упорная работа Русскаго Театра, собирающаго и организующаго, не взирая ни на что, всѣхъ избранныхъ, горящихъ къ нему любовью и на чужбинѣ.

Изъ недавняго прошлаго пріятно отмѣтить шумный праздникъ русской оперы въ Испаніи. Имена Давыдовой (Музыкальная драма), Сабанѣевой (опера Зимина), Кайданова (Маріинская опера), Белино-Случевскаго (Кіевская опера) и Иванцова (Муз. драма) не сходятъ со столбцовъ печати. Постановка „Бориса Годунова“ Мусоргскаго и др. русскихъ оперъ вызвали серьезный интересъ къ нашей музыкѣ.

Популярная „Летучая Мышь“ Баліева перелетаетъ изъ государства въ государство, вездѣ вызывая восхищеніе изящными миніатюрами. Удачно подобранная труппа во главѣ съ самимъ импрессаріо, остроумнѣйшимъ Баліевымъ, быстро освоилась съ требованіями европейской публики и этотъ своеобразный театрикъ положительно не поспѣваетъ всюду, куда зовутъ его на гастроли.

Репутація „Летучей Мыши“ побудила Я. Южина открыть въ Берлинѣ того же типа театръ подъ названіемъ „Синяя Птица“. Дѣла „Синей Птицы“ идутъ блестяще (первая программа прошла болѣе 40 разъ при полныхъ сборахъ). Неизмѣннымъ успѣхомъ пользуется танцовщица Ю. Бекефи.

А недавно поднялъ занавѣсъ и „Ванька-Встанька“ Агнивцева.

Русскій „театръ художественной мозаики“ несомнѣнно занялъ не послѣднее мѣсто въ художественной жизни Берлина. Но не меньшее признаніе встрѣтило и „серьезное“ искусство.

Не говоря о Московскихъ „Художественникахъ“, чрезвычайно удачно прошли гастроли Полевицкой и хорошо посѣщался театръ Гзовской.

Еще серьезнѣе обѣщаетъ быть русскій сезонъ въ Парижѣ.

Открывается „театръ“ съ Кузнецовой и съ участіемъ выдающихся музыкантовъ и постановщиковъ: Черепнина, Бакста, Судейкина, Гончаровой.

Программа театра состоитъ изъ постановокъ операъ, балетовъ и различныхъ сценокъ изъ русской жизни.

Въ составѣ труппы Кузнецова, Ефремова, Поземковскій, Вермель и Колинъ.

Хореографическими постановками будетъ руководить балетмейстеръ Мясинъ.

Вообще въ Парижѣ русская музыка процвѣтаетъ. Въ Grand-Opéra шелъ „Борисъ Годуновъ“ съ французами-исполнителями и съ оркестромъ подъ управленіемъ Кусевицкаго. Симфоническіе концерты послѣдняго имѣли крупный успѣхъ.

Наиболѣе интереснымъ и пріятнымъ событіемъ является выступленіе баритона И. Иванцова въ Парижской „Grand-Opéra (Риголетто)“. Успѣхомъ пользуются и драматическія произведенія русскихъ авторовъ. Въ театрѣ „Le Vieux Colombier“ хорошіе сборы дѣлала новая пьеса Алексѣя Толстого „Любовь — Книга Золотая“ (декораціи и костюмы по эскизамъ Судейкина). Въ томъ же театрѣ идутъ инсценировки „Братьевъ Карамазовыхъ“ и „Идіота“ Достоевскаго (смѣшанный ансамбль французскихъ и русскихъ актеровъ).

Въ театрѣ „L'oeuvre“ вся недавняя программа сплошь была составлена изъ русскихъ произведеній и отдѣльныхъ номеровъ; между прочимъ гастролировали балерина Балашева съ партнеромъ В. Смольцевымъ, а также — Гаршинъ, Никитина. Фокинъ, по приглашенію Большой Оперы, ставитъ балетъ „Дафнисъ и Хлоя“, „Спящую красавицу“ и др. Балетными постановками въ одномъ изъ парижскихъ театровъ руководитъ Сѣдова. Ею же открыта балетная школа. Сейчасъ въ Парижѣ танцуетъ Ельцова. Наконецъ, въ театрѣ „Magador“ царятъ популярные К. и О. Сахаровы. Впрочемъ, русская Терпсихора не въ меньшемъ почетѣ и въ Берлинѣ. Огромное впечатлѣніе произвела на берлинцевъ Карсавина, давшая одинъ, но блестящій, вечеръ и въ Прагѣ.

У Рейнгардта въ Grosse Schausspielhaus'ѣ горячія симпатіи нѣмцевъ вызываетъ балерина Горева.

Выступленія скрипачки Цецилія Ганзенъ и Б. Захарова проходятъ въ Берлинѣ съ большимъ тріумфомъ.

Изъ оперныхъ силъ весьма выдѣляется въ концертахъ артистка б. Маріинской оперы О. Слободская.

Извѣстный режиссеръ И. Ф. Шмидтъ работаетъ въ главныхъ нѣмецкихъ театрахъ Берлина: „Grosses Schausspielhaus“, „Kammerspiele“, „Deutsches

Theater", при чемъ особенно блестящи его постановки „Анатоль" Шницлера и „Тотъ, кто получаетъ пощечины" Л. Андреева.

Рабенекъ получила приглашеніе ставить балетъ въ оперномъ театрѣ во Франкфуртѣ.

Гастролируютъ съ неизмѣннымъ успѣхомъ въ Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Мюнхенѣ и въ др. германскихъ городахъ артисты Московскаго балета Гамсакурія и Демидовъ.

Неизгладимымъ, полнымъ чарующей прелести и граціи, воспоминаніемъ являются гастроли въ „Deutsches Theater" представительницы Московскаго классическаго балета Каралли въ „Авантюрѣ" Альберга, въ постановкѣ И. Шмидта.

Сейчасъ Каралли находится въ гастрольной поѣздкѣ по Латвіи и Литвѣ.

Глубокую память по себѣ оставили гастроли (Франція, Германія, Италія, Данія и т. д.) цѣлаго ряда выдающихся музыкантовъ и пѣвцовъ: Боровскаго, Бѣлоусова, Д. Смирнова, Александровича, Бобровича, Тадеуша Орда въ особенности же въ связи съ пріѣздомъ изъ Петрограда въ Берлинъ маститаго руководителя Русскаго музыкальнаго творчества — композитора Глазунова, концерты котораго были для насъ національной гордостью.

Русская музыка надолго связалась въ сознаніи европейцевъ съ этими большими художниками звуковъ... Но мы называемъ только имена безспорныя, всѣмъ говорящія, — а какое количество среднихъ и малыхъ исполнителей, подчасъ много обѣщающихъ, хоть еще и не прославленныхъ, подвизается, иногда очень удачно, на подмосткахъ и эстрадахъ всего міра!

Хуже приходится драматическимъ артистамъ. Многіе почти безъ работы. Иностранцы не знаютъ нашего языка; интересъ къ русской драмѣ значительно слабѣе. И тѣмъ не менѣе, послѣ ряда неудачъ и, конечно, ошибокъ русскимъ зарубежнымъ актерамъ удалось сплотиться и создать образцовую труппу во главѣ съ Рощиной-Инсаровой. Другіе участники — почти все извѣстныя имена: Леонтовичъ (Московскій Малый театръ), Кузнецова (Московскій Художественный), Мурскій и др. Труппа играетъ въ Парижѣ.

Изъ учрежденій общественно-театральнаго характера на первомъ мѣстѣ — парижская школа Ю. Э. Озаровскаго въ сотрудничествѣ съ извѣстными спеціалистами по ритмикѣ, гриму, мимикѣ и т. п.

Въ Чехо-Словакіи, при поддержкѣ правительства успѣшно завоевываетъ симпатіи общества „Русскій Камерный театръ — возглавляемый Сургучевымъ и извѣстнымъ режиссеромъ — артистомъ Стрѣлковскимъ.

Своеобразное положеніе занимаютъ на фильмовомъ рынкѣ наши киноартисты. Русскихъ кино-фабрикъ, за исключеніемъ Ермоліевской, нѣтъ. Поэтому нашимъ кино-героямъ и героинямъ приходится чаще всего выступать въ главныхъ роляхъ иностранныхъ фильмъ. Но и въ этихъ случайныхъ „ансамбляхъ", не имѣя возможности подчеркнуть русской манеры въ игрѣ и постановкахъ, такіе артисты, какъ Карабанова, Лисенко, Т. Павлова, Римскій, Стрижевскій, Баратовъ, Мозжухинъ, высоко держатъ знамя русскаго кино-искусства.

Въ краткой замѣткѣ, не претендующей на полноту, вдобавокъ рецензенту, не видѣвшему всего „своими глазами", трудно перечислить все достойное вниманія въ бѣженскихъ центрахъ, и однако при самомъ бѣгломъ обзорѣ поражаешься количествомъ русскихъ художественныхъ предпріятій заграницей и постояннаго и временнаго типа.

Всѣмъ извѣстна давно установившаяся репутація Дягилевскаго балета въ Лондонѣ, „безконечно стремящагося" въ поискахъ патетической красоты постановокъ, костюмовъ и декорацій. Заслуживаютъ серьезнаго вниманія постановки балетовъ: „Шута", „Фламенго" и „Жаръ-Птицы".

Тамъ же опереточный антрепренеръ Евреиновъ съ Потопчиной (Моск. Никит. театра) открываютъ театръ „Шаривари" (сейчасъ Потопчина гастролируетъ въ Берлинѣ, въ нѣмецкой опереттѣ съ нѣмецкимъ составомъ). Балерина Кякштъ открыла въ Лондонѣ балетную школу.

Въ Америкѣ — блестящая плеяда спектаклей, концертовъ и гастролей. На дняхъ закончили турнэ Анна Павлова и Эльза и Викторина Крюгеръ. Въ нью-іоркскомъ театрѣ „Метрополитэнъ" устраиваются вечера русской національной музыки. Въ томъ же театрѣ успѣшно прошла новая опера Прокофьева — „Любовь къ тремъ апельсинамъ"... тамъ проходятъ оперные спектакли труппы Л. Ѳеодорова, изъ коихъ особенный успѣхъ имѣла „Снѣгурочка" Римскаго-Корсакова въ декораціяхъ Рериха. Труппа Ѳеодорова, заканчивая здѣсь свои гастроли, объѣхала Китай, Японію, Индію и другія страны.

Въ театрѣ „Ленокст" организованы русскіе драматическіе спектакли. Въ репертуарѣ: „Осеннія скрипки" Сургучева, „Любовь и Смерть" Шпажинскаго.

Въ Нью-Іоркѣ на дняхъ открылся второй русскій драматическій театръ; кромѣ этого существуетъ театръ русской комедіи и оперетты.

Интенсивность и разнообразность въ театральную жизнь Америкѣ вносятъ концерты знаменитаго віолончелиста Пресса, скрипача Хейфеца, проф. Л. Ауэра, Фидельмана и Бакланова, Липковской и Кошицъ.

Изъ русскихъ художниковъ сейчасъ находятся въ Нью-Іоркѣ: Анисфельдъ и Рерихъ.

Композиторъ Рахманиновъ весьма популяренъ въ Америкѣ, какъ своими концертными выступленіями, такъ и произведеніями.

„Борисомъ Годуновымъ" закончилъ свои гастроли Шаляпинъ, и прославляемый американской прессой выѣхалъ обратно въ Россію.

Въ славянскихъ странахъ: въ Софіи, Бѣлградѣ, Загребѣ и др. городахъ прочно осѣли драматическія и оперныя труппы, которыя безспорно оказываютъ громадное вліяніе на молодое искусство болгаръ и сербовъ. Въ казенномъ оперномъ театрѣ работаетъ исключительный подборъ нашихъ артистовъ, какъ-то: Г-жи Волевачъ (Маріинск. оп.), Роговская (оп. Зимина), Вальяни, Драусаль. Теноръ Викинскій (Одесскій Городской), баритоны: Холодковъ (оп. Зимина), Павловскій (Моск. Большой) и Юреневъ (Одес. Городской) во главѣ балета: Исаченко, художникъ Г. Брановскій, причемъ послѣдній

своими декораціями къ оперѣ „Сказки Гофмана“ и къ комедіи Мольера „Мнимый-больной“ вызвалъ небывалую сенсацію въ обществѣ и прессѣ.

Драматическіе спектакли проходятъ при участіи Мансвѣтовой, Сибиряковой и Эльскаго.

Концерты Ады Поляковой и артистовъ Маріинской оперы Поповой и Каракаша сопровождаются шумнымъ успѣхомъ.

Въ Бѣлградской консерваторіи классомъ рояля руководитъ Слатинъ; вообще тріо бр. Слатиныхъ весьма энергично популяризируетъ русскую музыку.

Русское искусство глубоко пустило корни въ Бѣлградѣ и нѣтъ ничего удивительнаго, что уже образованъ балетъ изъ сербскихъ ученицъ подъ руководствомъ Исаченко, что каждый изъ пѣвцовъ, помимо своей сценической дѣятельности, занимается и педагогической.

Г-жа Воронецъ-Мондвидъ и Запорожецъ въ данное время гастролируютъ съ большимъ художественнымъ и матеріальнымъ успѣхомъ въ Австріи и Чехо-Словакіи.

И въ Константинополѣ, гдѣ нашему артисту выпала немалая доля униженій и лишеній, гдѣ ему приходится всячески примѣняться къ „интернаціональнымъ вкусамъ“, все же удается отъ времени до времени создать нѣчто по-русски красивое.

Къ послѣднему можно отнести съ большимъ трудомъ созданную балетную труппу подъ руководствомъ: режиссера Надеждина, балетмейстера Зимина и дирижера Бутникова. Успѣхомъ пользуется балерина Глюкъ.

Въ лучшемъ положеніи находится опереточный составъ, куда собрано все, что имѣлось цѣннаго и художественнаго въ Константинополѣ.

Симпатіями пользуются: извѣстная опереточная примадонна Піонтковская, оперныя артистки Селиванова и Бураго-Цѣхановская; изъ артистовъ-же: Полонскій, Любинъ, Балабанъ и извѣстный Сѣверскій.

Аверченко и Свободинъ упорно долго держались съ своей труппой „Гнѣзда перелетныхъ птицъ“, стараясь привить русское искусство, но послѣ чуть-ли не года работы прекратили дѣятельность „по независящимъ обстоятельствамъ“; не сомнѣваюсь, что въ недалекомъ будущемъ они будутъ опять творить свое любимое дѣло въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ.

Въ Польшѣ, Латвіи, Литвѣ русское искусство осѣло особенно прочно и вызываетъ восторги мѣстнаго общества. Русскіе театры переполнены. Эта слава настолько обезпокоила шовинистскую прессу новыхъ „государственныхъ образованій“, что она забила тревогу и взываетъ къ гражданскимъ чувствамъ населенія. Имѣются свѣдѣнія о большой удачѣ антрепризы Муратова въ Ригѣ, гдѣ тріумфально прошли гастроли Полевицкой. Въ Ригѣ вообще, по этимъ свѣдѣніямъ, театры — оперный, драматическій и опереточный — состоятъ сплошь изъ русскихъ артистовъ.

Труппа Гришина и Муратова изъ Риги, побывавъ въ Скандинавскихъ странахъ, остановилась теперь въ Берлинѣ, гдѣ парадно готовится къ постановкѣ „Царевича Алексѣя“ Мережковскаго. Въ составѣ труппы находится:

одна изъ лучшихъ драматическихъ актрисъ провинціи Жихарева, и Мельникова, Лаврентьевъ, Гриневъ и др.

И гдѣ только по бѣлому свѣту не создались русскія театральныя ячейки различной структуры и съ самымъ разнообразнымъ репертуаромъ — въ Греціи, въ Александріи, въ Южной Америкѣ, даже на островахъ Тихаго Океана!

Но разумѣется, центръ мірового вниманія — на Московскомъ художественномъ театрѣ, популярность котораго далеко превосходитъ все, что было записано въ театральныхъ лѣтописяхъ.

О „Художественникахъ" написана цѣлая хвалебная литература; для характеристики, приводимъ нѣсколько выдержекъ.

„... Они тѣло и духъ, духъ достигшій небывалой высоты и небывалаго величія... Они больше не играютъ людей: они люди... У нихъ, сознательно или безсознательно—наблюдаешь жизнь, дѣйствительную жизнь или несущуюся мимо бурнымъ потокомъ, или застывшую недвижною гладью..." (Александръ Мойсси)

„... Каждый вечеръ становится битвой. Пусть прольется капля крови — мы должны побѣдить! И они побѣдили. Въ большихъ и малыхъ городкахъ, благодаря имъ, мы узнали Россію. Узнали и сочувственно полюбили ..."

(Максимиліанъ Гарденъ).

„... Вы вернули сценѣ искусство великаго молчанія. Наши умы, наслушавшіеся за послѣдніе годы столько треска изъ словесныхъ пулеметовъ, наслаждаются у вашего мѣста свята гармоніей сферъ, впиваютъ въ себя ваши паузы, — языкъ великаго безмолвія. Вы наша недостижимая цѣль, наша единожды осуществившаяся утопія (Гансъ Броуднитцъ).

„... Говорятъ: время реализма миновало и наступила эра стилизаціи. И все же я думаю, что стиль — это подчиненный — вторичный факторъ искусства.

Всюду и всегда стиль — былъ смѣнявшимся явленіемъ моды, а неизмѣннымъ и вѣчнымъ, словно на гранитномъ цоколѣ, но во всѣ эпохи театра — остался самъ Человѣкъ... И у москвичей самымъ главнымъ нутромъ и сердцевиной остается все же Человѣкъ и дѣйствія его души. Именно, у русскихъ мнѣ чуется порою какое-то почти религіозное служеніе, смиренье и полнота, напряженность души въ тотъ мигъ, когда творимые имъ типы выводятся на подмостки, словно къ алтарю. Эта почти религіозная углубленность присуща именно русскому актеру и всему русскому искусству" .. (Максъ Рейнгардтъ).

По мѣрѣ силъ стараясь въ бѣгломъ очеркѣ охватить огромную по масштабу дѣйствія и территоріи дѣятельность Русскаго Искусства, мы, главнымъ образомъ, руководствовались сознаніемъ необходимости представить ту громадную роль, которую играетъ оно въ жизни европейскихъ народовъ.

И для всѣхъ слетѣвшихъ съ насиженныхъ гнѣздъ ласточекъ русскаго творчества, поющихъ на чужбинѣ свои особыя, грустныя, полныя чудодѣйственной красоты и силы — пѣсенки — сознаніе своей великой миссіи будетъ служить цѣлью и оправданіемъ.

М. Бичуринъ.

ХРОНИКА АКАДЕМИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

ОТКРЫТІЕ РУССКАГО ЮРИДИЧЕСКАГО ФАКУЛЬТЕТА.

Безъ сомнѣнія, открытіе русскаго юридическаго факультета въ Прагѣ является крупнѣйшимъ событіемъ не только въ академической жизни Праги, но и вообще въ современной русской культурной жизни.

При полномъ содѣйствіи Чехословацкаго правительства, дружными усиліями и огромной работой русской профессуры созданъ въ Прагѣ русскій юридическій факультетъ, единственный, съ упраздненіемъ въ Россіи юридическихъ факультетовъ, смогущій подготовить молодыхъ русскихъ юристовъ для будущей работы.

Юридическій факультетъ открывается на основаніи русскаго университетскаго устава съ новелами 1905 — 1917 г. г., почему окончившіе его получатъ дипломы, равноцѣнные старымъ русскимъ.

Деканомъ факультета является маститый проф. П. И. Новгородцевъ, секретаремъ — проф. Н. Н. Алексѣевъ.

Кафедра Исторіи философіи права замѣщена проф. П. И. Новгородцевымъ и прив. доцентомъ Г. Д. Гурвичемъ, кафедра общей теоріи права — проф. А. Н. Фатѣевымъ; кафедра политической экономіи — академ. П. Б. Струве, проф. В. А. Косинскимъ и проф. В. Ѳ. Тотоміанцемъ; кафедра статистики — проф. П. И. Георгіевскимъ; кафедра римскаго и гражданскаго права — проф Д. Д. Гриммомъ и проф. М. М. Катковымъ; кафедра уголовнаго права и судопроизводства — проф. С. К. Гогелемъ и проф. А. В. Маклецовымъ; кафедра государственнаго и административнаго права — проф. Н. Н. Алексѣевымъ кафедра финансоваго права — проф. А. А. Волковымъ; кафедра торговаго права — сен. Завадскимъ. Церковное право будетъ читать прот. Ктиторовъ, курсъ исторіи русскаго права проф. Г. В. Вернадскій и курсъ международнаго права прив.-доцентъ Г. Д. Гурвичъ и ассистенты М. А. Циммерманъ и Г. Н. Михайловскій.

На юридическомъ факультетѣ будетъ состоятъ около 300 студентовъ изъ которыхъ больше половины будутъ продолжать начатое въ Россіи юридическое образованіе. Студенты будутъ снабжены книгами какъ собственной юридической библіотеки, такъ и правомъ пользоваться читальнями и библіотеками чешскихъ учебныхъ заведеній.

Всѣ эти условія, при наличіи крупныхъ именъ, состоящихъ во главѣ факультета, даютъ полную увѣренность, что начатое дѣло окрѣпнетъ и будетъ шириться и развиваться.

Кромѣ открытія русскаго юридическаго факультета, интересно отмѣтить, что на философскомъ факультетѣ Карлова Университета начали читать лекціи крупные русскіе ученые. Такъ, академикъ А. В. Францевъ началъ читать (по чешски) „Исторію литературы XVIII вѣка“, академикъ Кондаковъ „Исторію средневѣковаго искуства и культуры“ (курсъ двухъ годичный), проф. Е. А. Ляцкій „Введеніе въ исторію новой литературы“ и проф. Е. Бодуэнъ де-Куртене — „Польскій языкъ и его отношеніе къ другимъ славянскимъ языкамъ“.

На нѣкоторыхъ лекціяхъ было замѣтно присутствіе студентовъ другихъ факультетовъ.

Учебная работа студентовъ на всѣхъ факультетахъ протекаетъ успѣшно. По отзывамъ чешской профессуры русскіе студенты весьма удовлетворительно сдаютъ установленные минимумы. Сдача предметовъ — на чешскомъ языкѣ.

Большая культурная организація крѣпнетъ, благодаря всемѣрной поддержкѣ Чешскаго Народа, и безусловно внесетъ цѣнный вкладъ въ дѣло русскаго возрожденія.

НА ЗЛОБУ ДНЯ.

Однимъ изъ злободневныхъ вопросовъ, волнующихъ пражское студенчество, является вопросъ о существованіи въ Прагѣ двухъ студенческихъ союзовъ — „Союза Русскихъ Студентовъ въ ČSR." и „Русскаго Студенческаго Союза", образовавшагося изъ „Независимой академической группы". Первый Союзъ насчитываетъ 1500 членовъ, второй — около 100.

Но нужно ли говорить объ этомъ? Отъ 1500 чел. откололась по идеологическимъ соображеніямъ группа въ 100 чел. — казалось бы пустякъ, но эта группа имѣетъ настолько опредѣленное сужденіе о вещахъ и къ ея голосу настолько внимательно прислушивается часть русскаго эмигрантскаго общества, что обойти молчаніемъ этотъ фактъ нельзя.

Итакъ, образовалось два союза; расхожденіе ихъ, главнымъ образомъ, идеологическое (формальныя причины будутъ указаны ниже). Почему же, несмотря на призывы и въ одномъ и въ другомъ союзѣ къ объединенію, этому настойчивому и, увы, безплодному призыву нашихъ дней, все же нѣтъ объединенія?

Русскій Студенческій Союзъ на страницахъ „Воли Россіи" даетъ весьма пространныя объясненія по этому поводу, но Союзъ Русскихъ Студентовъ въ ČSR. хранитъ въ своихъ нѣдрахъ молчаніе. Можетъ быть, на страницахъ выходящаго въ ближайшемъ будущемъ журнала „Студенческіе Годы" (изданіе Союза Р. С. въ ČSR.) это и будетъ сказано съ исчерпывающей ясностью, но пока тѣхъ краткихъ информацій, которыя получало студенчество, было недостаточно.

Въ общихъ чертахъ знаютъ всѣ, что главные пункты формальнаго расхожденія между двумя союзами — судъ чести, дисциплинарный судъ и собраніе уполномоченныхъ, „парламентъ" С. Р. С. въ ČSR. Знаютъ также, что много есть еще недоговореннаго, объ этомъ толкуется какъ угодно и кѣмъ угодно, спорятъ о плюсахъ и минусахъ каждаго союза, спорятъ долго и безплодно и ни къ чему не приходятъ.

Но есть еще третья точка зрѣнія.

Нуженъ ли сейчасъ вообще союзъ, основанный на идеологической почвѣ? Можно-ли сейчасъ (если можно вообще!) спаять людей инакомыслящихъ, инакосмотрящихъ на вещи? И нужно-ли?

Что, если оба существующіе союзы имѣютъ одни и тѣ-же основные недостатки и потому, только потому, и не достигаютъ своей цѣли?

Можетъ быть, можно, оставивъ оба союза, наметить новый, единый для всѣхъ?

Ясно каждому, что студенческій союзъ имѣетъ смыслъ и значеніе въ полномъ своемъ объемѣ только тогда, когда в с ѣ студенты будутъ его членами. Всякій союзъ, какъ и всякое сообщество, имѣетъ однимъ изъ своихъ моментовъ сотрудничество, причемъ это сотрудничество должно быть постояннымъ. Постоянное сотрудничество предполагаетъ наличность интереса, для-ща ося интереса, у всей совокупности сочленовъ, т. е. сознанія, что у нихъ всѣхъ есть какая-то общая потребность.

Эта потребность, наиболѣе реальная, дѣйствительно связывающая всѣхъ русскихъ студентовъ въ Прагѣ, безъ сомнѣнія экономическая! Только съ разрѣшеніемъ ея возможны всѣ другія стороны жизни, а, главное, всѣ равно зависятъ отъ нея.

Вотъ, если-бы, путемъ выборовъ по мѣстожительству, какъ въ старостаты, выбирая людей, съ которыми живешь и которыхъ каждый день видишь, предложить избраннымъ старостамъ образовать, скажемъ, Совѣтъ Старостъ, то, получивъ сразу высшую инстинцію, это, во первыхъ, вѣрно выявило-бы волю всего студенчества, а во вторыхъ, простѣйшимъ способомъ разрѣшилобы участіе студенчества, въ сотрудничествѣ съ комитетомъ, въ экономическомъ управленіи своей собственной жизнью.

Совѣтъ старостъ между собой распредѣлилъ бы функціи, избѣгнувъ безчисленныхъ надсекцій и подотдѣловъ по мелодекламаціи и церковному пѣнію, футъ-болу и авіаціи, а давая спортсмэнамъ и музыкантамъ самимъ организоваться.

Существованіе академическихъ секцій осталось бы само по себѣ, независимо, такъ же какъ раньше были факультетскіе и курсовые старосты. Вѣдь наша современная студенческая жизнь отличается отъ старой своей, главнымъ образомъ, экономической стороной — ее и надо разрѣшить радикально, не разрѣшая совмѣстно культурно-просвѣтительныя и спортивныя задачи, какъ это и было раньше, въ Россіи. Это возможно, но не необходимо, и изъза этого загромождать основной аппаратъ, да еще создавать тренія, по меньшей мѣрѣ мало осмотрительно.

Было-бы нелѣпо говорить о ненужности спорта, музыки или драматическаго искусства, но эти стороны нашей жизни сами по себѣ настолько жизненны, что сами сорганизуются, сами сольются въ свой собственный, полный общихъ интересовъ, союзъ и, кажется, лучше, „чѣмъ не желая вносить разлада“.

Съ организаціей, простой по структурѣ (по сравненіи съ нынѣшнимъ), чисто экономическаго союза, куда вошли-бы всѣ студенты, находящіеся на иждивеніи Комитета, было бы достигнуто единство и были-бы устранены тѣ препятствія, о которыя ломается столько копій, а убѣжденія каждаго остались бы, какъ и сейчасъ, при немъ самомъ, какъ и его склонности заниматься въ той или иной формѣ спортомъ или свободнымъ творчествомъ.

Конечно, все это въ самыхъ общихъ чертахъ, детализація и вообще структура — это уже дѣло спеціалистовъ, а не пишущаго краткую статью.

Вотъ та третья точка зрѣнія, на которой стоятъ многіе, кстати сказать, иногда не входящіе ни въ одинъ изъ существующихъ союзовъ и никакихъ лишеній отъ этого не испытывающіе.

Разговоры о политической жизни дня русскаго студенчества искренно интересуетъ малую часть его, большинство же желаетъ только учиться и заниматься въ свободное время искусствами или спортомъ. Навязываемое представленіе, что русское студенчество въ данный моментъ жаждетъ политической жизни — ни на чемъ не основано и причины этого — не въ рамкахъ данной статьи, гдѣ хотѣлось только высказать нѣкоторыя соображенія о новомъ, желательномъ, экономическомъ, единомъ для всѣхъ, Союзѣ. При наличіи авторитетнаго Совѣта Старостъ во главѣ такого союза, все студенчество могло-бы быть всегда въ курсѣ всѣхъ событій своей экономической жизни и, думается, было бы свободнѣе отъ иногда весьма непріятныхъ притязаній и обвиненій справа и слѣва въ мало отвѣчающихъ дѣйствительности своихъ стремленіяхъ.

С. С.

КНИГИ ПО СЛАВЯНОВѢДѢНІЮ.

Проф. **А. Францевъ**. Очерки по исторіи Чешскаго возрожденія. Русско-чешскія ученыя связи XVIII и первой половины XIX столѣтій. Варшава.

Д-ръ **О. Карасекъ**. Краткій обзоръ славянскихъ литературъ (краткія біографіи выдающихся славянскихъ дѣятелей).

Лавровъ. Жизнь и ученая дѣятельность Шафарика. Москва, 1897.

Проф. **Л. Нидерле**. Обозрѣніе современнаго славянства. Изданіе Академіи Наукъ. Славянская энциклопедія. Вып. 2-й.

И. Малышевскій. Св. Кириллъ и Меѳодій. Кіевъ, 1886.

Dudik. Dějiny Moravy I. (Исторія Моравіи, какъ источника славянской письменности).

А. И. **Добрянскій**. О западныхъ границахъ Подкарпатской Руси со временъ Владимира Святого. Ж. М. Н. П. Т. CCVIII отд. II.

Jan Dolenský. (Dr A. Reizna). Obrázkové dějiny Národa Českého Praha. (Роскошное новое изданіе) 1914 г.

Fr. Palacký. Dějiny české.

W Wlad. Tomek. Geschichte Böhmens. Prag 1875

Peisker Jan. Kdo byli naši předkové, co jsme po nich v sobě zdědili. Praha 19

S. Niederle. Život Starých Slovanů. (Три тома)
Slovanské starožitnosti. 3 тома.

В. В. **Стасовъ**. Собраніе сочиненій. (Слав. искусство).

Т. Г. Масарикъ. Славянофильство Ивана Васильевича Кириевскаго. Ж. М. Н. П.212.

П. Н. **Милюковъ**. Очерки по исторіи русской культуры. „Вѣстн. Европы“ 1908. кн. 8.

Влад. Даль. Кон. С. Аксаковъ. П. Безсоновъ.

Проф. **Т. Д. Флоринскій**. Карта разселенія славянъ во второй половинѣ IX. в. Кіев. 1907.
Этнографическая картина зап. славянства и зап. Руси. Кіевъ 1911.
Лекціи по слав. языкознанію. I. юго-западные славянскіе языки. II. Сѣверо-зап. славянскіе языки. П. 1897.

Пыпинъ и **Стасовичъ**. Исторія славянской литературы 2-ое изд. П. 1881.

Lubor Niederle. Slovanský svět.

Проф. **Люборъ Нидерле**. „Славянскій Свѣтъ“. Praha 1909 г. русскій переводъ изъ Энциклоп.. Наукъ. „Географическо-статистическій обзоръ современнаго славянства“. Приложеніе карты этнограф. совр. славянства.

Редакторъ
Василій Ильинскій.

Издат. Русская Секція Студ. Об. Славянскаго Единенія.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Тріединый символъ. *В. Ильинскій* . . . . . 5.
Какъ пѣли звѣзды. Стих. *О. Бржезина* переводъ съ чешскаго *С. Савинова* . . . . . 9.
Vanitas. Вѣнокъ сонетовъ. *Сергѣй Маковскій* . . . . . 10.
Изъ книги „Сосудъ золотой“ Стих. *Юрій Миролюбовъ* . . . 18.
Скифская Царевна Стих. *Глѣбъ Струве* . . . . . 21.
Весенняя сказка. Стих. *Г. П* . . . . . 23.
Изъ книги „Вѣнецъ Скорби.“ Стих. *Василій Ильинскій* . . . 24.
Господинъ Шлегль и Господинъ Ришанекъ. Разсказъ *Янъ Неруда* Переводъ съ чешскаго *М. Ягудко* . . . . . 27.
Синій часъ. Разсказъ. *Владиміръ Кадашевъ* . . . . . 38.
Этюды. *С. Савиновъ* . . . . . 47.
За судаками. Разсказъ. *С. К. Лабинскій.* . . . . . 50.
Вахмистръ Чубъ. Разсказъ. *Николай Еленевъ* . . . . . 57.
Поэзія чуткихъ и ищущихъ (А. Блокъ). *Е. Ляцкій* . . . . 72.
Книги изъ Россіи. *Е. Недзѣльскій* . . . . . 76.
Соколъ. Путь къ единенію. *И Костюченко* . . . . . 85.
Къ общей цѣли. *Д. Яблонскій* . . . . . 88.
Переломъ въ настроеніяхъ. *С. Звѣревъ* . . . . . 93.
Славянскій Баянъ. *Д. В.* . . . . . 98.
Русское сценическое искусство за рубежемъ. *М. Бичуринъ* . . 101.
Академическая хроника . . . . . 107.

Всѣ на помощь ГОЛОДАЮЩИМЪ!

Въ Россіи — людоѣдство. Умираетъ Нація.

Спасите хотя бы только дѣтей!

Русская Секція Студенческаго Общества Славянскаго Единенія открываетъ пріемъ пожертвованій въ пользу голодающихъ съ передачей собранныхъ суммъ въ Комитетъ Пом. Голодающимъ при С. Р. С. въ Č. S. R.

Исполните свой человѣческій долгъ!

Пожертвованія принимаются казначеемъ секціи г. Хитьковымъ Praha-Libeň VIII. č. 184. (Svobodárna).

Поступили:

Отъ Русск. Секціи Славянск. Об. Студенч. Ед. 150 Kč.

Остальные списки поступившихъ суммъ будутъ напечатаны дополнительно.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ

3-ья книга

„МЛАДОРУСЬ“

ПУШКИНСКІЙ СБОРНИКЪ.

Рукописи имѣющія отношеніе къ Пушкинскому сборнику просятъ присылать въ редакцію.

Адресъ редакціи: Praha, Smichov, Přemyslova 16.
Секретарь ред. С. Я. Савиновъ принимаетъ:
Среда и Суббота отъ 11 до 1 час. дня.

Акціон. капиталъ
Ч. кр. 40.000.000.

Вклады около
Ч. кр. 270.000.000.

Поземельный Банкъ

БЪ ПРАГѢ

(POZEMKOVÁ BANKA V PRAZE)

НА ПРЖИКОПѢ 12.

ОТДѢЛЕНІЯ: въ Чеш. Будейовицахъ, Пильзнѣ, Мор. Остравѣ, Оломоуцѣ, Брнѣ, Страконицѣ, Индрж. Градцѣ, Пардубицахъ, Маріанскихъ Лазняхъ, Чешскомъ Тѣшинѣ и вокзальн. экспозитура въ Хрудимѣ.

ПРЕДСТАВИТ. ВЪ ПАРИЖѢ: R. d'Audrizky, 17 rue de Chateaudun, Paris (9e).

БАНКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ производитъ всякаго рода банков. операціи. Покупаетъ и продаетъ всякія процентныя бумаги, акціи и выигрышн. билеты. Обезпеченія и поручительства. Продажа классов. лотереи.

ОТДѢЛЕНІЕ НЕДВИЖИМОСТЕЙ — покупаетъ и продаетъ имѣнія, участки, строит. участки и иныя недвижимости и посредничаетъ въ продажѣ и покупкѣ недвижимостей на самыхъ выгодныхъ условіяхъ.

МАШИННОЕ ОТДѢЛЕНІЕ — поставляетъ со своихъ складовъ первоклассныя сельскохозяйственныя машины наилучшаго изготовленія на выгодныхъ условіяхъ.

УГОЛЬНОЕ ОТДѢЛЕНІЕ — продаетъ угли оптомъ и въ розницу. — Канцелярія — Прага II, Спалена ул., 41.

Пражскій
КРЕДИТНЫЙ БАНКЪ

Прага II, Улица 28 Октября.

Акціонерный капиталъ . . . . 75.000.000.
Резервный фондъ . . . . . 53.000.000.

ФИЛІАЛИ:

Въ Братиславѣ, Брнѣ, Чешскихъ Будейовицахъ, Хрудимѣ, Колинѣ на Лабѣ, Коницѣ, Кралупахъ на Влт., Находѣ, Оломоуцѣ, Мор. Остравѣ, Писекѣ, Пильзнѣ, Раковникѣ, Ч. Тржебовѣ, Усти на Л., Бѣлградѣ (Югославія).

ОТДѢЛЕНІЯ въ Софіи (Болгарія) и въ Бухарестѣ — „Banque Romanie de Commerce et de Crédit de Prague".

Производитъ всѣ банковыя операціи.

Съ 1922 года издается въ Прагѣ Из-вомъ „I. O T T O“

„Русская Мысль“

Адресъ конторы: Prague II, Karlovo nám. 35 (Tchécoslovaquie).

Здѣсь же принимаются объявленія въ журналѣ.

„Русская Мысль“

ежемѣсячное литературно-политическое изданіе подъ редакціей Петра Струве. — Органъ свободной русской національной мысли, политической и культурной.

„РУССКАЯ МЫСЛЬ“ основана въ Москвѣ въ 1880 г. С. А. Юрьевымъ, продолжателемъ котораго были В. М. Лавровъ и В. А. Гольцевъ. Съ 1907 г. по 1911 г. журналъ выходилъ подъ редакціей А. А. Кизеветтера и П. Б. Струве, а съ 1911 по 1921 г. — одного П. Б. Струве.

ЦѢНА: обыкновеннаго номера: . . . **Kč 28, Mrk. 100, fr. fr. 10.**
двойного номера (янв.—февр.) **Kč. 40, Mrk. 110, fr. fr, 12**

J. OTTO, Éditeur. Prague, Karlovo náměstí č. 34. (Tchécoslovaquie)

Отдѣленія Из-ва: въ Вѣнѣ: I. Gluckgasse 3, Wien; въ Братиславѣ: Bratislava, Laurinská ul. 8; въ Константинополѣ: Dépôt central de l'Union des Villes russes, Constantinople, Grand' rue de Péra, 388 8.

ПРЕДСТАВИТЕЛИ:

ДЛЯ ФРАНЦІИ: Sté de Presse, de Publicité et d'Éditions. Paris. 22 rue d'Anjou.

ДЛЯ ГЕРМАНІИ, ПОЛЬШИ, ЛАТВІИ, ЛИТВЫ и ЭСТОНІИ: Russischer Universal Verlag Berlin W. 62 Martin Lutherstrasse 96.

ДЛЯ АМЕРИКИ: A. G Malishevsky. New-York. 144—23 Str. Elmhurst N. Y.

ДЛЯ АНГЛІИ: Русскій книж. магазинъ. N. Makaroff 18, Bury St., London, W. C. 1.

ДЛЯ БЕЛЬГІИ: Librairie Franco-Russe S. Feldman, Bruxelles, Avenue Louise, 112.

ДЛЯ РУМЫНІИ и БЕССАРАБІИ: „K. Schechter & Fii“, Chisinau, Roumanie.

ДЛЯ СЕРБІИ: SHS. Belgrade, книж. магазинъ „Руска Мисао“, Поенкарева ул. 20.

ДЛЯ БОЛГАРІИ: „Россійско-Болгарское книгоизд-во“, Софійскій Банкъ. Sophia, Bulgarie.

ВЪ ВѢНѢ: Russische Buchhandlung „Jacub Persky“, Wien VII, Mechitharisteng. 4.

ВЪ ДАНЦИГѢ: Verlag „Vek Kultury“ Danzig. Promenade 6.

Книгоизда-тельство „НАША РѢЧЬ“ Книжный Магазинъ

Praha II, Kateřinská ul. č. 40, Tchécoslovaquie.
Telegr. „Naretch — Praha“.

ПЕЧАТАЮТСЯ И НА ДНЯХЪ ПОСТУПЯТЪ ВЪ ПРОДАЖУ:

С. Маковскій. „Силуэты русскихъ художниковъ 19 столѣтія“. На смѣну передвижникамъ. Новаторы переходной полосы. Импрессіонизмъ и русскій пейзажъ. Стилисты „Міра искусствъ“. Врубель и Рерихъ. Молодые москвичи. На рубежахъ кубизма. Послѣсловіе.

Бор. Соколовъ. „Мятежъ или исканіе“. Театръ и искусство въ Совѣтской Россіи.

С. Маковскій. „Русская религіозная живопись“.

Проф. В. Тотоміанцъ. „Кооперація въ Россіи“. Исторія кооперації до послѣднихъ дней, съ главами: Русская кооперація во время войны и революціи. Кооперація въ Совѣтской Россіи.

Проф. Фанъ-деръ-Флитъ. „Ариѳметика приближенныхъ чиселъ“. Книга нужна для всякаго инженера, архитектора, техника и студента, которымъ необходимо быстро, безошибочно вычислять. Пріемы, которымъ учитъ книга, сокращаютъ вычислительныя работы въ нѣсколько разъ.

На складъ поступила очередная партія книгъ изъ Россіи.

Игорь ГРАБАРЬ. „Русскіе художники“. Собраніе иллюстрированныхъ монографій. Андрей Петровичъ Рябушкинъ. Жизнь и творчество. А. РОСТИСЛАВОВЪ. -:- В. А. СѢРОВЪ, текстъ С. Р. ЭРНСТА. -:- Иванъ ЕВДОКИМОВ. Севeр в исторiи русского искусства. -:- „Среди коллекціонеровъ“ Ежемѣсячникъ собирательства. N 1-й Январь, N 2-й Февраль. -:- „ПАРФЕНОН“, сборник первый. -:- А. С. ПУШКИНЪ. Гавріиліада. -:- Проф. П. Н. САКУЛИН. Пушкин. Историко-литературные эскизы. -:- „Царское село в поэзии“ со статьей Э. Ф. ГОЛЛЕРБАХА. -:- Вал. БРЮСОВ. Последние мечты, стихотворения. -:- Ал. БЛОК. За гранью прошлых дней, стихотворения. -:- М. КУЗМИН. Нездешние вечера, стихи. -:- В. ИРЕЦКИЙ. Гравюры. -:- Гр. АДАМОВИЧ. Чистилище, стихи. -:- Б. А. ТУРАЕВ. Древний Египет. -:- Б. Д. БРУЦКУС. Аграрный вопрос и аграрная политика. -:- С. Я. ШТРАЙХ. Броженiе в армiи. К столетию заговора декабристов. -:- Проф. И. И. ЛАППИН. Философия изобретения и изобретение в философии. -:- Георгий ИВАНОВ. Лампада, собрание стихотв. -:- Ирина ОДОЕВЦЕВА. Двор чудес. Стихи 1920—1921 г. -:- ХОДАСЕВИЧ. Путем зерна. -:- ГУМИЛЕВ. Фарфоровый павильон. Китайские стихи. -:- Мария ШКАПСКАЯ. „Матер Долороза“. -:- М. КУЗМИН. Лесок. Лирическая поэма -:- Николай ГУМИЛЕВ. Тень от пальмы. -:- О. ГУМИЛЕВ. Мик. Африкан. поэма.

ТРЕБУЙТЕ КАТАЛОГЪ N 7.

ПЕРІОДИЧЕСКІЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СБОРНИКЪ

МЛАДОРУСЬ

КНИГА ВТОРАЯ.

Литературно - Художественный отдѣлъ при ближайшемъ участіи Сергѣя Маковскаго.

ЗАДАЧИ СБОРНИКА:

Служеніе Національной Идеѣ, Идея Всеславянскаго Единенія, Объединеніе молодыхъ литературныхъ силъ за рубежомъ.

Поэзія, беллетристика, религіозныя и философскія статьи, славяновѣдѣніе, литературная и художественная критика, библіографія, академическая жизнь, театръ и искусство.

Въ ближайшихъ сборникахъ участвуютъ:

Н. Н. Алексѣевъ, Богдаръ-Туркестанцевъ, В. Ваврикъ, Д. Н. Вергунъ, С. Водовъ, С. К. Гогель, Ал. Гришинъ, Н. Демковъ, А. Дроздовъ, Н. Еленевъ, К. П. Крамаржъ, Вл. Кадашевъ, В. А. Косинскій, Фр. Кубка, И. Костюченко, И. И. Лаппо, Е. А. Ляцкій, Б. Лаго, Г. Медвѣцкій, Ю. Миролюбовъ, Е. Недзѣльскій, П. И. Новгородцевъ, проф. Карл. Унив. Поливка, И. О. Панасъ, С. Савиновъ, П. Н. Савицкій, Гл. Струве, С. Склабинскій, Ю. Склабинскій, Нина Снѣсарева-Казакова, А. В. Францевъ, Г. В. Флоровскій, Е. Н. Чириковъ, А. Черный, Н. В. Ястребовъ и другіе.

Редакторъ **Василій Ильинскій.**

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

Savine
AP50
.M5
kn.2